

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИМЕНИ Е.М.ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Россия и новые государства Евразии

IV (LXV)

2024

Ежеквартальный журнал
ISSN 2073-4786
Основан в 2008 г.

Учредитель – Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН

Главный редактор Н.В.Работяжев
Председатель редакционной коллегии
академик РАН Г.И.Чуфрин

Члены редколлегии

А.С.Булатов, Л.Б.Вардомский, В.Б.Кашин, А.Б.Крылов, В.Л.Ларин,
Е.Б.Ленчук, Д.Б.Малышева, Д.В.Муха (Белоруссия), С.К.Олимова
(Таджикистан), И.В.Рыжов, И.А.Сафранчук, Р.А.Сафрастян (Армения),
В.А.Смирнов, Э.Г.Соловьев, Б.К.Султанов (Казахстан), Ян Чен (Китай),
З.К.Шаукенова (Казахстан).

Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная, 23
Телефон: (499) 128-89-94
E-mail: ringe@imemo.ru

Регистрационный номер ПИ № ФС77-77969 от 03.03.2020 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписаться на журнал можно на официальном сайте каталога «Пресса
России» www.pressa-rf.ru и на сайте интернет-магазина «Пресса по
подписке» www.aks.ru. Подписной индекс журнала – 71433.

Точка зрения авторов публикуемых материалов может не совпадать с
мнением редколлегии журнала

Подписано в печать 25.12.2024 г. Формат 60x84/8

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем 17,84 п.л. Тираж 120 экз. Заказ 2

Издается на полиграфической базе ИМЭМО РАН,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

© ИМЭМО РАН, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редколлегии
академик РАН Г.И. Чуфрин

Главный редактор
Н.В. Работяжев

Члены редколлегии:

А.С. Булатов (МГИМО МИД России, Москва), Л.Б. Вардомский (Институт экономики РАН, Москва), В.Б. Кашин (НИУ ВШЭ, Москва), А.Б. Крылов (ИМЭМО РАН, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток), Е.Б. Ленчук (Институт экономики РАН, Москва), Д.Б. Малышева (ИМЭМО РАН, Москва), Д.В. Муха (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Белоруссия), С.К. Олимова (Научно-исследовательский центр «ШАРК», Душанбе, Таджикистан), И.В. Рыжов (Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород), И.А. Сафранчук (Институт международных исследований МГИМО МИД России, Москва), Р.А. Сафрастян (Институт востоковедения НАН, Ереван, Армения), В.А. Смирнов (МГИМО МИД России, Москва), Э.Г. Соловьев (ИМЭМО РАН, Москва), Б.К. Султанов (Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, Алматы, Казахстан), Ян Чен (Шанхайский университет международных отношений, Шанхай, Китай), З.К. Шаукенова (вице-президент НАН Республики Казахстан).

EDITORIAL BOARD

Chairman Academician of RAS G.I. Chufrin

Editor-in-chief N.V. Rabotyazhev

Members of the Editorial Board:

A.S. Bulatov (MGIMO University, Moscow), L.B. Vardomsky (Institute of Economics RAS, Moscow), V.B. Kashin (National Research University Higher School of Economics, Moscow), A.B. Krylov (IMEMO, Moscow), V.L. Larin (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of RAS, Vladivostok), E.B. Lenchuk (Institute of Economics RAS, Moscow), D.B. Malysheva (IMEMO, Moscow), D.V. Mukha (Institute of Economics NAS of Belarus, Minsk, Belarus), S.K. Olimova (Research Centre SHARQ, Dushanbe, Tajikistan), I.V. Ryzhov (Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod), I.A. Safranchuk (Institute for International Studies of MGIMO University, Moscow), R.A. Safrastyan (Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia), V.A. Smirnov (MGIMO University, Moscow), E.G. Solovyev (IMEMO, Moscow), B.K. Sultanov (Research Institute for International and Regional Cooperation of Kazakh-German University, Almaty, Kazakhstan), Yang Cheng (Shanghai International Studies University, Shanghai, China), Z.K. Shaukenova (Vice-President of NAS of the Republic of Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

УКРАИНА СЕГОДНЯ

<i>Э. Соловьев</i> Украинский кризис: новый этап эскалации.....	9
---	---

БЕЛОРУССИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

<i>Е. Цедилина</i> Внешнеполитические маневры Минска.....	23
<i>А. Кривопапов</i> Военно-политическое значение Белоруссии для России.....	40
<i>В. Оленченко</i> Социально-политическая адаптация Белоруссии к региональным реалиям.....	51

МОЛДАВИЯ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ

<i>Н. Работяжев</i> Президентские выборы в Молдавии в контексте раскола общества.....	66
---	----

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

<i>А. Поливач</i> Криптовалюты в торговле России со странами Центральной Азии.....	81
<i>Е. Ионова</i> Парламентские выборы в Узбекистане в контексте реформ президента Ш. Мирзиёева.....	95
<i>И. Данилин</i> Развитие «зеленой» энергетики в Центральной Азии.....	107

<i>А. Мигранян, И. Кришталъ</i> Экономика Таджикистана: факторы роста на фоне низкого уровня жизни.....	120
---	-----

<i>А. Сбитнева</i> Турция в Центральной Азии: региональные тенденции.....	133
--	-----

<i>О. Шегирбаев</i> Казахстан в рамках ОТГ и ЕАЭС: сравнительный анализ.....	152
--	-----

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ – ВРЕМЯ ВЫБОРА

<i>А. Сихарулидзе</i> «Неправильная» демократия: парламентские выборы в Грузии.....	166
---	-----

<i>И. Федоровская</i> Итоги парламентских выборов в Грузии.....	182
--	-----

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА

<i>Д. Офицеров-Бельский</i> Трансформация Инициативы трех морей в контексте конфликта вокруг Украины.....	191
---	-----

<i>Н. Пыжиков, Т. Алиев, В. Живалов</i> Большое Евразийское партнерство и перспективы развития ЕАЭС.....	200
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	223
------------------------------------	------------

CONTENTS

UKRAINE TODAY

<i>E. Solovyev</i> The Ukrainian Crisis: New Stage of Escalation.....	9
--	---

BELARUS: GEOPOLITICAL FUTURE

<i>E. Tsedilina</i> Foreign Policy Maneuvers of Minsk.....	23
<i>A. Krivopalov</i> Belarus's Military-Political Significance for Russia.....	40
<i>V. Olenchenko</i> Socio-political Adaptation of Belarus to Regional Realities.....	51

MOLDOVA AND TRANSNISTRIA

<i>N. Rabotyzhev</i> Presidential Elections in Moldova in the Context of Division of the Society.....	66
---	----

CENTRAL ASIA IN THE GLOBAL WORLD

<i>A. Polivach</i> Crypto-currency in Russian trade with the Central Asia Countries.....	81
<i>E. Ionova</i> Parliamentary Elections in Uzbekistan in the Context of the President Sh. Mirziyoyev's Reforms.....	95
<i>I. Danilin</i> Development of "Green" Energy in Central Asia.....	107
<i>A. Migranyan, I. Krishtal</i> Economy of Tajikistan: Growth Factors against the Background of Low Standards of Living.....	120

<i>A. Sbitneva</i>	
Turkey in Cenral Asia: Regional Trends.....	133

<i>O. Shegirbayev</i>	
Kazakhstan within the Framework of the OTS and the EAEU: Comparative Analysis.....	152

SOUTH CAUCASUS – TIME OF CHOICE

<i>A. Sikharulidze</i>	
“Irregular” Democracy: The Parliamentary Elections in Georgia.....	166

<i>I. Fedorovskaya</i>	
Results of the Parliamentary Elections in Georgia.....	182

STRATEGY AND POLITICS

<i>D. Ofitserov-Belskiy</i>	
Transformation of the Three Seas Initiative in the Context of the Conflict over Ukraine.....	191

<i>N. Pyzhikov, T. Aliyev, V. Zhivalov</i>	
Great Eurasian Partnership and the Prospects of Development of the EAEU.....	200

INFORMATION FOR AUTHORS.....	223
-------------------------------------	------------

Э. Соловьев

**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС:
НОВЫЙ ЭТАП ЭСКАЛАЦИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-9-22

Соловьев Эдуард Геннадьевич, кандидат политических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), руководитель Центра постсоветских исследований, ORCID 0000-0002-4433-3291, solovyev@imemo.ru

Статья поступила в редакцию 19.12.2024. Одобрена после рецензирования 23.12.2024. Принята к публикации 24.12.2024.

Аннотация: Конфликт на Украине усилиями вложивших в него значительные политические и иные инвестиции стран Запада приобрел черты учредительного и оказывает значительное воздействие на современные международные отношения и характеристики формирующегося мирового порядка. В 2024 г. произошла значительная технологическая эскалация и пространственно-географическое расширение конфликта. Среди ключевых тем обсуждения экспертами оказалась даже возможность применения ядерного оружия. В мировых финансовых кругах обсуждались вопросы конфискации замороженных российских валютных резервов и иных активов. В статье подчеркивается, что конфликт находится в активной фазе. Оценки ситуации сторонами и их интересы (Украины, стран Запада, с одной стороны, и России, с другой) кардинально расходятся. Конфликт интересов углубляется. В США и Европе сильны позиции «партии войны» и проукраинского лобби. В этих условиях трудно представить успех урегулирования конфликта в рамках переговорного процесса в 2025 году, несмотря на смену президентской администрации в США. Ход и исход СВО определит роль и место РФ в новом формирующемся мировом порядке, степень влияния России не только в разных субрегионах постсоветской Евразии, но и в странах «глобального Юга».

Ключевые слова: конфликт, Украина, мировой порядок, СВО, урегулирование конфликта.

THE UKRAINIAN CRISIS: NEW STAGE OF ESCALATION

Eduard G. Solovyev, Cand. (Political Sciences), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Head of Center for Post-Soviet Studies, ORCID 0000-0002-4433-3291, solovyev@imemo.ru

Received 19.12.2024. Revised 23.12.2024. Accepted 24.12.2024.

Summary: The conflict in Ukraine, through the efforts of Western countries that have made political, financial and other way investments in it, has acquired the characteristics of a constituent one, so called “game changer” and has a significant impact on modern international relations and the characteristics of the emerging world order. In 2024, there was a significant technological escalation and geographical expansion of the conflict. Among the key topics discussed by experts was even the possibility of using nuclear weapons. The issues of confiscation of frozen Russian foreign exchange reserves and other assets were discussed in global financial circles. The article emphasizes that the conflict is in an active phase. The parties' assessments of the situation and their interests (Ukraine, Western countries, on the one hand, and Russia, on the other) radically differ. The conflict of interests is deepening. The positions of the “war party” and the pro-Ukrainian lobby are strong in the USA and in Europe. In these circumstances, it is difficult to imagine the success of the conflict settlement within the framework of the negotiation process in 2025, despite the change of the presidential administration in the United States. The outcome of the conflict will determine the role and place of the Russian Federation in the new emerging world order, the degree of Russia's influence not only in different subregions of post-Soviet Eurasia, but also in the countries of the “global South”.

Keywords: conflict, Ukraine, world order, special military operation, conflict settlement.

Конфликт на Украине остается на сегодняшний день ключевым кризисом, который не только накладывает отпечаток на ситуацию на всем постсоветском пространстве, но и, без преувеличения, трансформирует современные международные отношения, оказывает воздействие на формирование контуров грядущего нового мирового порядка [подробнее см.: 1]. На Украине продолжается столкновение интересов России и стран Запада в сфере безопасности с участием западного «прокси» в лице существующего в Киеве режима, с одной стороны, и вооруженных сил Российской Федерации в рамках СВО, с другой. От его результатов во многом зависит формирование новой евразийской архитектуры безопасности.

Достижение объявленных в феврале 2022 г. президентом В. Путиным целей СВО наглядно продемонстрирует, что именно Россия является ключевым брокером и гарантом безопасности в Евразии. И наоборот, если

провозглашенные в процессе урегулирования цели окажутся недостижимыми, это способно в значительной степени девальвировать значение российских гарантий и подорвать роль РФ как брокера и гаранта безопасности на постсоветском и, шире?– Евразийском пространстве.

Таким образом, ход и исход СВО вносит существенный вклад в возможности проецирования Москвой своего влияния (в т. ч. политического, дипломатического, а также посредством «мягкой силы») не только в различных субрегионах постсоветской Евразии, но и в странах Глобального Юга.

Эволюция позиции Запада по отношению к конфликту

Позиция США и ведущих стран Запада относительно конфликта вокруг Украины остается последовательной и достаточно консолидированной. Сформировавшаяся на Западе достаточно широкая коалиция находящихся у власти политических сил (которую условно можно обозначить как «партию войны») исходит из того, что конфликт на Украине – это уникальная историческая возможность ослабить Россию, не вступая с ней в прямую конфронтацию.

Следует сказать, что позиции представителей этой условной «партии войны» сильны не только в США, но и в не меньшей степени в странах Европы. Она представлена практически на всех уровнях государственного управления, в СМИ, в экспертных кругах, в военном истеблишменте западных стран. Благодаря усилиям этой группы сформирована устойчивая стратегия действий Запада в отношении Украины и России.

Для администрации Дж. Байдена основная задача состояла в нанесении «стратегического поражения» России или ее «истощение», то есть такое политическое, военное и экономическое ослабление России, которое устранил ее из числа ключевых акторов при определении мирового баланса сил. Достичь этой цели предполагается за счет поддержки «прокси»-страны в конфликте – т. е. Украины – и провоцирования экономической и политической дестабилизации РФ посредством совокупного влияния экономических ограничений, именуемых на Западе «санкциями», активной пропагандистской кампании и деморализующих население военных потерь.

Первоначальные оценки перспектив развития конфликта в основном исходили из прогнозируемой экономической слабости и уязвимости экономики РФ. Основной расчет при этом строился вокруг разрушительного воздействия всеобъемлющих экономических санкций стран Запада на российскую экономику, что якобы в короткие сроки вынудит Москву к фактической капитуляции. Подобного рода недооценка российского потенциала и первая волна оптимизма в отношении неспособности Москвы противостоять консолидированному давлению стран Запада наблюдалась весной 2022 г. Тем не менее, вопреки ожиданиям западных аналитиков, скорого краха российской

экономики, а за ним – обвала политического режима и кризиса государства не произошло.

Однако после успешного наступления украинских войск на Харьковском направлении в августе – сентябре 2022 г., утраты контроля Россией над Херсоном (9 ноября 2022 г.) и отвода российских войск на левый берег Днепра, среди западных и украинских политиков стал активно продвигаться нарратив о возможности нанесения России военного поражения. На этой основе в странах Запада возникла вторая волна исторического оптимизма, теперь – относительно возможности сокрушения «армии Путина» на поле боя.

В СМИ и даже среди части экспертного сообщества получило распространение мнение, что российская армия в данный исторический момент крайне слаба и ВСУ вполне по силам – при финансовой и военно-технической поддержке «коалиции друзей Украины» – нанести ей поражение, и, как неизбежное следствие неудач и поражений на фронтах СВО, в Москве должен возникнуть политический кризис или даже подобие новой «смуты», способной подорвать основы государственности. Именно поэтому на украинское наступление летом 2023 г. были сделаны большие политические ставки. А мятеж Е. Пригожина в июне 2023 г. был встречен с большим энтузиазмом.

Поставки вооружений и боеприпасов для ВСУ летом 2023 г. достигли максимальных значений. Западные союзники Киева удовлетворили все запросы по номенклатуре военных поставок (включая танки, бронетехнику, артиллерию, системы ПВО), кроме боевой авиации. При этом отказ от предоставления западных боевых самолетов и вертолетов мотивировался в основном высокими техническими стандартами западной техники и неспособностью украинской стороны в краткие сроки обеспечить должный уровень условий базирования и эксплуатации, недостаточной технической подготовкой персонала.

Считалось, однако, что высокоточные реактивные системы (HIMARS и др.) и ракеты (ATACMS), включая поставленные Британией и Францией крылатые ракеты авиационного базирования (SCALP, Storm Shadow), адаптированные для применения с советских ударных самолетов (в основном – Су-24), во многом решат проблему поддержки украинского наступления с воздуха и расширят возможности поражения складов боеприпасов и вооружения, аэродромов, логистических центров в глубоком тылу российских войск.

Нет необходимости уточнять, что планирование и реализация оперативных планов украинского командования осуществлялись при активном участии западных военных специалистов и обеспечивались средствами связи и управления (в т. ч. не имевших аналогов в российской армии – типа Starlink), а также разведывательной информацией, поставляемыми в нужных объемах странами Запада.

Однако украинское наступление лета 2023 г. потерпело провал. Хотя ВСУ удалось в течение практически всей летней кампании удерживать инициативу и на отдельных участках фронта углубиться в оборонительные порядки российских войск на несколько километров, результаты наступательной активности и на южном, и на восточном направлении оказались крайне ограниченными.

Подобный исход «контрнаступа» к осени 2023 г. разочаровал американских и европейских союзников официального Киева. Среди представителей экспертного сообщества в странах Запада стали раздаваться голоса сторонников корректировки стратегии в отношении РФ и конфликта вокруг Украины в целом. Однако корректировка со стороны США была достаточно условной. В октябре 2023 г. в одном из программных выступлений президент Дж. Байден поставил РФ на одну доску с террористами из ХАМАС и заявил, что не позволит России и президенту В. Путину «одержать победу» в конфликте [2]. Ключевой нарратив с этого момента начал строиться вокруг «недопущения поражения Украины» – «стратегического поражения» России теперь предполагалось добиваться через ее «истощение».

Наращение эскалации

Боевые действия в 2024 г. сопровождалась технической эскалацией (применением все более совершенных и дальнобойных средств поражения со стороны ВСУ, в том числе ракет иностранного производства и дронов самолетного типа) и эскалацией географической (постепенным расширением зоны боевых действий).

Уже зимой произошло расширение географии атак украинских беспилотников (БЛА) вглубь территории России. В январе украинской стороной были предприняты атаки БЛА самолетного типа по Ленинградской области и Петербургу. Число атак украинских дронов по территории России постепенно увеличивалось, и в них участвовало все большее число беспилотников, доходившее до нескольких десятков и даже сотен (к концу года).

К осени пролеты украинских беспилотников фиксировались на значительной территории европейской части РФ. Мишенями для атак становились в основном объекты нефтепереработки и нефтебазы, что неоднократно приводило к крупным пожарам (по официальным данным – от «падения обломков сбитых БЛА»), но неспособно было нанести существенного ущерба российской экономике и тыловому обеспечению российских войск.

В ряде регионов в результате попадания беспилотников пострадал и жилой фонд, и гражданское население. К таким последствиям вело и применение западных высокоточных ракет. Так, 23 июня был нанесен удар тактическими баллистическими ракетами ATACMS по Севастополю. Подрыв

ракеты с кассетным снаряжением над городским пляжем привел к гибели 4 и ранениям свыше 150 человек исключительно из числа гражданского населения.

В ответ РФ в 2024 г. стала проводить более систематические и массированные атаки на объекты Украинской энергетики (начатые еще в 2023 г.). В результате к началу июня 2024 г. общие потери энергогенерации Украины оценивались специалистами и иностранными аналитиками примерно в 35 ГВт из имевшихся на период до февраля 2022 г. 55 ГВт [3].

Новым эпизодом эскалации явилась состоявшаяся 12 марта вылазка на территорию России (в приграничные районы Белгородской и Курской областей) вооруженных формирований, входящих в состав так называемого «Интернационального легиона территориальной обороны Украины», укомплектованного иностранными (в т.ч. российскими) гражданами, участвующими в боевых действиях на стороне Украины. Фактически этот «легион» является частью сухопутных войск ВСУ.

Продвижение вооруженных групп на легкой бронетехнике было довольно быстро блокировано и не привело к захвату и контролю украинской стороной сколько-нибудь значимых населенных пунктов. Чтобы впредь исключить подобные вылазки и обстрелы приграничных районов Белгородской области, 10 мая 2024 г. российские войска провели наступательную операцию с ограниченными целями, заняв ряд приграничных районов Харьковской области между Липцами и Волчанском.

Очередное обострение конфликта произошло 6 августа, когда крупная группировка ВСУ с применением танков и тяжелого вооружения перешла границу России в Курской области и заняла ряд населенных пунктов, включая райцентр Суджа [4]. Возникла угроза продвижения частей ВСУ к городу Курчатова, где расположена Курская АЭС. Осуществившую вторжение группировку ВСУ удалось в течение нескольких дней остановить и блокировать; началась операция по вытеснению украинских войск с территории России, продолжающаяся уже несколько месяцев.

После вторжения ВСУ в Курскую область закончилась пауза в ударах по инфраструктуре и объектам энергетики Украины, которую выдерживала с конца мая 2024 г. российская сторона. 26 августа ВС РФ нанесли массированный ракетно-авиационный удар по объектам энергогенерации Украины. С сентября комбинированные ракетно-авиационные удары вглубь территории страны, целью которых были объекты энергетики, инфраструктуры, военно-промышленного комплекса Украины, военные базы, стали регулярными.

Лето и начало осени 2024 г. в зоне СВО ознаменовались переходом инициативы к ВС РФ и характеризовались медленным, но последовательным продвижением российских войск в Донбассе. На этом фоне как в Киеве, так и на Западе активизировались призывы нарастить военные поставки Украине, снять ограничения на применение Киевом уже имеющегося оружия по территории России. Также возникла дискуссия о готовности стран Запада

предоставить новые дальнобойные высокоточные средства поражения (главным образом, баллистические ракеты и авиационные крылатые ракеты, в частности немецкие Taurus).

В этом контексте 12 сентября В. Путин заявил, что разрешение Украине наносить удары по территории РФ западным оружием «будет означать, что страны НАТО, США, европейские страны воюют с Россией» [5]. Российский президент отметил невозможность боевого применения современных дальнобойных систем вооружений без получения целеуказания и без участия технического персонала стран-производителей (Британии, Франции, США), что существенно трансформирует характер конфликта, ранее ограниченный рамками «прокси»-войны с использованием украинских «збройных сил».

Решение администрации Байдена предоставить Украине право применять ракеты большей дальности типа ATACMS по российской территории (в частности, по Курской области), а не только по регионам Новороссии, аналогичные действия Великобритании и Франции (применительно к поставляемым ими ракетам типа Storm Shadow и SCALP) резко повысили градус эскалации общей ситуации вокруг конфликта.

19 ноября шестью ракетами ATACMS и 21 ноября системами Storm Shadow были нанесены удары по объектам в Курской и Брянской областях. В ответ на это и с целью демонстрации новых российских военных возможностей 21 ноября был проведен «испытательный пуск» новейшей ракеты средней дальности «Орешник» в «безъядерном гиперзвуковом оснащении». Целью удара стал известный с советских времен завод «Южмаш» в Днепропетровске, специализировавшийся на выпуске ракетной техники. «Применение “Орешника” стало ответом на планы США по производству и развертыванию ракет средней и меньшей дальности и на агрессивные действия стран НАТО в отношении России. ...В случае эскалации, Россия ответит решительно и зеркально», – отметил президент В. Путин [6].

В ходе постепенной эскалации украинского конфликта в 2023 – 2024 г. в центре внимания российской и мировой общественности периодически оказывалась тема возможности ограниченного применения тактического ядерного оружия и даже угрозы большой ядерной войны [подробнее об этом см.:7, сс. 24-40]. Российская Федерация отказалась от возобновления начатых летом 2021 г. консультаций по стратегической стабильности до тех пор, «пока Вашингтон не пересмотрит свою враждебную линию в отношении России и не откажется от политики наращивания угроз нашей национальной безопасности» [8].

Под влиянием СВО в связи с изменением характера вооруженной борьбы и применением все более мощных и дальнобойных систем вооружений, с опасностью использования неядерных высокоточных систем оружия большого радиуса действия возникла необходимость трансформации российской ядерной доктрины. 25 сентября 2024 г. на заседании Постоянного

совещания Совета Безопасности Российской Федерации по ядерному сдерживанию на эту тему выступил Президент В. Путин [9].

Коррективы нашли отражение в новой редакции документа «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» [10], опубликованного 19 ноября 2024 г. В частности, было отмечено, что «агрессия против Российской Федерации и (или) ее союзников со стороны любого неядерного государства с участием или при поддержке ядерного государства рассматривается как их совместное нападение» [10]. Подобная интерпретация, по мнению ряда отечественных и зарубежных аналитиков, расширила возможности применения ядерного оружия, прежде всего тактического, для отражения возможной агрессии или массированного нападения с использованием обычных вооружений.

Параллельно с развитием боевых действий происходила «ползучая эскалация» (по выражению российского политолога И. Тимофеева) санкционного давления стран Запада на Россию. США и их союзниками вводились все новые санкции против частных лиц, компаний и государственных учреждений РФ (только ЕС принял 15 пакетов санкций). С постепенным расширением вторичных санкций – т.е. санкционного давления на фирмы, частные лица, транспортные средства (в частности, суда) иностранных государств, в какой-либо степени связанные с оказанием услуг по торговле с РФ, в том числе подсанкционными товарами.

Апофеозом прессинга стала попытка изъятия средств РФ, находящихся на зарубежных счетах. Эти средства (оценочно – свыше 300 млрд. долл.) были заморожены на счетах в США, Европе и Японии. Украинское руководство неоднократно пыталось предпринять очередной эскалационный шаг – на этот раз в сфере глобальных финансов – с тем, чтобы экспроприировать эти средства и передать их в распоряжение Киева для закупок иностранной военной техники и финансовой стабилизации страны.

Достаточно рискованный эскалационный шаг в этом направлении был предпринят в июне 2024 г. на заседании «Группы 7». В итоговом коммюнике было объявлено о решении выделить Украине 50 млрд. долл. за счет прибыли от замороженных российских активов. Подчеркивалось, что «Семерка» требует от России покинуть территорию Украины и возместить Киеву ущерб в размере 486 млрд долл. [11].

Поиски путей урегулирования

12 августа 2024 г., после начала вторжения группировки ВСУ в Курскую область, В. Путин заявил, что происходящее является попыткой Киева улучшить свои стартовые позиции перед началом переговоров [12]. Тем самым тема возможных переговоров по урегулированию ситуации вокруг конфликта на Украине стала достоянием широкой общественности.

Как известно, весной 2022 г. состоялись несколько раундов переговоров в Минске и в Стамбуле. Они привели к выработке документа, в котором были зафиксированы конкретные обязательства Киева по закреплению в Конституции страны (под широкие международные гарантии членов Совета Безопасности ООН) нейтрального статуса Украины [13]. Однако в мае того же года (после отвода российских войск из-под Киева) украинская сторона официально объявила о выходе из переговорного процесса. После принятия 30 сентября 2022 г. в состав РФ Херсонской и Запорожской областей (по результатам референдума), 4 октября 2022 г. В. Зеленский своим указом утвердил решение СНБО Украины о невозможности ведения переговоров с Российской Федерацией.

С этого момента переговорный процесс оказался замороженным. На пике эйфории от военных успехов в ноябре 2022 г. В. Зеленский на заседании «Группы 20» огласил собственное видение «мирного плана» из 10 пунктов, который на самом деле представлял собой ультиматум, основным требованием которого было возвращение Украины к границам 1991 г., включая республики Донбасса и Крым, а также «возмещения» за нанесенный Украине с 2014 г. ущерб.

Вполне очевидно, что никаких шансов на реализацию этот «мирный план» не имел, однако он позволил Киеву развить политическую активность, направленную на дипломатическую изоляцию РФ. Было проведено несколько раундов конференций высокого уровня по мирному плану Зеленского (в 2023 г. – Копенгаген, Мальта, Джидда), а апофеозом должен был стать «мирный саммит» в Швейцарии, призванный оставить РФ в полной международной изоляции. Киеву и его западным союзникам было важно продемонстрировать, что Москву осуждают и противостоят ей не только страны Запада, но и представители ведущих государств Глобального Юга, что они одобряют так называемый мирный план Зеленского из 10 пунктов, принуждая Россию к принятию заявленных в нем условий.

Однако в полной мере этот сценарий реализован не был – в швейцарском Бюргенштоке не удалось собрать репрезентативный саммит, главами государств не были представлены даже страны Запада. Не оправдались и надежды Зеленского на Китай. Председатель КНР Си Цзиньпин отказался от поездки в Бюргеншток, а ближе к проведению мероприятия Китай и вовсе отказался от участия в «мирном саммите». Китайский МИД раскритиковал формат встречи, на которую не были приглашены представители России. На саммите присутствовали министры иностранных дел и спецпосланники из Индии, Мексики, Саудовской Аравии, ЮАР, Таиланда, Индонезии и ОАЭ, но они не подписали совместное коммюнике. Бразилия присутствовала на конференции в качестве наблюдателя, но также не поддержала документ.

Итоговое коммюнике зафиксировало «общее видение» только по трем пунктам. 1. Украинские атомные электростанции и установки, включая Запорожскую атомную электростанцию (ЗАЭС), должны безопасно

функционировать под полным суверенным контролем Украины, в соответствии с принципами МАГАТЭ и под его наблюдением. 2. Украинская сельскохозяйственная продукция должна безопасно и свободно поставляться заинтересованным третьим странам. 3. Все военнопленные должны быть освобождены путем полного обмена, а все депортированные и незаконно перемещенные украинские лица (включая «насильственно вывезенных» детей) должны быть возвращены на Украину [14].

Параллельно украинскому «дипломатическому наступлению» в 2023 – 2024 гг. развивалась дипломатическая активность в рамках миротворчества других стран. Посреднические усилия предпринимала Индия, собственный план из 10 пунктов был предложен странами Африки [15], планы по урегулированию конфликта предложили КНР и Бразилия, объединившие свои усилия в 2024 г. [16]. Все акцентировали необходимость скорейшего прекращения боевых действий, деэскалации, начала переговоров.

В. Зеленский, президентские полномочия которого истекли в мае 2024 г., отверг все эти планы как размывающие ответственность РФ и позволяющие Москве манипулировать международным общественным мнением.

Президент В. Путин летом 2024 г. неоднократно выражал готовность вернуться к переговорам на основе согласованных ранее Стамбульских принципов. Однако был обозначен ряд условий урегулирования конфликта, достижения не перемирия, а устойчивого мира, которые были им сформулированы в ходе выступления перед руководством МИД РФ [17]. В их числе – полный вывод украинских войск с территорий Донецкой и Луганской народных республик, а также из Херсонской и Запорожской областей.

В качестве условий урегулирования фигурировали также установление нейтрального (внеблокового) и безъядерного статуса Украины, демилитаризация и денацификация страны, фиксация в международных соглашениях статуса ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, а также Крыма и Севастополя как российских территорий, отмена санкций, введенных Западом в отношении РФ.

Никаких признаков готовности к уступкам и компромиссам со стороны Киева продемонстрировано не было. Характерный штрих к уверенности в собственных силах и в финансовой поддержке союзников – объявление об отказе продлевать контракт на прокачку газа из РФ через территорию страны. Это был одновременно и удар по строптивым Венгрии и Словакии, и демонстрация уверенности администрации В. Зеленского в том, что 1 – 2 млрд. долл. выпадающих доходов за транзит газа легко можно будет компенсировать за счет помощи стран Запада или за счет замороженных на Западе российских резервов.

Как бы в ответ на предложения В. Путина и на фоне наступления украинских войск в Курской области в августе – сентябре 2024 г. Зеленский начал активно гастролировать по столицам стран Запада со своим новым

«планом победы», явно рассчитывая на обострение и идя наперекор всем неоднократно высказывавшимся на самом высоком уровне озабоченностям руководства РФ. План был обнародован 16 октября в Верховной Раде и включил в себя скорейшее принятие Украины в НАТО; снятие любых ограничений на использование западного дальнобойного оружия; развертывание на Украине «комплексного пакета неядерного стратегического сдерживания», закрытые предложения по которому были сделаны США, Великобритании, Франции, Италии и Германии; экономическую помощь Украине в сочетании с дальнейшим ужесточением санкций против России [18].

Очевидно, что «план победы» подразумевал еще более активное вовлечение западных партнеров в военный конфликт с Россией и не вызвал энтузиазма на Западе. К концу 2024 г. там все больше укреплялись настроения, согласно которым Украина не сможет одержать верх и вернуть утраченные территории, поэтому ей следует переосмыслить, как может выглядеть ее «победа». Главным призом для страны должна стать принадлежность к «западным демократиям» и перспектива членства в НАТО [19].

Проблема, однако, заключается в том, что, судя по многочисленным заявлениям и интервью В. Зеленского и его ближайшего окружения, военно-политическое руководство Украины до сих пор исходит из вполне оптимистичных калькуляций. Предполагается, что российская армия в ближайшее время исчерпает свой наступательный потенциал, не продвинувшись нигде, кроме Донбасса, а Украина накопит силы, сделает рывок в производстве дальнобойных ракет (или получит их от стран Запада), которые смогут достичь Москвы, так или иначе решит проблемы с пополнением армии (например, снизив возраст мобилизации до 18 лет) и после этого сможет перехватить инициативу.

В Киеве полагают, что время работает на Украину. Там считают, что проблемы России как следствие долгосрочного эффекта санкций роста социально-экономических, межнациональных противоречий и все большего числа тревожащих и наносящих определенный урон ударов ВСУ по российским городам будут только нарастать. Поэтому на переговоры Украина должна идти исключительно «с позиции силы». К компромиссам и, тем более, уступкам нынешнее украинское руководство, до тех пор пока оно пользуется практически неограниченной финансовой и военной помощью Запада и пока не рухнул фронт, абсолютно не готово. Формулу успеха киевские власти видят в налаживании хороших, в том числе личных, отношений с западными лидерами и в напористой дипломатии [см. 20; 21]. Последнее все чаще становится скорее раздражителем в этих взаимоотношениях, но отражает фирменный стиль киевского режима.

Ситуация усугубляется тем, что в США и Европе представители элит по-прежнему политически не способны и морально не готовы допустить «поражение Украины», заключение мира «на условиях В. Путина». Подобные подходы во многом являются следствием масштабного инвестирования

странами Запада в Украину политических, военных и финансовых ресурсов. Слишком серьезные ставки были сделаны на Украину. Сформировались нарративы, гиперболизирувавшие конфликт до уровня экзистенциального, – против сил «абсолютного зла», в рамках дихотомического противостояния «демократии» и «авторитаризма».

Пока неясно, насколько приход к власти в США новой республиканской администрации Д. Трампа, проявившего личную заинтересованность в завершении конфликта [22], ослабит позиции представителей «партии войны» и проукраинского лобби, причем не только в США, но и в странах Европы. Администрации Дж. Байдена удалось в ноябре–декабре значительно эскалировать ситуацию на фронте и поставить новую американскую администрацию перед фактом резкого обострения на Украине. Здесь и решение о применении по территории России дальнобойных вооружений, и решение о поставках огромного количества противопехотных мин на Украину. Цель одна – нанести России максимальный ущерб и «не дать Путину победить». Правда, необходимо помнить при этом, что переговоры будущей администрации Трампа «с позиции силы» означают способность усадить стороны за стол переговоров и заставить пойти на некий компромисс. В этом контексте накачка Украины вооружениями в последние месяцы правления Дж. Байдена, с точки зрения американских политиков и аналитиков, вполне может выглядеть как создание «сильной украинской переговорной позиции» и в этом смысле не только не противоречит, но и неплохо коррелируется с миротворческими замыслами нового президента.

Циркулирующие в прессе от имени новой американской администрации планы урегулирования различаются деталями, но суть сводится к следующим основным положениям. Замораживание боевых действий на текущей линии соприкосновения. Предоставление Украине необходимых для сдерживания Москвы вооружений и неких гарантий безопасности – по большей части, обсуждается приглашение Киева в НАТО (по сути, именно Киева, поскольку при таком раскладе вообще неясно, на какую именно территорию могут распространиться блоковые гарантии) немедленное или с некоторым лагом по времени (10 лет и больше).

Очевидно, что все это слабо корреспондируется с четко артикулированной (в выступлении в МИД РФ 14 июня 2024 г.) президентом В. Путиным российской позицией относительно возможности организации переговорного процесса. Определенно можно сказать лишь то, что, если переговоры по урегулированию конфликта вокруг Украины начнутся (пока не очевиден даже состав их участников – с учетом окончания срока полномочий В. Зеленского и стремления ряда европейских лидеров занять место за столом переговоров), это будет долгий и непростой процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев Э.Г. 2023. Роль Украинского кризиса в формировании нового миропорядка // Россия и новые государства Евразии. №4. С.11-23.
2. Remarks by President Biden on the United States Response to Hamas's Terrorist Attacks Against Israel and Russia's Ongoing Brutal War Against Ukraine // Whitehouse.gov. 20.10.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-on-the-united-states-response-to-hamas-terrorist-attacks-against-israel-and-russia's-ongoing-brutal-war-against-ukraine/> (дата обращения 01.12.2024).
3. Russia Has Taken Out Over Half of Ukraine Power Generation // Financial Times, 05.06.2024. URL: <https://www.ft.com/content/4d583259-7565-4cbc-972e-ea77f4a76175> (дата обращения 11.12.2024).
4. ВСУ совершили массированную атаку на Курскую область. // Известия IZ. 06.08.2024. URL: <https://iz.ru/1738943/2024-08-06/vsu-sovershili-massirovannuiu-ataku-na-kurskuiu-oblast-cto-izvestno> (дата обращения 01.12.2024).
5. Путин заявил о последствиях возможного разрешения Киеву наносить удары по РФ // Известия IZ. 12.09.2024. URL: <https://iz.ru/1758186/2024-09-12/putin-zaiavil-o-posledstviakh-vozmozhnogo-razresheniia-kievu-nanosit-udary-po-rf> (дата обращения 22.11.2024).
6. Владимир Путин рассказал, как Россия ответила на удары западных ракет. Главное // Коммерсантъ. 21.11.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7313706?ysclid=m68620d74n289135577> (дата обращения 22.11.2024).
7. Стратегический обзор 2024 / Отв. ред. А.Г. Арбатов ; ИМЭМО РАН ; МГИМО МИД России. Москва: МГИМО-Университет, 2024. 348 с.
8. Заявление МИД России о ситуации с Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) // МИД России. 08.02.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1852877/ (дата обращения 25.11.2024).
9. Заседание Постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию // Официальный сайт Президента России. 25.09.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75182> (дата обращения 25.11.2024).
10. Указ об утверждении Основ государственной политики России в области ядерного сдерживания // Официальный сайт Президента России, 19.11.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75598> (дата обращения 25.11.2024).
11. G7 Apulia Leaders' Communiqué. June 14, 2024 // Whitehouse.gov. 14.06.2024. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/06/14/g7-leaders-statement-8/> (дата обращения 01.12.2024).

12. Владимир Путин провел оперативное совещание в Ново-Огареве // Официальный сайт Президента России. 12.08.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74856> (дата обращения 02.12.2024).
13. Путин показал руководителям стран Африки парафированный проект договора с Украиной // ТАСС. 17.06.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18049869> (дата обращения 12.12.2024).
14. Ukraine Conference joint communiqué: full text. URL.: <https://www.reuters.com/world/europe/draft-joint-communique-ukraine-conference-switzerland-2024-06-15/> (дата обращения 03.12.2024).
15. Президент ЮАР назвал 10 пунктов мирного плана по конфликту на Украине // Коммерсантъ. 16.06.2023. URL.: <https://www.kommersant.ru/doc/6053335> (дата обращения 03.12.2024).
16. Brazil, China call for Russia-Ukraine peace talks with both countries // <https://www.reuters.com/world/brazil-china-call-russia-ukraine-peace-talks-with-both-countries-2024-05-23/> (дата обращения 03.12.2024).
17. Встреча с руководством МИД России // Официальный сайт Президента России. 14.06.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74285> (дата обращения 04.12.2024).
18. В чем суть «плана победы» Зеленского // РБК. 16.10.2024. URL.: <https://www.rbc.ru/politics/16/10/2024/670fe7aa9a7947427dc52dfd?ysclid=m69jh7bhww141708146> (дата обращения 04.12.2024).
19. The war is going badly. Ukraine and its allies must change course. // Economist. 2024. September 26. URL.: <https://www.economist.com/leaders/2024/09/26/the-war-is-going-badly-ukraine-and-its-allies-must-change-course> (дата обращения 09.12.2024).
20. Приходко Н. Зеленский занялся разработкой очередного плана переговоров. Киев рассчитывает на помощь «сильных Америки и Европы» // Независимая газета. 18.12.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-12-18/1_9159_ukraine.html?ysclid=m68apab351471270461 (дата обращения 18.12.2024).
21. Приходко Н. В Украине отказываются от «суррогатного» вступления в НАТО. Власти страны настаивают на полноправном членстве в альянсе // Независимая газета. 03.12.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-12-03/1_9148_ukraine.html (дата обращения 04.12.2024).
22. Кожевников А. Трамп назвал урегулирование украинского кризиса приоритетной задачей // Российская газета. 11.12.2024. URL.: <https://rg.ru/2024/12/11/tramp-nazval-uregulirovanie-ukrainskogo-krizisa-prioritetnoj-zadachej.html> (дата обращения 12.12.2024).

Е. Цедиллина

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ МИНСКА

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-23-39

Цедиллина Елена Владимировна, кандидат исторических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований,

ORCID 0000-0002-7811-1507, zedilina@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 11.12.2024. Одобрена
после рецензирования 17.12.2024. Принята к публикации 19.12.2024.

Аннотация: Основным инструментом реализации внешнеполитических целей государства белорусское руководство считает многовекторную политику, которая до недавнего времени сводилась к постоянному маневрированию Минска между Москвой и Брюсселем. После непризнания западными столицами в 2020 г. результатов президентских выборов в РБ, а также с началом СВО Минск был вынужден перейти к одновекторной ориентации на Россию. Однако желание вернуться к прежнему внешнеполитическому курсу балансирования между двумя центрами силы у официального Минска сохраняется и может быть реализовано в случае встречного движения западных партнеров. В условиях нарастающей конфронтации между Россией и Западом многовекторные игры белорусских властей могут привести к геополитическому развороту Минска в сторону Запада.

Ключевые слова: Союзное государство, политика многовекторности, ситуативный нейтралитет, геополитический разворот, интересы России, интересы Белоруссии, интересы Запада, военное сотрудничество, экономическая интеграция, политическая интеграция, внешнеполитическое маневрирование, политика «малых шагов».

FOREIGN POLICY MANEUVERS OF MINSK

Elena V. Tsedilina, Cand. Sci. (History), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher of the Center for Post-Soviet Studies, ORCID 0000-0002-7811-1507, zedilina@rambler.ru

Received 11.12.2024. Revised 17.12.2024. Accepted 19.12.2024.

Summary: The Belarusian leadership considers the multi-vector policy, which until recently was limited to Minsk's constant maneuvering between Moscow and Brussels, to be the main tool for implementing the state's foreign policy goals. After the failure of the Western capitals to recognize the results of the presidential elections in the Republic of Belarus in 2020, as well as with the beginning of the SVO, Minsk was forced to switch to a single-vector orientation towards Russia. However, the desire to return to the previous foreign policy course of balancing between the two centers of power remains with official Minsk and can be realized in the event of a counter movement by Western partners. In the context of the growing confrontation between Russia and the West, the multi-vector games of the Belarusian authorities may lead to a geopolitical turn of Minsk towards the West.

Keywords: Union State, multi-vector policy, situational neutrality, geopolitical reversal, interests of Russia, interests of Belarus, interests of the West, military cooperation, economic integration, political integration, foreign policy maneuvering, policy of “small steps”.

8 декабря 2024 года исполнилось 25 лет с подписания Договора о создании Союзного государства России и Беларуси (СГРБ). Этот амбициозный проект до сих пор не реализован в том виде, в каком задумывался изначально. Как представляется, причина кроется в несовпадении интересов стран-участниц. Стремление России обеспечить безопасность западной границы являлось определяющим для российской политики на этом направлении, поэтому Москва в первую очередь заинтересована в максимальном углублении политической интеграции, чтобы иметь надежного стратегического партнера. Для Белоруссии приоритетным является экономический интерес: возможность получать субсидии и преференции, дешевые энергоносители, а также иметь беспрепятственный доступ на огромный российский рынок.

Предполагалось, что российские геополитические интересы станут уравновешиваться экономическими интересами Минска и на основе этого баланса будут выстраиваться отношения в рамках Союзного государства. Однако этого не произошло. Минск, регулярно получая масштабную финансово-экономическую поддержку со стороны РФ, уклонялся от реализации политической части договора. В Белоруссии, считают независимые наблюдатели, сложился устойчивый консенсус элит, согласно которому

чрезмерное сближение с Российской Федерацией угрожает национальному суверенитету республики, а значит, их власти.

В настоящее время, по мнению ряда экспертов, де-факто сформировался союз двух государств, каждое из которых преследует собственные национальные интересы, которые периодически вступают во взаимное противоречие, что становится причиной возникновения разногласий между союзниками.

Главными стратегическими задачами внешней политики Республики Беларусь официально провозглашены обеспечение суверенитета, независимости и безопасности государства в широком смысле этого слова, а также создание благоприятных условий для стабильного экономического развития. Инструментом реализации этих задач выступает политика многовекторности, которая предполагает развитие взаимодействия с несколькими контрагентами на международной арене.

Однако, поскольку на постсоветском пространстве Россия и Запад ведут борьбу за геополитическую ориентацию новых независимых государств, стремясь вовлечь их в свою сферу влияния, многовекторность подразумевает диверсификацию не только их торгово-экономических, но и политических взаимосвязей. В конечном итоге она способна оказать определяющее влияние на геополитическую ориентацию того или иного государства – в зависимости от того, какой из векторов становится для него превалирующим.

Многовекторность, по мнению независимого эксперта В. Абаджяна, это не лавирование между двумя полюсами, а движение – как правило, латентное – от одного полюса к другому. Возможность устойчиво сохранять равную дистанцию от полюсов может обеспечить только статус нейтралитета, однако в большинстве случаев мы имеем дело с динамичным процессом, который можно уподобить колебанию маятника. Весь вопрос в том, что всякому колебанию, как в физике, так и в политике, рано или поздно приходит конец. Разница лишь в том, что, вопреки законам физики, в политике маятник не приходит в состояние равновесия, а примыкает к одному из полюсов [1].

Во внешней политике РБ присутствуют два основных направления (полюса) – восточное (российское) и западное. Несмотря на тесные союзнические отношения, закрепленные Договором о создании Союзного государства, Москве не удалось добиться полной приверженности Минска установкам стратегического партнерства. Белоруссия лавировала между Россией и Западом в рамках своей многовекторной политики, стремясь извлечь из сотрудничества с обоими партнерами максимальную выгоду и не оказаться при этом в полной зависимости ни от одного из них. А. Лукашенко пытался ограничить взаимодействие с обеими сторонами исключительно вопросами экономики, лишь вынужденно соглашаясь на политические уступки, которые, как правило, не выполнялись.

И Россия, и Запад, в свою очередь, преследовали в отношении Белоруссии прежде всего политические цели. Запад намеревался добиться

геополитической переориентации Минска для изоляции и ослабления России или как минимум снижения зависимости РБ от Москвы. Москва же рассчитывала иметь в лице Минска надежного союзника для проведения согласованной внешней и оборонной политики. При этом, если белорусского президента интересовали преимущественно экономические аспекты сотрудничества, то Запад и Москву – в основном политические. Этот дисбаланс интересов приводил к периодическому возникновению конфликтов Минска поочередно то с Москвой, то с Западом.

В динамике отношений Республики Беларусь с Москвой и Брюсселем сложился следующий алгоритм: заморозки в контактах с Западом вели к потеплению взаимоотношений с Москвой и наоборот. «Словно перелетная птица, перемещающаяся между югом и севером, Лукашенко предсказуемо перемещается между Востоком и Западом. Любые выборы толкают его в сторону Москвы, поскольку ЕС не остается ничего другого, кроме как упрекать в манипуляциях и репрессиях. Любой спор о ценах на энергоносители толкает его в сторону Брюсселя, поскольку нефть и газ Минск закупает в России», – писал немецкий журнал “Der Spiegel” в августе 2020 г. [2].

Хотя принцип многовекторности впервые был официально озвучен в октябре 1996 г. А. Лукашенко на первом Всебелорусском народном собрании, главным идеологом белорусской политики многовекторности считается В. Макей, занимавший пост министра иностранных дел РБ с 2012 по 2022 г. Следует отметить, что В. Макей являлся представителем прозападного лагеря в белорусской элите, равно как и связанная с ним система институтов, прежде всего белорусский МИД, а также экспертные центры типа «Минского диалога» [3]. Неудивительно поэтому, что в период нахождения Макея на посту главы Министерства иностранных дел РБ многовекторная политика Минска стала постепенно приобретать прозападный крен. По мнению независимых наблюдателей, министр не только активно налаживал контакты с Западом, но и способствовал продвижению прозападной повестки во внутривластной сфере Белоруссии.

Необходимость проведения многовекторной политики как единственно верной обосновывалась геополитическим положением республики, что, по мнению официального Минска, требует поддержания взаимовыгодных отношений со всеми соседними государствами. «Принципиальная основа нашей внешней политики, – заявил президент РБ, – многовекторность. Так было. И так будет. Взятая нами на вооружение стратегия “равной приближенности” к Востоку и Западу, дающая шанс эффективно использовать выгодное географическое положение... нашей страны, останется неизменной» [4].

Пока отношения Запада с Россией оставались относительно стабильными, а сама Москва ориентировалась на вхождение в западное сообщество, многовекторная политика Минска не вызывала особых нареканий со стороны Кремля. Однако по мере нарастания противоречий между Москвой

и западными столицами многовекторность нашего главного союзника стала приобретать новые смыслы.

С приходом В. Макея на пост главы МИД между официальными представителями РБ, евроструктур и стран – членов ЕС возобновились контакты высокого уровня, ранее прерванные в связи с силовым разгоном протестующих во время президентских выборов в Белоруссии 19–20 декабря 2010 г. и уголовным преследованием представителей оппозиции. В течение последующих нескольких лет отношения между Минском и Брюсселем развивались по восходящей. Евросоюз шаг за шагом отменял или приостанавливал санкционное давление на республику. Лукашенко, со своей стороны, в качестве жеста доброй воли помиловал в 2015 г. шесть политзаключенных, осужденных за попытку устроить в Белоруссии в 2010 г. «цветную революцию», выполнив тем самым одно из условий Запада для восстановления контактов в полном объеме.

В 2016 г. была учреждена Координационная группа Беларусь–ЕС – новый формат комплексного диалога по всему спектру двустороннего взаимодействия между РБ и Евросоюзом. В период с 2016 по 2019 г. в рамках интенсификации политических контактов состоялись визиты в Белоруссию ряда еврокомиссаров. 8 января 2020 г. в Брюсселе были подписаны соглашения об упрощении визовых процедур и о реадмиссии, которые вступили в силу с 1 июля 2020 г.

В. Макей старался развивать отношения Минска со странами Запада практически во всех сферах. С декабря 2015 г. после прямых переговоров главы белорусского МИД с руководством Североатлантического союза стали планомерно налаживаться связи республики с НАТО. Министерство обороны РБ вступило в переговоры с альянсом о проведении совместных учений [5].

В это же время участились встречи представителей белорусского МИД с официальными лицами различных европейских структур, в Белоруссии открылось представительство Евросоюза, расширился политический диалог между официальным Минском и отдельными европейскими государствами. В столицу Белоруссии неоднократно приезжал Комиссар по вопросам расширения ЕС и политике соседства Й. Хан. Результатом этих визитов стало обсуждение «дорожной карты» сотрудничества Беларуси и ЕС на 2018–2020 гг. В октябре 2018 г. Белоруссия, наряду с Украиной и Грузией, была объявлена надежным бастионом против «российского неоимпериализма». Об этом заявил помощник госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии У. Митчелл на мероприятии «Защита рубежей свободы. Устранение серой зоны».

В Минске все чаще стали говорить о необходимости углубления партнерства со странами Запада. Выступая 17 ноября 2017 г. на международной конференции «Минский форум», глава белорусского МИД В. Макей заявил, что в условиях конфронтации России и Запада Белоруссия, сохраняя приверженность стратегическому партнерству с РФ, пытается выстраивать максимально конструктивные отношения с ЕС и США, чтобы не превратиться

в своеобразный «буфер», что чревато серьезными угрозами для ее безопасности.

В этот период Белоруссия получила доступ к дешевым западным кредитам, а также привлекла несколько крупных инвестиционных проектов. Согласно информации пресс-службы представительства ЕС в Белоруссии, «Европейский союз выделил Минску в 2014–2020 гг. более 170 млн евро за счет европейского инструмента соседства. ЕС является крупнейшим донором в Беларуси. После отмены большинства ограничительных мер в 2016 г. ЕС больше, чем вдвое увеличил общий объем своей финансовой помощи, доведя его примерно до 30 млн евро в каждый из последующих лет. ЕС является вторым основным торговым партнером Беларуси, на его долю приходится почти одна треть от общего объема внешней торговли страны. В последние годы объем двусторонней торговли товарами между ЕС и Беларусью неуклонно растет» [6].

Кроме того, Запад не возражал против проведения в столице Белоруссии переговоров по урегулированию конфликта на Донбассе. После заключения одноименных соглашений идея использовать Минск в качестве постоянно действующей переговорной площадки в регионе становилась все более популярной в политических кругах Белоруссии. Руководство страны вынашивало планы превращения Минска в «Женеву восточной Европы», к чему его склоняли западные партнеры, руководствуясь собственными геополитическими интересами.

Статус «донора региональной безопасности» способствовал бы, по задумке белорусских властей, повышению международно-политической роли государства, активизации его отношений с коллективным Западом, а также обеспечению собственной безопасности. Понятно, что подобный внешнеполитический курс белорусского руководства не соответствовал запросам Москвы, которая в условиях нарастающей конфронтации с Западом нуждалась прежде всего в надежном союзнике, а не в нейтральном посреднике.

Благодаря усилиям белорусских дипломатов, диверсифицироваться стала не только экономика РБ, но и ее внешняя политика. На фоне очередной «оттепели» в отношениях Белоруссии с Западом в политике Минска наметился тренд к дистанцированию от России в духе ситуативного нейтралитета¹ – одной из концептуальных основ политики многовекторности. Из заявлений представителей белорусских властей следовало, что в условиях роста напряженности между РФ и Западом оптимальным вариантом обеспечения собственной безопасности является равноудаленность от сторон конфликта, подкрепленная ролью посредника в мирных переговорах и/или постоянно действующей площадки для их проведения [7].

¹ Ситуативный нейтралитет – это политика в сфере международных отношений, выражающаяся в неприсоединении к какой-либо из конфликтующих сторон в мирное время.

В условиях украинского кризиса, обусловленного победой «майдана», Минск активизировал контакты с официальным Киевом. Выстраивание дружеских связей с новой киевской властью не только помогло А. Лукашенко улучшить отношения с ЕС и США, но и позволило выйти на определенное взаимопонимание с белорусской националистической оппозицией, в глазах которой он превратился в защитника государственного суверенитета от посягательств Кремля.

Одновременно белорусские власти предприняли ряд недружественных шагов в отношении России. Стратегический союзник принципиально дистанцировался от поддержки Москвы в украинском вопросе. Белоруссия не признала вхождение Крыма в состав России, а в самый разгар войны в Донбассе А. Лукашенко выступил в поддержку территориальной целостности Украины. Минск отказался от своего ранее принятого решения о размещении в Бобруйске российской авиабазы. 9 июля 2017 г. на сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ Белоруссия присоединилась к итоговой декларации, осуждавшей, среди прочего, «временную оккупацию Автономной Республики Крым и города Севастополя Российской Федерацией и продолжающуюся гибридную агрессию России против Украины на Донбассе» [8]. Фактически власти РБ пренебрегали интересами Москвы в важных международно-политических вопросах, поддержка которых могла негативно сказаться на их отношениях с Западом. Эти действия заставили Москву усомниться в надежности союзника, поскольку ставили под вопрос долгосрочную пророссийскую ориентацию Минска.

Активизация диалога Минска с западными партнерами проходила на фоне перманентно усиливающейся напряженности в отношениях с Москвой. Из-за нарушения баланса интересов в период 2014–2020 гг. между союзниками периодически возникали конфликты и нефтегазовые войны. Маневрируя между Россией и Западом, белорусские власти хотели сохранить или даже увеличить ресурсную и иную поддержку Москвы при одновременном обеспечении для себя полной свободы действий на международной арене. В апреле 2018 г. В. Макей недвусмысленно обозначил политические цели Минска: «Мы хотели бы избавиться от зависимости от одной страны. У нас есть стремление диверсифицировать отношения, в том числе, за счет развития связей с Европейским Союзом и остальным миром» [9].

Предоставляя на протяжении многих лет масштабную экономическую и финансовую помощь своему союзнику в виде субсидий, кредитов и разного рода преференций, обоснованно рассчитывая на его политическую поддержку и не получая ее, Москва стала сокращать финансово-экономические вливания в Белоруссию. Президент А. Лукашенко, опираясь на успех своей западной политики, занял бескомпромиссную позицию и даже угрожал Москве разрывом союзнических отношений, прекрасно понимая заинтересованность в них российского руководства.

В условиях эскалации противостояния между Западом и Россией внешнеполитические маневры Минска вызывали растущее недовольство российского руководства. Очевидное несоответствие между объемом российской финансово-ресурсной поддержки белорусской экономики и поддержкой Минском России на международной арене в 2018–2019 гг. обусловило кризис Союзного государства.

В декабре 2018 г. российский министр финансов А. Силуанов высказал ряд претензий в адрес руководства РБ. Речь шла об организации масштабной контрабанды на российский рынок европейских подсанкционных и украинских продовольственных товаров, а также об уклонении союзника от выплаты экспортной пошлины за вывезенные на мировые рынки белорусские нефтепродукты, выработанные из российской нефти [10].

Эти «серые схемы», в сочетании с порой недружественной по отношению к Москве позицией Минска на международной арене, стали основными причинами, побудившими Кремль поставить вопрос о необходимости реформативизации СГРБ. Министр финансов РФ открыто заявил, что «Москва больше не готова раздавать подарки в виде субсидий, не получая ничего взамен» [10]. Фактически Россия поставила дальнейшее спонсирование своего союзника в прямую зависимость от углубления интеграционных процессов в рамках Союзного государства. В частности, если ранее Минск ежегодно получал от России кредиты в размере 1,5–2 млрд долл., без которых экономика Белоруссии «даже не могла поддержать статус-кво», то в 2018 г. эти выплаты прекратилась. Самым серьезным источником разногласий между Москвой и Минском стал российский налоговый маневр, в результате которого стоимость нефти для Белоруссии значительно увеличивалась.

Российское руководство предложило белорусским властям провести ревизию Союзного договора и перезагрузить его для восстановления баланса интересов. Фактически речь шла об увеличении предоставляемой Минску экономической помощи в обмен на его политические гарантии. В 2019 г. этот кризис частично удалось преодолеть, однако вопрос о восстановлении баланса интересов в двухсторонних отношениях пока остается нерешенным. По мнению независимых политологов Н. Межевича и В. Шимова, основной проблемой многовекторной политики было то, что она развивалась на фоне явного кризиса белорусско-российской интеграции, в силу чего воспринималась как «дрейф» Минска от Кремля на Запад. Это способствовало нарастанию конфликтных тенденций в белорусско-российских отношениях в 2014–2020 гг. [11].

Следует отметить, что Минску удалось значительно продвинуться на западном направлении своей внешней политики по одной причине. В этот период Запад отказался от жесткого давления на белорусское руководство и перешел к политике «малых шагов», предполагавшей постепенное реформативизацию политической системы РБ через сотрудничество,

поскольку открытая конфронтация с Минском, как показала практика, приводила лишь к очередному развороту Белоруссии в сторону Москвы.

Расчет делался на то, что наращивание экономических и гуманитарных связей с ЕС полностью выведет Минск из-под российского влияния. На протяжении нескольких лет европейские партнеры Лукашенко успешно реализовывали в Белоруссии политику «малых шагов», все больше увязывая свои экономические программы и предоставляемую республике помощь с прогрессом в политической сфере в плане либерализации общественной жизни. Минску пришлось предоставить большую свободу действий белорусской оппозиции и не препятствовать активному распространению всевозможных западных НКО, нацеленных на переформатирование общественного сознания на «проевропейское». Одновременно властями республики проводилась «мягкая белорусизация», способствовавшая активизации в обществе националистических настроений антироссийского характера. Тем самым исподволь создавались условия для постепенного переформатирования политической системы РБ с последующей геополитической переориентацией страны.

Однако многовекторная политика Минска не устраивала не только Россию, но и Запад. Ни «конструктивный диалог» с политическим режимом А. Лукашенко, ни санкционное давление на него не приводили к изменению белорусской общественно-политической системы, поскольку Минск при первой же необходимости мог опереться на восточный вектор своей внешней политики, то есть на поддержку Москвы. По мнению некоторых западных политологов, все попытки белорусского лидера нормализовать отношения с Западом являются фикцией, поскольку, как только Запад выдвигает условия, противоречащие фундаментальным основам режима, диалог сразу сворачивается.

В августе 2020 г. в ходе президентских выборов в Республике Беларусь западная тактика «малых шагов» неожиданно для многих сменилась попыткой отстранения от власти вновь избранного президента. В стране развернулись инспирированные оппозицией массовые уличные протесты граждан, не согласных с официально объявленными результатами голосования. В действительности эти события стали не форс-мажором, а естественным результатом западной политики «малых шагов». В Брюсселе, видимо, посчитали, что проводимый им на протяжении нескольких лет курс в достаточной степени подготовил внутривнутриполитическую почву для реализации в Белоруссии украинского сценария.

Американская газета The Washington Post в разгар массовых выступлений в белорусской столице писала: «Впервые с того момента, как страна получила независимость в 1991 году, у протестующих есть реальный шанс отстранить от должности долго находящегося у власти сильного правителя» [2]. Безусловно, был принят во внимание и такой немаловажный фактор, как возрастающая напряженность в отношениях Минска и Москвы.

«После месяцев отказа Лукашенко от более тесных связей с Россией поддержка со стороны Путина не является фактом, о котором можно говорить с уверенностью», – отмечала та же The Washington Post [2].

Однако расчеты западных стратегов не оправдались. Твердость, проявленная белорусским лидером, лояльность силовых структур и однозначная поддержка со стороны Москвы позволили стабилизировать ситуацию в республике. Российское руководство предупредило западных лидеров о недопустимости вмешательства в дела союзного государства. Москва также заявила о готовности задействовать для наведения порядка в республике свои внутренние войска – при соответствующем запросе от руководства РБ.

Со стороны Запада последовало непризнание результатов президентских выборов в РБ и введение против нее очередных рестрикций. Эти события наглядно продемонстрировали, что все заигрывания Запада с белорусским лидером преследовали единственную цель – перезагрузку политической системы в стране. Западные партнеры Минска, с которыми А. Лукашенко начиная с 2014 г. старательно выстраивал отношения, выступили против него единым фронтом. Брюссель и Вашингтон официально заявили, что не откажутся от оказания всесторонней помощи белорусской оппозиции. В результате Минск фактически лишился возможности продолжать прежнюю политику многовекторности. Его единственной опорой в сложившейся ситуации становилась Россия.

После политического кризиса 2020 г., который Лукашенко охарактеризовал как неудавшуюся попытку Запада совершить антиконституционный переворот, запустив в республике сценарий «цветной революции», логично было бы ожидать, что Минск откажется от пресловутой многовекторности. В заявлении председателя Постоянной комиссии по международным делам Палаты представителей Национального собрания Белоруссии А. Савиных говорилось: «С моей точки зрения, сегодня уже есть достаточно оснований утверждать, что многовекторная политика более не обеспечивает внешние условия для благоприятного развития страны и нуждается в корректировке... Убежден, что высшим приоритетом для нас остается укрепление политических, экономических и военных отношений с Российской Федерацией в рамках Союзного государства. Эта страна была, есть и останется нашим главным и самым близким стратегическим партнером» [12].

Однако ориентация только на одного международного партнера неприемлема для белорусских элит, поскольку ограничивает их свободу действий, и вскоре в Минске вновь заговорили о безальтернативности многовекторной политики, которая по-прежнему считается наиболее эффективным инструментом для реализации внешнеполитических интересов страны. В конце октября 2020 г. А. Лукашенко в очередной раз обосновал сохранение установки на многовекторность геополитической необходимостью.

Впрочем, некоторые изменения в концепцию внешней политики все же были внесены в связи с тем, что в сложившейся ситуации Минск фактически

утратил возможность оставаться на позициях ситуативного нейтралитета в конфликте между Москвой и Западом. Западные санкции сделали его отношения с Россией практически безальтернативными. Министр иностранных дел В. Макей, выступая на VI Всебелорусском Народном собрании (февраль 2021 г.), предложил отказаться от конституционно закреплённой установки «стремления к нейтралитету», «поскольку это положение не отвечает интересам страны в новых международных реалиях» [13]. Утверждалось, что на фоне напряжённости в отношениях с Западом отказ от нейтралитета предоставит стране возможность соразмерно отвечать на глобальные и региональные вызовы. В августе 2021 г. расплывчатая формулировка о «стремлении к нейтралитету» была исключена из Основного закона страны.

События 2020 г. не только привели к отказу от западного вектора внешней политики Минска, но и потребовали изменения стратегии экономической диверсификации, которая предполагала равное распределение экспортных долей между Россией/ЕАЭС, Западом и дальним зарубежьем. 11 февраля 2021 г., выступая на заседании Всебелорусского народного собрания, В. Макей предложил новую формулу диверсификации белорусского экспорта, в которой 50% отводилось на Россию/ЕАЭС и 25% – на Европейский союз. Кроме того, было подготовлено значительное сокращение дипломатического представительства РБ в странах Западной Европы в пользу развития других направлений. Белоруссия подала заявку на членство в ШОС и приостановила свое участие в европейской программе «Восточное партнерство», к которой присоединилась в 2009 г.

Тем не менее белорусские власти не отказались от попыток восстановления отношений с Западом. «Для нас самое главное – экономика. И мы считаем, что принцип многовекторности сохраняет свою актуальность даже в сегодняшнее непростое время, когда у нас есть ряд трудностей в организации нашего взаимодействия со странами так называемого коллективного Запада», – заявил В. Макей [14]. Определённые основания для возобновления прежнего многовекторного курса у белорусских властей имелись, «поскольку на Западе до сих пор не определились, что для них важнее: продвижение “демократии” в Белоруссии и приход к власти прозападных сил или недопущение “поглощения” Белоруссии Россией любой ценой, что допускает ситуативную поддержку нынешней власти», – пояснил белорусский политолог В. Шимов [15].

По его мнению, Минск вполне мог вернуться к политике «многовекторности» и к новой оттепели в отношениях с Западом при условии возобновления им политики «малых шагов». Правда, для этого потребовались бы определённые уступки со стороны официального Минска, например, освобождение лиц, которые на Западе считаются политзаключёнными. Собственно, предыдущая серия нормализации отношений Белоруссии с Западом и началась с помилования белорусскими властями оппозиционных

политиков, обвинявшихся в организации беспорядков после выборов 2010 г. [16].

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция (СВО) внесла коррективы в многовекторные планы белорусских властей. Поскольку на первом этапе СВО российские войска входили в северные регионы Украины с территории Белоруссии, Минск был объявлен на Западе соагрессором и против него были введены жесткие санкции, аналогичные антироссийским. В феврале 2023 г. Европейского союз продлил санкции против Белоруссии из-за «внутренних репрессий» и поддержки специальной военной операции России на Украине.

СВО, казалось бы, окончательно лишила Лукашенко пространства для маневра и вынудила ориентироваться исключительно на Россию. Однако в политике Минска вновь наметились попытки восстановить отношения с западными партнерами. Показательно в этой связи, что в течение 2024 г. президент РБ помиловал почти всех оппозиционеров, приговоренных после событий 2020 г. к различным срокам тюремного заключения, что, как отмечалось выше, обычно является прелюдией к началу «оттепели» в отношениях Белоруссии с Западом. «Минск и заинтересованные западные столицы вполне могли бы изучить варианты деэскалации в двусторонних отношениях и возможности, которые потенциально открываются после освобождения заключенных», – считает директор Совета по международным отношениям «Минский диалог» Е. Прейгерман [17].

Помимо этого, Белоруссия в одностороннем порядке распространила действие безвизового режима на граждан 35 европейских стран. В официальном сообщении подчеркивалось, что этот шаг был сделан «в целях дальнейшей демонстрации открытости и миролюбия» Минска [18]. 16 января 2024 г. в Совете Безопасности РБ состоялось обсуждение проекта Концепции национальной безопасности. В документе подтверждалась заинтересованность Белоруссии в поддержании прагматичных отношений с ЕС и США, а также постулировалась концепция многовекторной внешней политики в качестве основы для минимизации внешних угроз национальной безопасности и диверсификации экономических отношений [19].

Необходимо подчеркнуть, что нынешний разворот Белоруссии в сторону России не являлся сознательным выбором белорусского руководства, а произошел вынужденно, под давлением внешних обстоятельств. В этой связи нельзя исключать возвращения Минска к прежней стратегии многовекторности – то есть лавированию между Россией и Западом – в случае смягчения позиции Брюсселя.

Лишившись западной альтернативы, Белоруссия приступила к укреплению отношений с Россией в различных сферах, о чем свидетельствует подписание в сентябре 2021 г. 28 союзных программ и проведение совместных стратегических учений «Запад – 2021». 9 октября 2024 г. РБ и РФ заключили межгосударственный договор о формировании объединенного рынка

электроэнергии Союзного государства. Объем двусторонней торговли по итогам 2024 г. может достичь 60 млрд долл. [20]. В сентябре 2024 г. на встрече со студентами в Бресте А. Лукашенко признал: «...Если мы отвернемся от России, отрежем Беларусь от сырьевых ресурсов, то погубим экономику». «Уход Белоруссии на Запад означал бы... разрушение реального сектора экономики страны» [21].

В области обеспечения безопасности, которая в нынешних условиях приобретает все большее значение, интересы Москвы и Минска совпадают. В настоящее время актуальность угрозы с западного направления способствует углублению военной интеграции союзных государств. В связи с обострением обстановки на западных границах развернута совместная региональная группировка войск. Москва по просьбе официального Минска разместила в РБ ядерное оружие и средства его доставки.

6 декабря 2024 г. президенты России и Белоруссии на заседании Высшего Государственного Совета СГРБ в Минске утвердили Концепцию безопасности Союзного государства, которая закрепляет положение о совместном противодействии политике недружественных государств. Кроме того, Минск и Москва заключили межгосударственный Договор о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства. Согласно измененной версии российской ядерной доктрины, российский ядерный щит будет теперь прикрывать и Белоруссию. Это положение, по признанию Е. Прейгермана, является «максимальной гарантией безопасности, которую ядерное государство может предоставить неядерному» [22]. По словам президента Лукашенко, подписание этих документов выводит отношения Минска и Москвы на беспрецедентный уровень [23].

Таким образом, в настоящее время отношения России и Белоруссии стабилизировались, а западные санкции способствовали консолидации союзных государств. Москва, судя по всему, отложила решение спорных политических вопросов до лучших времен. Вместе с тем фундаментальные противоречия по вопросу стратегической перспективы развития двусторонних отношений не устранены, что может создавать основу для возникновения новых серьезных разногласий в будущем.

В середине ноября 2020 г. во время очередного совещания по вопросам внешней политики президент А. Лукашенко утверждал, что многовекторность в белорусской политике обусловлена исключительно требованиями экономического развития. «Сегодня половина экспорта нашей продукции продается на внешних рынках вдали от нас и от России. Этот экономический вектор нам надо обеспечивать политически, дипломатически. Вот и вся многовекторность. Любое государство проводит такую политику» [24].

Однако российское руководство не без оснований опасалось, что проводимый Минском внешнеполитический курс может обернуться «мягким» дрейфом ключевого союзника на Запад. Подобный дрейф был бы сопряжен с неприемлемо высокими геополитическими рисками для Москвы, что, в

частности, наглядно продемонстрировал пример Украины. Безусловно, сам А. Лукашенко на геополитический разворот никогда не пойдет, поскольку либерализация страны по западным образцам угрожает его личной власти. К тому же Западу для реализации своих геополитических целей нужны во главе Белоруссии послушные, управляемые фигуры, а не авторитарный, самостийный лидер, каким является Александр Лукашенко.

У них диаметрально противоположные задачи: Лукашенко необходимо удержать и укрепить свою власть, Западу – лишить его этой власти. Заигрывание с западными партнерами, как показали события 2020 г., является для белорусского президента, по сути, балансированием на краю пропасти, поскольку цели Запада остаются неизменными – смена политической власти в Республике и обеспечение ее прозападной ориентации. Тем не менее А. Лукашенко, судя по всему, готов продолжить опасные многовекторные маневры, полагая, что сможет удержать ситуацию под контролем.

К тому же, по утверждению белорусских экспертов, пророссийские силы в Белоруссии, на которые Москва могла бы опереться, не имеют ни влиятельных лоббистов, ни достаточных финансово-организационных ресурсов, ни сколько-нибудь ощутимой поддержки со стороны Российской Федерации. Сознание белорусов, особенно в столице, изрядно отформатировано антироссийской пропагандой [25]. Количество ориентированного на Россию населения в стране неуклонно сокращается – как из-за смены поколений, так и в результате системной работы Запада.

Белоруссия – это единственное выпадающее звено в цепи недружественных государств вдоль западных границ РФ. Присоединение республики к странам Балтии и Украине было бы критично для безопасности нашей страны. Помимо этого, Белоруссия обеспечивает геополитический тыл Калининградской области, существенно сокращая протяженность сухопутных коммуникаций по территории недружественных стран. Если бы в Минске установился антироссийский режим, положение российского эксклава стало бы весьма тяжелым [26]. В военном отношении существование «белорусского балкона» в качестве стратегического плацдарма РФ позволяет сдерживать весь восточный фланг НАТО.

В целом же ситуация в Белоруссии и вокруг нее остается напряженной. После неудавшейся в 2020 г. попытки отстранить президента А. Лукашенко от власти Запад не отказался от своих планов и не намерен признавать не устраивающие его результаты очередных президентских выборов в РБ, которые должны состояться 26 января 2025 г. Ожидается новая попытка дестабилизировать ситуацию в республике с использованием «беглой оппозиции». Совет Безопасности Белоруссии уже сообщил о подготовке экстремистов к захвату приграничья республики. Москва, со своей стороны, в лице официального представителя МИД М. Захаровой предупредила, что окажет своему союзнику все необходимое содействие для устранения как внутренних, так и внешних угроз.

В связи с изложенным, при всей обоснованности претензий к официальному Минску, в интересах Москвы максимально наращивать и укреплять все возможные взаимосвязи со своим стратегическим союзником, а также поддерживать действующую белорусскую власть, поскольку Запад продолжит попытки тем или иным способом оторвать Белоруссию от России.

В условиях конфликта на Украине логично ожидать активизации действий западных столиц на белорусском направлении. Серьезную опасность с этой точки зрения представляет гипотетическое возвращение Минска к проведению традиционной политики многовекторности, создающей значительные риски для белорусской государственности в ее нынешнем виде и, как следствие, для интересов безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаджян В. Особенности политики многовекторности на постсоветском пространстве // РСМД. 21.03.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/osobennosti-politiki-mnogovektornosti-na-postsovetском-prostranstve/?sphrase_id=170368224 (дата обращения 05.12.2024).
2. «Лукашенко просит Россию помочь». Мировые СМИ о протестах в Белоруссии // ТАСС. 17.08.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9218363> (дата обращения 05.12.2024).
3. Родионов Д. Конец белорусской многовекторности? // Свободная пресса. 27.11.2022. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/353607/> (дата обращения 10.12.2022).
4. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь «Предприимчивость, инициатива и ответственность каждого – достойное будущее страны» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 21.04.2011. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P011p0001> (дата обращения 12.06.2024).
5. Мальцев. В. Мягкая «белорусизация», при которой России предстоит жестко спать. Или просыпаться // Украина.ру. 13.07.2022. URL: <https://ukraina.ru/20200129/1026499633.html?in=t> (дата обращения 15.07.2022).
6. ЕС в 2014 – 2020 г. выделил Беларуси более 170 млн евро за счет европейского инструмента соседства // ПраймПресс. 10.03.2020. URL: https://primepress.by/news/finansi/es_v_2014_2020_g_vydelil_belarusi_bole_170_mln_evro_zha_schet_evropeyskogo_instrumenta_sosedstva-18702/ (дата обращения 11.11.2024).

7. Клысиньский К. (Не)реальный нейтралитет: попытки пересмотра белорусской внешней политики // Иносми. 03.07.2018. URL: <https://turboimages.org/turbo/iniosmi.ru/s/20180703/242665774.html> (дата обращения 22.10.2024).
8. СМИ: Белорусские депутаты поддержали антиросийскую декларацию ПА ОБСЕ // EurAsia Daily. 10.07.2017. URL: <https://easdaily.com/ru/news/2017/07/10/smi-belorusskie-deputaty-podderzhali-antirossiyskiyu-rezolyuciyu-pa-obse> (дата обращения 22.10.2024).
9. Макей: «Беларусь стремится диверсифицировать внешнюю политику» // Sputnik Беларусь. 08.04.2018. URL: <https://sputnik.by/20180408/makej-belarus-diversifikaciya-vneshnyaya-politika-1034699809.html> (дата обращения 22.10.2024).
10. Ткачев И. Силуанов заявил об утрате доверия к Белоруссии // РБК. 25.12.2018. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/12/2018/5c22072f9a794722a5cbbb3c> (дата обращения 12.09.2024).
11. Межевич Н.М., Шимов В.В. 2022. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик «средней страны» (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 15, вып. 4. С. 436-450.
12. Савиных: отношения с Россией — приоритет внешней политики Белоруссии // РИА. 22.09.2020. URL: <https://ria.ru/20200922/politika-1577624627.html#pv=g%3D1577624627%2Fp%3D1572771933> (дата обращения 22.09.2020).
13. Выступление Министра иностранных дел Беларуси В. Макея на VI Всебелорусском народном собрании «Внешнеполитический контекст национальных интересов современного белорусского государства» // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 11.02.2021. URL: <https://mfa.gov.by/press/statements/d23c4c259dc8de7f.html> (дата обращения 09.03.2021).
14. Макей: принцип многовекторности актуален для Беларуси даже в сегодняшнее непростое время // БЕЛТА. 12.07.2021. URL: <https://belta.by/politics/view/makej-printsip-mnogovektornosti-aktualen-dlja-belarusi-dazhe-v-segodnjashnee-neprostoje-vremja-450037-2021/> (дата обращения 13.07.2021).
15. Шимов объяснил, перед каким выбором стоит Запад в отношении Белоруссии // Украина.ру. 22.02.2021. URL: <https://ukraina.ru/20210222/1030638050.html> (дата обращения 22.02.2024).
16. Шимов рассказал о шансах разворота Белоруссии на Запад // Украина.ру. 04.02.2022. URL: <https://ukraina.ru/20220202/1033198892.html> (дата обращения 22.02.2024).
17. Прейгерман Е. Освобождение заключенных может способствовать разморозке отношений Минска с Западом // Минский диалог.

27.09.2024. URL: <https://minskdialogue.by/research/opinions/osvobozhdenie-zakliuchennykh-mozhet-posposobstvovat-razmorozke-otnoshenii-minska-s-zapadom> (дата обращения 28.09.2024).

18. Аверьянов К. Игра с огнем. Что стоит за жестами доброй воли Лукашенко в отношении Запада // Регнум. 18.07.2024. URL: <https://regnum.ru/article/3902779> (дата обращения 19.07.2024).

19. Прейгерман Е. Беларусь обновляет стратегические доктрины // Минский диалог. 06.02.2024. URL: <https://minskdialogue.by/research/opinions/belarus-obnovliaet-strategicheskie-doktriny> (дата обращения 07.02.2024).

20. Бойков С., Борисенко Е. Союзное предложение: Москва и Минск усиливают сотрудничество на фоне давления Запада // Известия IZ. 09.10.2024. URL: <https://iz.ru/1772067/semey-boikov-elizaveta-borisenko/soiuznoe-predlozhenie-moskva-i-minsk-usilivaiut-sotrudnichestvo-na-fone-davleniia-zapada> (дата обращения 10.10.2024).

21. Многовекторная политика Лукашенко // Коммерсантъ. 18.04.2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1621180> (дата обращения 10.10.2024).

22. Прейгерман Е. Беларусь и Россия готовят новые соглашения в области безопасности // Минский диалог. 29.11.2024. URL: <https://minskdialogue.by/research/opinions/belarus-i-rossiia-gotoviat-novye-soglasheniia-v-oblasti-bezopasnosti> (дата обращения 30.11.2024).

23. Путин и Лукашенко подписали договор о гарантиях безопасности // Советская Россия. 06.12.2024. URL: <https://sovross.ru/2024/12/06/putin-i-lukashenko-podpisali-dogovor-o-garantiyah-bezopasnosti/> (дата обращения 10.12.2024).

24. Лукашенко об экспорте: «нужно очень точно уловить момент оживления мирового производства» // MYFIN. 17.11.2020. URL: <https://myfin.by/article/biznes/lukashenko-ob-eksporte-nuzno-ocen-tocno-ulovit-moment-ozivlenia-mirovogo-proizvodstva> (дата обращения 12.11.2024).

25. Белорусский политолог объяснил, почему Россия делает ставку на Лукашенко // Украина.ру. 10.09.2020. URL: <https://ukraina.ru/20200910/1028863276.html> (дата обращения 12.10.2024).

26. Шимов В. Нерушимое братство: 25 лет Союзному государству // RuBaltic.ru. 08.12.2024. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20241208-nerushimoe-bratstvo-25-let-soyuznomu-gosudarstvu/> (дата обращения 10.12.2024).

А. Кривопапов

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
БЕЛОРУССИИ ДЛЯ РОССИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-40-50

Кривопапов Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований,

ORCID 0000-0002-7916-036X, krivopalov@centero.ru

Статья поступила в редакцию 29.11.2024. Одобрена
после рецензирования 16.12.2024. Принята к публикации 18.12.2024.

Аннотация: Статья рассматривает военно-стратегическое значение белорусского союзника для России в связи с событиями Специальной военной операции на Украине. Автор заостряет внимание на том, что понятия боевой и мобилизационной готовности вооруженных сил не тождественны друг другу. В отличие от боевой, мобилизационная готовность белорусской армии традиционно оставалась низкой. Из-за скудости оборонного бюджета сухопутные войска содержатся в максимально сокращенных штатах мирного времени. Систематическая организационная работа, необходимая для поддержания общевойсковых соединений в перманентной готовности к мобилизационному развертыванию, не проводится. К постоянно боеготовым относятся лишь немногочисленные Силы специальных операций. Хотя белорусская военная система изначально не была ориентирована на ведение большой войны, стратегически Белоруссия для России очень важна, прежде всего в территориально-географическом измерении.

Ключевые слова: внешняя политика, стратегия, международные отношения, СВО, Россия, Белоруссия, вооруженные силы, Украина, оборонное строительство.

BELARUS'S MILITARY-POLITICAL SIGNIFICANCE FOR RUSSIA

Alexey A. Krivopalov. Cand. Sci. (History), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher of the Center for Post-Soviet Studies, ORCID 0000-0002-7916-036X, krivopalov@centero.ru

Received 29.11.2024. Revised 16.12.2024. Accepted 18.12.2024.

Summary: This article examines the military-strategic importance of the Belarusian ally for Russia in connection with the events of the Special Military Operation in Ukraine. The author focuses on the fact that the concepts of combat and mobilization readiness of the armed forces are not identical to each other. Unlike the combat readiness, the mobilization readiness of the Belarusian army has traditionally remained low. Due to defense budget limitations, the ground forces had only skeleton personnel strength. The systematic preparations necessary to maintain the units in permanent readiness for deployment are neglected. Only a few Special Operations Forces are constantly on alert. Although the Belarusian military system was not initially focused on waging a major war, Belarus is strategically very important for Russia, primarily in the territorial geographical dimension.

Keywords: foreign policy, national military strategy, international relations, Special Military Operation, Russia, Belarus, armed forces, Ukraine, national security strategy.

За истекшие три десятилетия Белоруссия зарекомендовала себя наиболее надежным союзником России на постсоветском пространстве. Официальный Минск принимает участие уже в третьем поколении инициированных Москвой интеграционных объединений, начиная с образованного в конце 1991 г. Содружества Независимых Государств и заканчивая созданным в 2014 г. Евразийским экономическим союзом. В 2002 г. Белоруссия стала членом Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Формой партнерства, призванной символизировать особый характер двусторонних отношений, стало образование 8 декабря 1999 г. так называемого Союзного государства.

До 2014 г., в условиях отсутствия прямой и актуальной военной опасности, задуманная в рамках ОДКБ объединенная российско-белорусская группировка на Западном направлении не имела очевидного стратегического предназначения. В результате военных преобразований 2000–2010-х гг. и приведения российских вооруженных сил к «новому облику» общая стратегическая диспозиция оказалась в значительной мере пересмотренной. Московский и Ленинградский военные округа фактически становились тыловыми по отношению к Северокавказскому. На исходе 2000-х гг., исключая высококомандные дивизии воздушно-десантных войск, Россия содержала на

Западном направлении абсолютный исторический минимум крупных общевойсковых соединений постоянной готовности [1, с. 138]. Таким образом, основная функция Западного направления фактически ограничивалась обеспечением противовоздушной и противоракетной обороны.

Наиболее важные российские военные объекты в Белоруссии – 43-й узел связи ВМФ в Вилейке и стационарная радиолокационная станция 70М6 «Волга» в районе Барановичей, входящая в состав системы предупреждения о ракетном нападении, – оставались реликтами эпохи холодной войны. Хотя РЛС «Волга» была введена в строй в 2002 г., начало этому проекту было положено в 1984 г. в связи с развертыванием на потенциальном Европейском театре американских ракет средней дальности MGM-31C Pershing II [2].

Советское военное наследство

До распада Советского Союза на территории Белорусского военного округа дислоцировались четыре армии: 28-я общевойсковая, 5-я гвардейская танковая и 7-я танковая. Авиационная компонента была представлена 26-й воздушной армией. К концу 1980-х годов в ее составе имелось управление 1-й гвардейской бомбардировочной и 95-й истребительной дивизии, насчитывавшие в общей сложности семь авиаполков. В Витебске дислоцировалась 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, которая в 1979–1989 гг. находилась в Афганистане, а по возвращении оттуда вместе с ней прибыли 378-й штурмовой, 50-й смешанный авиаполк и 181-й вертолетный полк. Кроме того, в Быхове базировалась 57-я морская ракетно-авиационная дивизия Балтийского флота, в Бобруйске – 22-я гвардейская тяжелая бомбардировочная дивизия 46-й воздушной армии верховного главнокомандования, а в Витебске – 3-я гвардейская военно-транспортная авиационная дивизия.

Воздушное прикрытие осуществляла 2-я армия ПВО, располагавшая на территории округа 11-м корпусом, в составе которого имелось два истребительных авиаполка, пять зенитно-ракетных бригад, два зенитно-ракетных полка и две радиотехнические бригады. На территории Белорусского округа находились некоторые дивизии 50-й ракетной армии РВСН. В конце 1989 г. округ насчитывал примерно 243 тыс. военнослужащих. Еще 181 тыс. человек относилось к силам РВСН. Эти войска располагали 2200 танками, 1800 БМП и БТР, 900 орудиями, минометами и РСЗО, 360 вертолетами.

В результате вывода Советской армии из Восточной Европы на территорию Белоруссии прибыли: в Слоним – 11-я гвардейская танковая дивизия без одного танкового полка; в Заслоново – 19-я гвардейская танковая дивизия; в поселок Марьино Горка – 30-я гвардейская мотострелковая дивизия без зенитно-ракетного полка; в Осиповичи – 22-я и 27-я ракетные бригады; в Минск – 127-я отдельная бригада связи и 65-я автомобильная бригада. С 6 мая 1992 г. войска Белорусского военного округа стали основой армии Республики

Беларусь, которой, за исключением частей РВСН, перешло и фактически все вооружение дислоцированных в округе соединений [3, с. 452-453].

Белорусская военная организация при А. Лукашенко

Первоначальное освоение советского военного наследства заняло большую часть 1990-х годов. Основным содержанием военной политики Минска стало обвальное сокращение численности вооруженных сил. Лишь в начале XXI в. начался содержательный этап оборонного строительства, в результате которого была создана современная военная организация Белорусского государства.

Переломным моментом на этом пути оказались прошедшие в августе–сентябре 2001 г. оперативно-стратегические учения «Неман-2001», ставшие крупнейшими в новейшей истории Белоруссии. Учения продемонстрировали ограниченную боевую ценность кадрированных соединений, из которых тогда состояли сухопутные войска. Поэтому в начале 2002 г. были доукомплектованы по штату две мобильные бригады – 38-я и 317-я, имевшие корни в советских ВДВ и армейском спецназе. Для доукомплектования пришлось расформировать третью бригаду. Мобильные бригады стали единственными постоянно боеготовыми крупными соединениями сухопутных войск Белоруссии. Остальная армия сохранила сокращенную структуру мобилизационного типа, которой придерживается до сих пор.

В 2002 г. было принято решение о создании Территориальных войск как средства быстрой мобилизации резервов в случае вооруженного конфликта. В следующем десятилетии работа над поиском оптимального формата Территориальных войск и резервов продолжилась. Наиболее крупной инновацией стало создание в 2007 г. командования Сил специальных операций (ССО), которому были подчинены мобильные части ВДВ и спецназа. События 2014 г. на Украине закрепили уверенность белорусского руководства в правильности выбранного курса. При обновлении техники силы специальных операций получили приоритет [4, с. 39-40].

В 2012 г. по соображениям экономии Белоруссия отказалась от сравнительно более дорогих в повседневной эксплуатации истребителей Су-27 и бомбардировщиков Су-24. В составе ВВС остались только легкие истребители МиГ-29 и неприхотливые штурмовики Су-25. Обновление парка учебно-тренировочных самолетов произошло только в 2019 г. после закупки в России 12 Як-130. В 2016–2017 гг. Министерство обороны получило по контракту с Россией 12 новых Ми-8МТВ-5, которые были доставлены на авиабазу в Мачулищах, что позволило значительно увеличить возможности ВВС, ПВО и Сил специальных операций [4, с. 49].

По состоянию на 2019–2021 гг. номинальная численность вооруженных сил республики составляла 48–50 тыс. человек. Ежегодно на срочную службу призывается около 10 тыс. человек на срок 12–18 месяцев. Еще 15 тыс.

числятся в составе военизированных формирований милиции и пограничной охраны. Предельный возраст пребывания в запасе – 65 лет, обученный резерв насчитывает 290 тыс. человек. В мирное время на военной службе находится не более 10–15 тыс. [5, р. 5].

Сухопутные войска Белоруссии разделены на два примерно равноценных по структуре оперативных командования – Западное и Северо-Западное. По своим силам они примерно соответствуют армейским корпусам. В состав каждого командования входят две механизированные бригады, одна база хранения (свернутая бригада), артиллерийская группировка из бригады и полка, а также части обеспечения – инженерные, связи, снабжения, РЭБ, РХБЗ и другие.

Большинство частей сухопутных войск находится «в кадрах», их общая численность не превышает 15–17 тыс. человек. Западное командование прикрывает Польское направление, Северо-Западное ориентировано на Прибалтийские государства. Войска вооружены в основном советской техникой, которая устарела морально и физически. Поставки новой и модернизированной техники для сухопутных войск крайне ограничены. Формально Белоруссия имеет на вооружении 1276 танков, но подавляющее большинство из них находится в резерве. В строю числятся только 446 танков Т-72Б и Т-72Б3, которые составляют основу парка действующих частей, но это количество представляется завышенным, поскольку требует содержания 11 развернутых танковых батальонов в четырех имеющихся в сухопутных войсках механизированных бригадах, что, очевидно, не соответствует действительности [4, с. 43].

Способность массовой кадрово-резервной армии принять участие в боевых операциях большого масштаба зависит в первую очередь от эффективности ее мобилизационного аппарата. Без длительного и трудоемкого мобилизационного развертывания Белоруссия, по существу, не способна выставить на поле боя более 6 тыс. человек в составе трех бригад Сил специальных операций. Подготовка обученного запаса и систематические проверочные мобилизации резервистов при имеющемся скромном оборонном бюджете невозможны [5, р. 4].

Ввиду отсутствия актуальной военной угрозы президент А. Лукашенко получил возможность серьезно экономить на оборонном строительстве. На эти цели тратилось в среднем лишь около 1,2% ВВП. Военный бюджет страны с населением 9,5 млн. человек, по данным 2021 г., достигал 638 млн долл. – примерно столько же, сколько в Армении, почти втрое меньше, чем в Азербайджане, и вшестеро меньше, чем на Украине до начала СВО [6, р. 181, 185, 211]. По данным на 2019–2020 гг. военный бюджет Белоруссии вдвое уступал расходам по ведомству Министерства внутренних дел, достигавших 1,1 млрд долл. Начало СВО и острая фаза противостояния России с державами Запада не сопровождалась резким ростом оборонных расходов – бюджет на 2023 г. составил 994 млн. долл. [7, pp. 182-184].

Таким образом, белорусские вооруженные силы имеют ограниченный самостоятельный боевой потенциал. Их численность и возможности уступают даже силам восточноевропейских членов НАТО, не говоря уже о Североатлантическом блоке в целом. Армия не имеет практического боевого опыта, а ее боевая подготовка достаточно формальна [4, с. 59].

Силы специальных операций

Примерно с 2002 г. армия президента А. Лукашенко делится на две неравные части – командование Сухопутных сил и командование Сил специальных операций. Как было отмечено выше, основная масса сухопутных войск представлена кадрированными соединениями, сохраняющими минимальный состав по штатам мирного времени. Без проведения длительной и затратной мобилизации танковые и механизированные соединения белорусской армии практически небоеспособны. Возможно, исключение составляет 120-я механизированная бригада в столичном регионе, которая укомплектована несколько лучше остальных.

Под видом Сил специальных операций белорусское руководство фактически создало параллельную сухопутную армию, которая, по сути, выступает в качестве личной «преторианской гвардии» президента Лукашенко. На 2020 г. в ССО имелось три бригады – десантно-штурмовая, воздушно-десантная и специального назначения, а также два отдельных батальона. Их состав оценивался в 4–6 тыс. человек. Учитывая, что в сухопутных войсках в общей сложности насчитывалось лишь 17 тыс. человек, такая численность ССО представляется весьма значительной.

Под флагом отдельного командования сведены части, которые в реальности не являлись частями специального назначения, а представляли собой наиболее подготовленные и укомплектованные элитные соединения. В состав ССО входят 38-я отдельная десантно-штурмовая бригада (Брест), 103-я отдельная воздушно-десантная бригада (Витебск) и 5-я отдельная бригада специального назначения (Марьина Горка), 33-й отдельный отряд специального назначения (Витебск), 91-й отдельный батальон охраны и обслуживания командования ССО, 742-й отдельный полевой узел связи командования ССО [4, сс. 44-45].

Десантирование не является основной задачей двух бригад, образующих ядро ССО. Названия «десантные» были возвращены им в качестве почетных. При сохранении базовой воздушно-десантной подготовки и готовности к специальным задачам они по-прежнему во многом остаются тем, из чего были сформированы – мобильными легкими пехотными бригадами, какими они были до преобразования в отдельное Командование.

Особое внимание в ССО уделено колесной технике. Для полного перевооружения Министерству обороны не хватало средств, однако эти

бригады получили несколько батальонных комплектов отремонтированных и модернизированных БТР-70МБ1 и БТР-80, грузовиков МАЗ для перевозки личного состава, бронев автомобилей «Тигр» и китайских аналогов НММВW – броневиков «Дунфэн Мэнши». Это позволяет бригадам поддерживать высокую мобильность на территориях с развитой дорожной сетью. Как и остальные вооруженные силы Белоруссии, ССО сохраняют смешанный принцип комплектования. Одновременно в них проходят службу и призывники, и контрактники. Полностью профессиональными в них остаются лишь немногочисленные отдельные подразделения [4, с. 46].

Основная часть ССО содержится в штатах мирного времени, а потому в случае войны также должна пройти доукомплектование. Но даже при смешанном комплектовании и частично кадрированной структуре ССО являются наиболее боеспособной частью сухопутных сил. Они чаще тренируются, имеют больший процент новой и модернизированной боевой техники, более современное вооружение и тактику [4, с. 47].

Состояние военно-промышленной базы белорусских вооруженных сил

В советской Белоруссии размещалось около 120 предприятий и организаций союзного оборонно-промышленного комплекса. К 1995 г. на предприятиях ВПК было занято 245 тыс. человек, что составляло 16,3% от общего числа работающих в тяжелой промышленности. Белорусские предприятия в большинстве случаев специализировались на изготовлении комплектующих и систем, принимая участие в замкнутых технологических производствах более крупных объединений, расположенных в РСФСР или в других республиках.

После распада СССР Белоруссия столкнулась с частичным разрывом прежних кооперационных связей и значительным сокращением выпуска продукции. В целях вывода отрасли из кризиса в 2003 г. был создан Государственный военно-промышленный комитет. К концу 2010-х годов в ведении Комитета находилось 23 основных оборонных предприятия, на которых работало около 17 тыс. человек [8].

В канун острого внутривойтинического кризиса 2020 г. на Россию приходилось почти 70% белорусского оружейного экспорта [9, pp. 45-46]. Между Москвой и Минском было заключено более 40 двусторонних договоров о военном и военно-техническом сотрудничестве [4, с. 51]. Белоруссия специализируется на производстве многоосных шасси, РСЗО, станций связи и оптических приборов наблюдения. В стране удалось сохранить все 15 оружейных НИИ и КБ, унаследованных от БССР [4, с. 56]. Важнейшей в коммерческом отношении нишей специализации белорусского оборонно-промышленного комплекса является глубокая модернизация устаревших советских систем ПВО [4, с. 57].

От внутривнутриполитического кризиса 2020 г. до начала СВО

В течение первых 20 лет своего правления А. Лукашенко создал компактную армию, необременительную для народного хозяйства страны, вступил в ОДКБ и в своей публичной риторике неустанно подчеркивал «авангардное» положение Белоруссии в Союзном государстве. Однако до 2014 г. роль стража Западного стратегического направления требовала от него в основном символических усилий, поскольку опасность на западных рубежах казалась тогда чисто гипотетической. Военная доктрина, принятая в июле 2016 г., в числе наиболее актуальных угроз перечисляла «гибридные методы» и «цветные революции» [7, pp. 182-184].

Претензии Лукашенко на внешнеполитическую самостоятельность [10, с. 75] и последовательное отстаивание им своих экономических интересов [11, с. 8] в глазах Москвы уравнивались тем, что Минск никогда не создавал России острых проблем военно-стратегического плана. После массовых протестов 2020 г., спровоцированных непризнанием оппозицией итогов президентских выборов, пространство для многовекторных флуктуаций, оставшееся в распоряжении Лукашенко, до предела сократилось. Поскольку стабилизация белорусского режима была достигнута в значительной степени благодаря экономической и политической поддержке Кремля, в дальнейшем официальный Минск не имел возможности уклониться от содействия России в подготовке военного решения украинского кризиса. СВО связала обе страны теснее, чем когда бы то ни было прежде.

Согласно польским аналитическим материалам, после 2020 г. зависимость Минска от Москвы критически возросла, и в военно-техническом отношении А. Лукашенко всецело полагался на В. Путина. По мере того как собственные возможности белорусской армии постепенно становились чисто символическими, наметилась тенденция их перерождения в стратегический придаток российской армии. При этом наибольшую тревогу в Варшаве вызывает стремительное освоение российской армией так называемого «Белорусского балкона» [12; 13; 14; 15].

В 2010-е годы регулярно проводились совместные российско-белорусские учения. В 2009, 2013, 2017 и 2021 гг. проходили учения «Запад», а в 2006, 2011, 2015 и 2019 гг. – учения «Щит союза». Численность задействованного в них личного состава обычно составляла 10–15 тыс. человек, однако в учениях «Запад – 2021» было занято до 200 тыс. военнослужащих [16].

Маневры «Запад – 2021» и «Союзная решимость – 2022» в организационном отношении фактически предварили развертывание российской армии на Полесском направлении накануне начала СВО. Согласно западным оценкам, на территорию Белоруссии было введено около 30 тыс. человек, боевая и военно-транспортная авиация [17]. В феврале 2022 г. было получено конституционное одобрение для любых форм российского военного

присутствия и размещения на территории страны тактического ядерного оружия, последовавшего летом 2023 г. [5, р. 6].

Русская версия американского “Nuclear Sharing” едва ли была продиктована прямой военной необходимостью, так как достигавшееся за счет передового развертывания сокращение подлетного времени баллистических и крылатых ракет в этом случае было чисто символическим. В целом решение о строительстве в непосредственной близости от границ условного противника российской стратегической ядерной «витрины» логически укладывалось в типичную для холодной войны систему внешнеполитических мер перестраховки и взаимной предупредительной сигнализации [18, с. 187].

В 2022 г. решающим вкладом Лукашенко в военно-стратегическую копилку Союзного государства оказалось физическое пространство страны. Для российской стратегии выдвинутый далеко на запад, пересекающий Днепр и нависающий над Киевом «Белорусский балкон» как потенциальный операционный базис по своему значению далеко опережал ценность белорусских вооруженных сил.

Именно с территории Белоруссии в начальной фазе СВО был сделан выпад в направлении западных пригородов Киева, в том числе операция воздушно-десантных войск по овладению Гостомельским аэродромом. Как известно, стремительный выход к Киеву, задуманный в качестве основного элемента психологического воздействия на украинское руководство, но осуществленный недостаточными силами и при неадекватном тыловом обеспечении, не дал военного решения.

Замысел российского командования состоял в нанесении внезапных ударов с нескольких направлений при быстром продвижении вглубь украинской территории для овладения крупными городами. Расчет делался на быструю деморализацию украинского руководства и личного состава силовых структур, сдачу в плен или переход офицеров украинской армии на российскую сторону [19].

После месяца ожесточенных боев российское командование смирилось с неудачей и сняло осаду Киева. Войска вернулись на исходные рубежи, а затем и вовсе покинули территорию Белоруссии. Центр тяжести вооруженной борьбы переместился на Донбасс, где продолжает оставаться вплоть до настоящего момента. Первоначальная 30-тысячная группировка значительно сократилась. В январе 2023 г. Россия имела в Белоруссии 9 тыс. человек, а летом 2024 г. – 2 тыс. [17].

В 2022–2024 гг. в Белоруссии не наблюдалось каких-либо признаков мобилизационной подготовки, что достаточно ясно характеризовало намерения ее лидера. Периодически возобновлявшиеся военные приготовления Белоруссии на польской, литовской и в особенности на украинской границе сохраняли свой демонстрационный характер. С точки зрения Москвы, Белоруссия по-прежнему значительно более ценна в качестве трамплина для возможного в будущем повторного развертывания российских войск и

передовой географической позиции, захлестывающей с севера Днепровский оборонительный рубеж ВСУ, нежели в качестве активного участника боевых действий на российско-украинском фронте.

* * *

Взаимоотношения Минска и Москвы после 2000 г. складывались достаточно противоречиво. При всех вариантах многовекторности белорусский союзник не угрожал подорвать внешнеполитическое положение России своим возможным присоединением к западным интеграционным структурам. Несмотря на тревожные националистические тенденции в культурной политике и неизменную требовательность в вопросе скрытого субсидирования белорусской экономики, Минск никогда не создавал Москве по-настоящему опасных военно-стратегических затруднений. Практически на интуитивном уровне президент А. Лукашенко умел безошибочно определять, где находится точка невозврата в его отношениях с В. Путиным.

Предоставив белорусскую территорию для боевого развертывания российской армии накануне 24 февраля 2022 г., Лукашенко тем самым сделал исторический выбор и практически лишил себя пространства для дальнейших внешнеполитических маневров. Он не вступил в конфликт напрямую, но ведь белорусская мобилизационная система изначально не была рассчитана на ведение полномасштабной войны. В критический момент белорусский союзник оказал России совершенно беспрецедентное содействие, пропустив ее армию на «Белорусский балкон». Стратегическое значение Белоруссии, при всех недостатках ее вооруженных сил и оборонно-промышленного потенциала, невозможно переоценить. Эта страна важна не с точки зрения возможного приращения российской военной мощи, но, главным образом, в территориально-географическом измерении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зверев Ю.М., Межевич Н.М. 2019. Безопасность в Восточной Балтике. К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019». Экспертный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС.
2. Нечаев Е.Е., Большаков Ю.П. 2007. Ретроспективный обзор создания и развертывания наземных радиолокационных станций целеуказания в России (Часть II) // Научный вестник МГТУ ГА. № 117. С. 117-136.
3. Феськов В.И., Голиков В.И., Калашников К.А., Слугин С.А. 2013. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной Армии к Советской. Ч. 1. Сухопутные войска. Томск: Издательство НТЛ. 640 с.

4. Союзники. 2020. М.: Центр Анализа Стратегий и Технологий. 176 с.
5. Belarus: Military Obligations in the Context of Russia's War in Ukraine // DIDR-OFPPRA. Information, Documentation and Research Division. 19 June 2023.
6. The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. 2022. The International Institute for Strategic Studies. London: Routledge. Taylor and Francis Group.
7. The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. 2024. The International Institute for Strategic Studies. London: Routledge. Taylor and Francis Group.
8. Леонович А.Н., Тихонович Н.С. 2019. Республика Беларусь на мировых рынках ВВТ // Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций. Сборник материалов конференции. М.: ИМЭМО РАН. С. 63-69.
9. Czwole A. 2019. Determinants of Military Cooperation between Belarus and Russia after 2014 // Kwartalnik Bellona. No. 3. P. 37-58.
10. Постсоветские государства на современном этапе: внутривосточная динамика и поиск путей развития (отв. ред. Э.Г. Соловьев). 2024. М.: ИМЭМО РАН. 209 с.
11. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы (отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин). 2020. М.: ИМЭМО РАН. 276 с.
12. Banasik M. 2022. The Military Integration of Belarus into the Russian Federation // Safety and Defence. No. 8 (1). P. 8-14.
13. Racz A. 2022. Becoming a Military District. Deepening Military Cooperation between Russia and Belarus // EUISS. European Union Institute for Security Studies. Brief. March. No. 4.
14. Wilk A. 2021. Russia's Belarusian Army. The Practical Aspects of Belarus and Russia's Military Integration // OSW Report. Warsaw. March.
15. Zogg B. 2022. Minsk's Signals: Belarus and the War in Ukraine // Policy Perspectives. November. Vol. 10/14.
16. Зверев Ю.М. 2021. Совместное российско-белорусское учение «Запад-2021»: масштабы, цели, замысел, ход, реакции за рубежом // Евразия. Эксперт. Вып. 3.
17. Huterer M., Sahm A. 2024. Belarus: Sovereignty under Threat // Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs. SWP Comment. June. No. 22.
18. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция (отв. ред. А.Г. Арбатов, К.В. Богданов, О.В. Гусарова, М.Г. Евтодьева). 2023. М.: Весь мир. 432 с.
19. Пухов Р.Н. 2024. От «специальной» к «военной». Уроки двух лет операции на Украине // Россия в глобальной политике. № 2. С. 21-36.

В. Оленченко

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ БЕЛОРУССИИ
К РЕГИОНАЛЬНЫМ РЕАЛИЯМ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-51-65

Оленченко Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, ИМЭМО РАН, старший научный сотрудник Центра европейских исследований,

ORCID 0000-0002-1667-6449, olenchenko.vladimir@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.11.2024. Одобрена
после редактирования 27.11.2024. Принята к публикации 04.12.2024.

Аннотация: Происходящие в регионе и в мире перемены требуют от Белоруссии уточнения своей идеологии. Белоруссия испытывает многовекторное идеологическое воздействие. В статье проанализированы основные факторы влияния. Методом исследования избрано сопоставление внешних и внутренних факторов. Поставлен вопрос об идеологии Союзного государства. Проведенный анализ свидетельствует, что залогом суверенитета Белоруссии и сохранения ее самобытности продолжает оставаться сотрудничество с Россией, прежде всего в рамках Союзного государства. Настоятельным становится совместное российско-белорусское изучение возможностей идеологического укрепления Союзного государства. В более широком плане необходим концептуальный и практический пересмотр основных подходов России и Белоруссии к ключевым пунктам мирового развития.

Ключевые слова: идейное противостояние, идеология исконная и привнесенная, идеологическая неадекватность оппозиции, понимание идеологии, идеология Союзного государства, уточнение идеологии, пересмотр подходов к международным отношениям.

SOCIO-POLITICAL ADAPTATION OF BELARUS TO REGIONAL REALITIES

Vladimir A. Olenchenko, Cand. Sci. (Jurisprudence), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher of the Center for European Studies, ORCID 0000-0002-1667-6449, olenchenko.vladimir@mail.ru

Received 08.11.2024. Revised 27.11.2024. Accepted 04.12.2024.

Summary: The changes taking place in the region and in the world require Belarus to clarify its ideology. Belarus is experiencing a multi-vector ideological impact. The article analyzes the main factors of influence. The method of research is a comparison of external and internal factors. The question of the ideology of the Union State has been raised. The analysis shows that cooperation with Russia, primarily within the framework of the Union State, continues to be the key to the sovereignty of Belarus and the preservation of its identity. A joint Russian-Belarusian study of the possibilities of ideological strengthening of the Union State is becoming urgent. More broadly, a conceptual and practical revision of the main approaches of Russia and Belarus to key points of global development is needed.

Keywords: ideological confrontation, native and introduced ideology, ideological inadequacy of the opposition, understanding of ideology, ideology of the Union State, clarification of ideology, revision of approaches to international relations.

Введение

Белоруссия находится на стыке идейного противостояния Востока и Запада и испытывает идеологическое давление. Существуют географические предпосылки для широких идеологических контактов – Республика Беларусь граничит с Россией, Украиной, Латвией, Литвой и Польшей [1]. Последние три страны олицетворяют коллективный Запад, генерирующий русофобию, ранее носившую скрытый характер, ставшую в настоящее время откровенно и даже нарочито агрессивной. Нынешнее украинское руководство солидаризуется с Западом.

Вектор Запада, включая фактор Украины, следует акцентировать особо, поскольку мировоззрение белорусского населения исконно не имеет ничего общего с западноевропейскими идейными ценностями. Белорусский менталитет и основы государственности имеют глубокую историю и с давних пор сохраняют свою самобытность.

Внешнее идеологическое влияние наиболее очевидно проявляется в Белоруссии через страны Прибалтики и Польши, а в последние два десятилетия – и через Украину. При этом сказывается не только непосредственное

географическое соседство, но и фактор совместной истории. Идеологическое давление оказывается прямо и опосредствованно и через другие государства Евросоюза, и через США.

Перечисленные страны, Евросоюз и США выступают проводниками западноевропейских и американских стратегий по втягиванию Белоруссии в сферу влияния Запада, предлагают белорусам принять верховенство США, которое распространено в прибалтийских государствах и в Польше. При этом западные векторы влияния не сильно различаются по своему содержанию, что в определенной мере облегчает белорусам отстаивание идеологического суверенитета – не приходится разрабатывать контраргументы для каждой страны. С другой стороны, идеологическое давление носит массированный и масштабный характер ввиду однородности, использования одинаковых методов и координации через механизмы ЕС и НАТО.

Западное давление на Белоруссию приобрело особую остроту, переходящую в агрессивность, в третьей декаде XXI в. Точкой отсчета стал 2020 г., когда западные страны обвинили белорусские власти в фальсификации результатов президентских выборов и отказались признавать их результаты.¹ Ситуация вокруг Белоруссии продолжает осложняться, особенно после начала российской СВО на Украине. У западников вызывают раздражение белорусская самобытность и самостоятельность. Основным препятствием распространению западной идеологии в республике считаются тесные и многосторонние отношения с Россией, оформленные Союзным договором.

Изученность вопроса идеологии в Белоруссии

В XXI в. тема идеологии в Белоруссии пользуется популярностью и рассматривается во многих научных исследованиях, причем в нескольких аспектах: возможности сближения с коллективным Западом, понимание советского прошлого, отношения с Россией, место Белоруссии в региональном контексте, роль Белоруссии в глобальном мире. У авторов исследований в Белоруссии, России, Прибалтике и в Польше – это А. Носович, Н. Межевич, А. Каратеев, Н. Борисов, В. Евстафьев, Н. Семенчик – сложились определенные подходы, которые, однако, требуют актуализации в связи с новыми реалиями кризиса на Украине. Основная дискуссия происходит между сторонниками т. н. вестернизации и сторонниками самостоятельного пути.

¹ 20.08.2020г. в Белоруссии прошли очередные выборы президента страны. На выборах большинство голосов уже в первом туре получил А. Лукашенко. Белорусская Центральная избирательная комиссия в соответствии с законодательным регламентом объявила А. Лукашенко президентом Белоруссии. Ряд европейских стран, в том числе Латвия, Литва, Польша, Украина, отказались признавать Лукашенко законно избранным президентом Белоруссии.

Идеология исконная и привнесенная

Видимо, было бы преувеличением считать, что сфера распространения белорусской идеологии определяется главным образом государственными границами или природными условиями. Носителями идеологии или отдельных идей, безусловно, выступает население. При этом следует учитывать, что население, которое проживает на приграничных территориях с другими государствами, должно формировать отношение к идеологии соседей и либо заимствовать, либо отвергать идеологию соседних государств, или искать компромиссы. При этом речь идет прежде всего об идеологии внешней политики.

К примеру, идеология внешней политики Латвии и Литвы – соседних с Белоруссией стран – характеризуется антибелорусскими действиями и антибелорусской риторикой и не вытекает из потребностей внутренней политики этих прибалтийских государств, не коррелируется с их внутривнутриполитическими интересами. Можно утверждать, что эта идеология носит привнесенный характер, то есть она не соответствует продуктивному региональному развитию. В рамках такой идеологии для Белоруссии крайне затруднительно найти основания для сотрудничества и с Литвой, и с Латвией.

Более рельефно несовместимость демонстрирует Польша, которая генерирует идеологию регионального великодержавия не только в отношении Белоруссии, но и в отношениях с Латвией и Литвой. Белорусское руководство не приемлет региональных амбиций Польши и не считает их приемлемыми предпосылками для двустороннего сотрудничества. Эти три государства – Латвия, Литва, Польша – к тому же входят в состав НАТО и Евросоюза, которые доктринально и в практической деятельности занимают враждебную по отношению к Белоруссии позицию.

Украина, соседствующая с Белоруссией, последние 10 лет проводит воинственную политику национализма и русофобии, стремясь придать ей максимальный международный резонанс. Действующие украинские власти стремятся распространить свою идеологию и на белорусскую территорию, побудить Белоруссию солидаризоваться с ними, прежде всего в противопоставлении России.

Общее противоречие состоит в том, что Белоруссия придерживается исконной идеологии саморазвития, а Латвия, Литва и Украина предлагают строить отношения на привнесенной идеологии. При этом Польша претендует на верховенство в регионе. Очевидные идеологические расхождения между Белоруссией, с одной стороны, и Латвией, Литвой, Польшей и Украиной – с другой, препятствуют развитию сотрудничества с ними, а значит, сдерживают развитие региона.

Усилия Латвии, Литвы, Польши по вовлечению Белоруссии в ареал западных стран через ЕС и НАТО не имеют убедительных для белорусов аргументов. Характерный пример – выборы в Европарламент. Участие Латвии,

Литвы, Польши в выборах в Европарламент в 2024 г. выглядит обескураживающе для сторонников европеизации Белоруссии как внутри страны, так и за ее пределами. Такой показатель, как явка избирателей, явно свидетельствует о глубоком разграничении между Западной и Восточной Европой. Если в Западной Европе средний показатель явки приближается к 50%, то в Восточной Европе – к 30% [2].

Показатели выборов в Европарламент 2024 г. не стали исключением в общем ряду показателей выборов в ЕП и не носят конъюнктурного характера. Схожие показатели характерны на протяжении последних 20 лет.

Таблица 1. Соотношение среднего процента явки избирателей по ЕС, в странах Прибалтики и Польше (2004–2024 гг.)²

	2004	2009	2014	2019	2024
Средний по ЕС	45.47	42.97	42.61	50.66	50.74
Латвия ³	41.34	53.70	30.24	33.53	33.82
Литва ⁴	48.38	20.98	47.35	53.48	28.97
Эстония	26.83	43.90	36.52	37.60	37.64
Польша	20.87	24.53	28.83	45.68	40.65

Составлено автором на основании данных Европарламента [2].

Низкий уровень явки в странах Прибалтики в последние 20 лет может служить свидетельством того, что восточноевропейский и прибалтийский электорат, а в широком смысле – все население не считают Евросоюз природным ареалом своего развития. В частности, население Прибалтики и Восточной Европы не стремится высказаться по поводу того, каким должно быть управление ЕС. Для Белоруссии это является основанием для резонных вопросов, в частности, о том, зачем Белоруссии поддаваться призывам присоединиться к Евросоюзу и НАТО, если население соседних с ней стран, которые являются членами Евросоюза уже 20 лет, не проявляет интереса ни к деятельности ЕС, ни к НАТО?

² Приведены данные за период 2004–2024 гг., так как страны Прибалтики и Восточной Европы присоединились к Евросоюзу в 2004 г.

³ Всплеск избирательной активности в Латвии в 2009 г. произошел после выделения ЕС 1.5 млрд евро латвийской экономике из-за падения ВВП республики почти на 40%.

⁴ Более высокие показатели явки в Литве на выборах в ЕП (в 2004, 2014, 2019 гг.) по сравнению с показателями в Латвии и в Эстонии связаны с тем, что выборы в Европарламент проходили в Литве одновременно с выборами литовского президента.

Самобытность Белоруссии

Белоруссия не предлагает «рецептов» поведения другим странам ни в региональном, ни в европейском, ни в международном масштабах, не популяризирует свой опыт регулирования экономики и организации социальной политики. Белоруссия придерживается международных норм отношений между государствами. В то же время ее ближайшие соседи, такие как Литва, Польша, Латвия, Украина известны тем, что вмешиваются в дела России, Белоруссии и друг друга.

Может возникнуть предположение, что Белоруссии нечем делиться с соседями ни в области внутренней, ни в области внешней политики. Однако это не так, поскольку РБ представляет собой своего рода региональный феномен и отличается от перечисленных стран своей самобытностью. Более того, в средние века предки нынешних белорусов способствовали становлению Литвы как самостоятельного государства, участвовали в сохранении национальной идентичности Латвии.

Примечательно, что Белоруссии удалось отстоять свою самобытность практически со времени своего образования и до сегодняшнего дня, хотя территориально-исторические условия ее существования всегда отличались сложностью. По своему географическому положению Белоруссия находится на стыке Запада и Востока и нередко оказывалась в фокусе их противостояния.

На фоне происходящих в мире и в регионе событий самобытность Белоруссии проявляется особенно отчетливо, хотя многие, не понимая природы белорусской идентичности, склонны воспринимать ее проявления как слабость.

Понятийный контекст идеологии

С учетом того, что России и Белоруссии следует определиться со своими подходами к идеологии, имея в виду идейные основы Союзного государства, значительный интерес представляет обзор современного отношения к идеологии.

Если вчитываться в материалы, к примеру, журнала “Forbes” и «Комсомольской правды», становится очевидным, что в конкретное время и в конкретной ситуации они описывают одни и те же проблемы и одни те же явления. Различаются публикации этих изданий точками зрения и подходами к пониманию проблем, явлений и путей их урегулирования. Так, журнал “Forbes” предлагает объяснения, полезные для крупного бизнеса, в то время как «Комсомольская правда» стремится найти трактовки для широкого круга населения, независимо от материального положения читателей и их социального статуса.

Исходя из этого, следует констатировать, что разные социальные группы по-разному реагируют на текущие общественные процессы, вольно или

невольно отстаивают идеи, отвечающие их интересам. Для того чтобы социальные группы действовали и в интересах всего общества, а само общество было консолидированным, необходимо, как считает автор, общее и приемлемое для всех понимание прошлого, настоящего и будущего, которое и следует назвать идеологией.

В настоящее время термин «идеология» вызывает повсеместное отторжение, которое связано, в основном, с нарративом того, что идеология около 100 лет разделяла мир на два блока и служила источником глобального противостояния, часто – военного.⁵

Современные подходы к пониманию содержания идеологии можно представить рядом условных групп.

Одна группа исходит из того, что идеология – это «система взглядов и идей..., направленных на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [3, с. 199], то есть обладающих силой консолидации людей и побуждающих их воплощать намерения в жизнь, действовать сообща и добиваться поставленных целей.

Другая группа подходов основывается на том, что идеология – государственная функция. Имеется в виду, что государство – продукт идеологии, ее выразитель, ее защитник. Применительно к России, этот подход исследован многими авторами. Сложность такого анализа заключается в том, что идеология приобретает национальное звучание. Так, Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой в обстоятельном исследовании утверждают, что «Континент Россия: сумма русской идеологии», в то время как Россия – многонациональное государство [4, с. 9]. Для преодоления этого несоответствия ими предлагается тезис, что «идеология – это прикладное социальное знание» [2, с. 720], понимаемое как доступное, но требующее интеллектуальных усилий [2, сс. 700-720].

Еще одна группа подходов представляет идеологию как конгломерат институтов, общественных объединений, партий и СМИ, воплощающих идейные установки и действующих как единый механизм. Подробно такой вариант описал А. Зиновьев⁶, который предлагает идеологию «называть идеологической сферой общества. Эта сфера состоит из трех основных компонентов» [5, с. 247]. Первый компонент – «совокупность представлений, понятий, суждений». Второй – «совокупность людей, учреждений,

⁵ Имеется в виду период между 1917 г. – Октябрьская революция в России и 1991 г – демонтаж СССР. В западной историографии принято основную ответственность за глобальное противостояние в тот период возлагать на Россию – СССР и в качестве главной причины противостояния называть коммунистическую идеологию

⁶ Зиновьев Александр Александрович (29 октября 1922 — 10 мая 2006) — советский и российский философ. 1951 — 1978 гг. работал в Институте философии РАН СССР. С 1978 по 1999 г. проживал в Западной Европе, будучи в статусе советского диссидента. После возвращения в Россию в 1999г. продолжал философские исследования.

организаций..., занимающихся разработкой идеологии». Третий – «состояние сознания и чувств людей» [5, с. 247].

Следует обратить внимание на то, что Зиновьев описывал не коммунистическую идеологию, а идеологию Запада, причем описывал, проживая там, и описывал по просьбе западных издателей, которых интересовал его взгляд. Эта констатация свидетельствует, что средой обитания идеологии в равной мере выступают и Восток, и Запад.

Группа подходов, рассматривающих идеологию как фактор, сдерживающий глобальное развитие, требует особого внимания. По мнению сторонников тезиса «ушел в историю “век идеологии”... с собой унес авторитет мировых идеологий» [6, с. 241], заместить идеологию предлагалось теорией и практикой мировых интеграционных процессов. В качестве образца возможностей интеграции указывался Европейский союз, который считался самой успешной моделью «общего центра» (интеграции) [6, с. 248].

Вера в конструктивный характер глобализации была искренней, а идеология воспринималась как трудность для вхождения России в глобальные процессы. С позиций сегодняшнего дня понятно, что глобализация содержала подвохи, которые стали очевидными в свете глобальных санкций против РФ. Имелось в виду, что вовлеченность России в глобализацию должна была сделать ее беспомощной и беззащитной в случае ее ориентации только на один полюс силы. Получается, что приверженность идеологии была характерна скорее не для России, а для сторонников «конца истории».

Для всех указанных, по мнению автора, групп характерен общий изъян – отсутствует аналитическое обоснование того, что считать фундаментальными источниками идеологии. Сложившиеся в мире идеологии, как правило, являются кабинетным продуктом. Они возникли и развиваются как результат умозаключений, сложившихся у исследователей за письменным столом. Обычный подход – придать неким представлениям об окружающем мире в узком и широком смысле значение общего ориентира для конкретных действий.

Что касается противодействия идеологии, примечательно, что оно наблюдалось, главным образом, на постсоветском и частично на постсоциалистическом пространствах. Происходила своего рода прививка против любой идеологии, не соответствующей идеологии «конца истории». Пугалом для возможных идеологических инициатив служила коммунистическая идеология.

Процесс был масштабным, и у его участников могло сложиться впечатление, что он имеет глобальный характер. Однако за пределами постсоветского пространства продолжается обычное идеологическое противоборство правых и левых. К примеру, в самой крупной стране Латинской Америки Бразилии авторитетный ученый А.Л. Маскару в первой четверти XXI в. по-прежнему оперирует привычными идеологическими дефинициями. Так, рассуждая об идеологии, он утверждает, что «преобладание

одного класса... в политическом господстве... в первую очередь, базируется на идеологическом культивировании во всем обществе его [класса] ценностей...» [7, с. 115].

Можно уточнять этот тезис и полемизировать с ним, но сейчас он интересует нас лишь как иллюстрация того, что в глобальных масштабах вопрос идеологии не снят с повестки и, более того, все настоятельнее требует к себе внимания [7, сс. 121-122]. Подобные примеры присутствуют и на других континентах.

Есть еще одна группа подходов – идеология как образование и воспитание принципов взаимоотношений в обществе и принципов действия общества. Другими словами, идеология по содержанию и изложению должна быть доступна прежде всего молодежи. Можно это условие считать критерием качества идеологии. Собственно, Антуан Дестют де Траси – основатель «идеологии» как науки об идеях – адресовался «к молодым людям потому, что их мнения еще не устоялись» [8, с. 217], то есть они открыты к непредвзятому восприятию мира.

Молодежь обеспечивает преемственность развития и привносит в него новые элементы. Современные условия жизни характеризуются переизбытком информации, пестротой мнений, динамикой социальных процессов. В этой связи носители идеологии должны понимать ответственность за предоставляемые знания. По мнению автора, в таком виде идеология наиболее важна и наиболее востребована в настоящее время.

Нюансы идеологии

Почему большинство населения Белоруссии чувствует дискомфорт при общении с адептами либеральной идеологии? Почему большинство белорусов не воодушевляют диалоги с либералами? Может быть, из-за того, что носители либеральной идеологии стремятся доминировать, предпочитают говорить менторским тоном и не допускают наличия у собеседников собственного мнения?

Объяснение особенностей либерализма предпочтительнее искать у британских авторов. Так, известный английский философ Бертран Рассел⁷ отмечал, что «ранний либерализм был порождением Англии и Голландии» [9, с. 102]. Он констатировал, что «тенденцией раннего либерализма была тенденция к демократии, умеряемая правом собственности» [9, с. 103]. Рассел признавал, что «своего величайшего развития он [либерализм] достиг в Америке, где... господствовал с 1776 г. до наших дней» [9, с. 105].

⁷ Бертран Рассел (Bertrand Russel) (1872 – 1970) – британский ученый, общественный деятель, принадлежал к верхнему слою элиты Великобритании. Известен фундаментальными трудами по истории философии и математической логике. Оригинал цитируемой его работы по истории западной философии был издан в 1948 г. в Лондоне (Великобритания).

При этом, по мысли британского философа, «война сделала важной только военную силу и породила презрение к конституционным формам» [9, с. 107]. Констатации относятся к 40-м годам XX столетия, а следовательно, они далеки от текущей глобальной конъюнктуры.

Из приведенных пояснений следует, что либерализм – идеология части общества, обладающей материальным ресурсом обеспечивать в обществе приоритет своих интересов.

По своему происхождению либерализм – идеология, которая родилась под конкретные цели. Главным носителем и распространителем либерализма выступают США. Основными инструментами либерализма названы материальный ресурс и военная сила. Духовные же устои Белоруссии возникли из практической жизни, складывались веками, прошли испытания, обеспечены культурной преемственностью и, в широком смысле слова, менталитетом.

Иными словами, между либерализмом и белорусским видением мира существует несовместимость книжного и естественного, частного и общего, национального и универсального. Что касается духовной устойчивости Белоруссии, то опыт ее пребывания под угрозой и давлением Речи Посполитой и участие во Второй мировой войне свидетельствуют, что белорусы способны сохранять свою самобытность при любых исторических обстоятельствах.

Идеологическая неадекватность оппозиции

Решением Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь на 26 января 2025 г. назначены президентские выборы [10]. Традиционно они проводятся после полного истечения срока полномочий действующего президента. В этом алгоритме выборы приходились обычно на лето. Предыдущие президентские выборы состоялись 20 августа 2020 г. Избирательный кодекс Республики Беларусь не содержит жестких указаний о выборе даты выборов президента в год выборов [11].

В настоящее время в республике действуют четыре партии: Белорусская партия «Белая Русь»; Либерально-демократическая партия Беларуси; Коммунистическая партия Беларуси; Республиканская партия труда и справедливости [12]. Их отношения между собой и с властью укладываются в принципы межпартийной борьбы за выбор путей и методов достижения национальных приоритетов.

Особняком действует зарубежная оппозиция, которая сосредоточена вне Белоруссии, стремится к изменению государственного строя в республике, имея в виду установление политико-идеологических стандартов, присущих США и ведущим странам ЕС.

Зарубежную оппозицию претендуют представлять Объединенный Переходный кабинет Беларуси, Координационный комитет Беларуси и так называемый национальный лидер – Светлана Тихановская.

Объединенный Переходный кабинет Беларуси – ОПКБ (написание Беларуси, а не Белоруссии взято из текста заявления оппозиции) – структура, созданная 09.08.2022 г. на встрече представителей белорусской зарубежной оппозиции в Вильнюсе (Литва). Существуют две версии причин ее создания. Одна – консолидировать оппозицию и институализировать ее. Другая – нейтрализовать противостояние С. Тихановской внутри оппозиции. Похоже, что решались обе задачи. Приоритеты ОПКБ больше похожи на призывы, чем на программу действий, к примеру, первым пунктом стоит «защищать независимость и суверенитет Республики Беларусь», последним пунктом – «разработайте и внедрите решения, необходимые для обеспечения демократических перемен в Беларуси». Всего подобных пунктов – 5 [13].

Координационный комитет Беларуси создан 14.08.2020 г., то есть до проведения выборов 20.08.2020г., и самопозиционирует себя как «коллективный представительный орган демократической части белорусского общества». (По своим функциям, описанным в Статуте, Координационный комитет Беларуси выглядит как своего рода временный парламент [14].)

Эти структуры в совместном заявлении от 23 октября 2024 г. в связи с назначенными на 26 января 2025 г. президентскими выборами излагают условия проведения выборов. В заявлении насчитывается шесть условий, ключевым из которых является «права всех граждан Беларуси на полноценное участие в выборах независимо от места жительства» [15], что позволило бы зарубежной оппозиции участвовать в выборах, физически не присутствуя в стране. Видимо, в оппозиции всерьез считают, что можно проводить предвыборную кампанию без непосредственного общения с избирателями.

Другая очевидная слабость совместного заявления в том, что оно сосредоточено на противостоянии с властью и не предлагает конструктивной программы действий в случае прихода к власти оппозиции. Предположений на этот счет можно высказать не много – либо такой программы не существует, что можно расценить как заведомое отсутствие веры в победу, либо не находится положений, которые были бы притягательными для белорусского электората на фоне регионального упадка и региональной напряженности. Таким образом получается, что население Белоруссии просто призывают «на баррикады».

Вопросы к идеологии Союзного государства

Россия и Белоруссия поступательно наполняют предметным содержанием образ Союзного государства. В настоящее время внимание фокусируется на формировании структуры, механизмов и практик сотрудничества в рамках Союзного государства. Дальнейшее развитие неизбежно приведет к необходимости кристаллизации его социально-политических основ. Желательно уже сейчас приступить к дискуссиям на эту тему, начать высказываться по теме идеологии Союзного государства.

По меньшей мере, следует обозначить точки, которые требуют анализа и исследования. К примеру, в Белоруссии не акцентируется национальное разнообразие населения, тогда как Россия является полиэтническим государством, поэтому при выстраивании общей идеологии необходимы стыковочные элементы, обеспечивающие многонациональный характер Союзного государства.

Необходимо уточнить и отношение к идеологии в целом. Так, в российской Конституции признается идеологическое многообразие, но содержится положение о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [16]. В белорусской Конституции говорится, что «демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений» [17], то есть констатируется наличие и необходимость применения государственной идеологии. Содержание белорусской идеологии в Конституции республики не детализируется.

Сопоставление российской и белорусской конституций в части идеологии свидетельствует о том, что требуется углубленное исследование вопроса идеологии Союзного государства для поиска взаимоприемлемой основы. Предпосылки имеются. Так, А. Лукашенко считает, что «наша [российская и белорусская – прим. автора] сегодня идеология... основана на вековом фундаменте – ни Путин, ни я, мы ничего не придумали, когда говорим о традиционных ценностях. Это было всегда» [18].

Резонно спросить, а нужно ли тогда ставить вопрос об идеологии Союзного государства? Если мы снимаем с повестки тему идеологии Союзного государства, то у нас в арсенале остаются лишь призывы к исторической памяти и этнической близости, но это, как показывает практика, является недостаточной основой стойкости Союзного государства. Нам не избежать ситуаций, когда государства и объединения географически близкие и далекие будут продолжать пропагандировать и продвигать свои идеологические тезисы, которым мы могли бы противопоставить идеологию Союзного государства.

Что касается возможности становления идеологии Союзного государства, то и здесь уместны соображения А. Лукашенко: «...мы не хотим перемен, чтобы это была революция какая-то. Я сторонник не революционных, а эволюционных перемен» [18]. Идеиные принципы Союзного государства будут востребованы не только в России и Белоруссии. Они нужны для государств постсоветского пространства. Они нужны и для стран коллективного Запада, особенно тех, которые объединены в НАТО и Евросоюз. У них не должно быть иллюзий относительно того, что навязыванием своей идеологии они могут изменить менталитет России, менталитет Белоруссии и выдвигать свои требования к содержанию Союзного государства.

В нынешних условиях для Белоруссии кажется обоснованным фокусировать внимание не только на противостоянии с оппозицией, но также на выработке принципов дальнейшего развития, в том числе в составе Союзного государства. Это более продуктивно и более перспективно. Другими словами, оппозиции придется не основываться на критике руководителей Белоруссии, а объяснять, чем оппозицию не устраивает белорусская самобытность, белорусский менталитет, сохраняющие свою суверенность в составе Союзного государства, и какую альтернативу они могут предложить.

Выводы

Происходящие в мире процессы трансформации требуют переосмысления многих стереотипов международных отношений. Необходима также переоценка подходов России и Белоруссии к глобальным и региональным процессам.

Обязательным видится активное предложение моделей будущего по меньшей мере для более широкого обсуждения проблем на этом направлении.

Белоруссия еще раз доказала способность отстаивать свою самобытность. На данном этапе белорусское общество нуждается в актуализации идеологии своей самобытности.

От Белоруссии резонно ожидать предложений по формированию социально-политического статуса Союзного государства.

Современные идеологические построения, чтобы быть востребованными, должны включать ключевые тенденции развития, такие как искусственный интеллект, цифровизация, инструменты управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Описание географического положения Белоруссии/ электронный массив/ сайт Белорусской энциклопедии/. URL: <https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=2569> | (дата обращения 11.10.2024).
2. Показатели выборов в ЕП/ электронный массив/ английский язык /сайт Европарламента. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/turnout/> (дата обращения 24.10.2024).
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. 1983. М.: Сов. Энциклопедия, 840 с.

4. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. 2021. Идеология русской государственности. Континент Россия. 2-е издание, дополненное. – СПб.: Питер. 848 с.
5. Зиновьев А.А. 2020. Запад. М.: Родина. 414 с.
6. Жириновский В.В., Добренков В.И., Васецкий Н.А. 2017. Социология мировой интеграции. М.: Академический проект. 479 с. (Современное социологическое знание).
7. Маскару А.Л. 2022. Государство и политическая форма / Пер. с порт. В. Федюшина. М.: Горизонталь. 216 с.
8. Дестют де Траси А.-А.-К. 2018. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Ланина. М.: Академический проект. 255 с.
9. Рассел Б. 1994. История западной философии: В 2 т. Том 2. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. 400 с.
10. Решение Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь / электронный массив / русский язык / сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <https://house.gov.by/ru/interview-ru/view/vybory-prezidenta-belarusi-naznacheny-na-26-janvarja-2025-goda-12169/> (дата обращения 28.10.2024).
11. Избирательный кодекс Республики Беларусь/ Электронный массив/ русский язык/сайт Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь. URL: <https://ivacevichi.brest-region.gov.by/ru/vybor-ru/view/tsentralnaja-izbiratelnaja-komissija-respubliki-belarus-2000004064> (дата обращения 29.10.2024).
12. Перечень политических партий, зарегистрированных в Белоруссии / электронный массив / русский язык/ закон Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений» от 4 февраля 2023 г. / сайт Президента Белоруссии. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/society/politicheskie-partii> (дата обращения 27.10.2024).
13. Изложение программы ОПКБ/ электронный ресурс / белорусский язык / сайт С. Тихановской – URL: <https://tsikhanouskaya.org/ru/opk.html> (дата обращения 28.10.2024).
14. Изложение программы Координационного комитета/ электронный ресурс/ белорусский язык. URL: [https://cdn.prod.website-files.com/66aa57698e9c9a675877d90a/66adfc350b8354a84532ef7b_Statut-KR%20\(2\).pdf](https://cdn.prod.website-files.com/66aa57698e9c9a675877d90a/66adfc350b8354a84532ef7b_Statut-KR%20(2).pdf) (дата обращения 28.10.2024).
15. Агульная заява дэмакратычных сілаў Беларусі да «выбараў» 2025 - («Общее заявление демократических сил Беларуси к “выборам” 2025 г.») / электронная версия/ белорусский язык / сайт Светланы Тихановской. URL: <https://tsikhanouskaya.org/be/news/agulnaya-zayava-demokratychnyx-silau-belarusi-da-vybarau-2025.html> (дата обращения 27.10.2024).

16. Статья 13, пункт 2 / электронная версия/ Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения 07.11.2024).

17. Статья 4 /электронный массив/Конституция республики Беларусь 1994/ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 07.11.2024).

18. Изложение интервью А. Лукашенко российскому телеканалу «Россия» 15.08.2024 /электронная версия/ русский язык // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/interv-u-telekanalu-rossia> (дата обращения 11.10.2024).

Н. Работяжев

**ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В МОЛДАВИИ
В КОНТЕКСТЕ РАСКОЛА ОБЩЕСТВА**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-66-80

Работяжев Николай Владимирович, кандидат политических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), заведующий Сектором «Россия и новые государства Евразии» Центра постсоветских исследований, ORCID 0009-0002-8112-3477, rabotiajev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.11.2024. Одобрена после рецензирования 11.12.2024. Принята к публикации 16.12.2024.

Аннотация: Осенью 2024 г. в Молдавии состоялись президентские выборы, которые прошли в два тура. Во второй тур выборов вышли действующий президент Майя Санду и бывший генпрокурор РМ Александр Стояногло, поддержанный Партией социалистов Республики Молдова. Санду выступала за европейскую интеграцию Молдавии и свертывание отношений с Россией и странами СНГ. В противоположность ей, Стояногло был против односторонней ориентации на ЕС. Он отстаивал укрепление связей Молдавии с Россией, поддержание баланса в отношениях с Западом и Востоком. Победу на выборах одержала Санду, которая во втором туре на 10% голосов опередила своего соперника. Причем Санду выиграла выборы по многом благодаря голосам молдавской диаспоры в странах Евросоюза и США. Выборы показали, что в Молдавии сохраняется раскол общества на молдовенистов и сторонников западного пути развития. Одновременно с первым туром выборов в Молдавии проходил референдум относительно изменения Конституции страны для вступления РМ в Европейский союз, на котором с незначительным перевесом победили сторонники евроинтеграции. Таким образом, прозападный курс Кишинева остается неизменным.

Ключевые слова: Молдавия, президентские выборы, референдум о членстве Молдавии в ЕС, европейская интеграция, Майя Санду, Александр Стояногло, PAS, Партия социалистов Республики Молдова.

**PRESIDENTIAL ELECTIONS IN MOLDOVA IN THE CONTEXT OF
DIVISION OF THE SOCIETY**

Nikolai V. Rabotyazhev, Cand. Sci. (Political Sciences), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Head of Sector “Russia and the New States of Eurasia” of Center for Post-Soviet Studies,
ORCID 0009-0002-8112-3477, rabotiajev@mail.ru

Received 29.11.2024. Revised 11.12.2024. Accepted 16.12.2024.

Summary: In the autumn of 2024, presidential elections were held in Moldova. There were two rounds of voting. The incumbent president Maia Sandu and former Prosecutor General Alexandr Stoianoglo, supported by the Party of Socialists of the Republic of Moldova, came in the second round of elections. Sandu advocated the European integration of Moldova and the curtailment of relations with Russia and the CIS countries. In contrast, Stoianoglo was against the unilateral orientation towards the EU. He advocated strengthening Moldova’s ties with Russia and maintaining a balance in relations with the West and the East. The election was won by Sandu, who in the second round of voting was 10% ahead of her opponent. And Sandu won the election largely thanks to the votes of the Moldovan diaspora in countries of the European Union and in the United States. The elections have shown that the Moldovan society remains divided into Moldovenists and supporters of the Western path of development. Simultaneously with the first round of elections, the European Union membership referendum was held in Moldova, in which pro-Euro voters won by a small margin. Thus, Chisinau’s pro-Western course remains unchanged.

Keywords: Moldova, presidential elections, European Union membership referendum, European integration, Maia Sandu, Alexandr Stoianoglo, PAS, Party of Socialists of the Republic of Moldova.

Осенью 2024 г. в Молдавии состоялись президентские выборы, которые прошли в два тура (первый – 20 октября, второй – 3 ноября). Победу на выборах главы государства одержала действующий президент Майя Санду, которая во втором туре на 10% голосов опередила своего основного соперника – поддержанного социалистами Александра Стояногло. Таким образом, Санду смогла переизбраться на второй срок. Одновременно с первым туром выборов в Молдавии проходил референдум относительно изменения Конституции страны для вступления РМ в Европейский союз, на котором с незначительным перевесом победили сторонники евроинтеграции. Таким образом, прозападный курс Кишинева остается неизменным.

Молдавия является парламентской республикой, и ее президент не обладает широкими полномочиями, поэтому, казалось бы, президентские

выборы для этой страны не имеют существенного значения. Однако это не совсем так. Институт президентства в РМ становится сильным, если во всех ветвях власти – парламенте, правительстве, Конституционном суде – доминируют сторонники действующего главы государства (как это имеет место при президентстве М. Санду, когда все ветви власти контролируются пропрезидентской партией «Действие и солидарность» (PAS)). Кроме того, президентские выборы осени 2024 г. стали важным звеном избирательного цикла, который начался в 2023 г. избранием местных органов власти [подробнее см.: 1] и продолжится в 2025 г. парламентскими выборами, которые будут иметь решающее значение для определения вектора дальнейшего развития Молдавии. В связи с этим анализ хода и итогов президентских выборов 2024 г. представляет значительный интерес.

В президентских выборах участвовали 11 кандидатов, из которых реальные шансы на победу имели только двое – действующий президент М. Санду и поддержанный левоцентристской Партией социалистов Республики Молдова (ПСРМ) А. Стояногло. Санду и Стояногло представляют два не только различных, но и во многом противоположных политических лагеря Молдовы – европейстов и сторонников сохранения молдавской самобытности (молдовенистов). Этот политико-культурный раскол не только существует на уровне политических элит, он разделяет все молдавское общество. Между европейстами и молдовенистами существуют принципиальные расхождения как в понимании молдавской идентичности, так и в сфере геополитики.

Два противостоящих политических блока, персонифицированные фигурами М. Санду и А. Стояногло, по-разному видят молдавскую идентичность. Санду является убежденной европейткой и рассматривает молдавскую идентичность как европейскую. Стояногло и его сторонники молдовенисты исходят из того, что молдаване обладают «давно сформировавшейся идентичностью и длительной исторической ретроспективой, собственной политической и государственной традицией, поэтому существование самостоятельного молдавского государства не только оправдано, но и необходимо» [2, с. 24]. Соответственно, они отстаивают традиционные ценности, самобытную молдавскую (а не румынскую и европейскую) идентичность, государственность Молдавии и усматривают в политике проевропейских сил угрозу национальной независимости. Сами молдовенисты называют себя «патриотами», «государственниками» и «самобытниками» [2, с. 25].

Важно отметить, что молдовенистам в определенной степени присущи русофильские и пророссийские настроения. Они подчеркивают, что Россия и Молдавия имеют общую историю, что между нашими странами существуют как торгово-экономические, так и давние культурные и духовные связи.

Кроме того, политики-молдовенисты осознают, что сохранение хороших отношений с Россией необходимо и для поддержания на плаву молдавской экономики (поскольку РФ является источником финансовой помощи и

энергетическим донором РМ, рынком сбыта для молдавских производителей) [3, сс. 63-64]. В связи с этим такие политические силы часто характеризуют как «пророссийские». Молдовенисты выступают в защиту русского языка и нередко требуют повысить его статус в РМ, протестуют против закрытия властями телеканалов с вещанием на русском языке.

Различаются и геополитические установки проевропейских и молдовенистских политических сил. Санду и поддерживающая ее правящая партия PAS выступают за европейскую Молдову, европейскую интеграцию РМ, свертывание отношений с Россией и странами СНГ. В противоположность им, Стояногло и ПСРМ отстаивают укрепление связей с РФ и ЕАЭС, выступают за сохранение баланса в отношениях с Западом и Востоком. Молдовенисты намерены сохранить нейтральный статус РМ, выступают против вступления Молдавии в НАТО, против милитаризации страны.

Крупнейший представитель проевропейских политических сил в Молдавии – правящая праволиберальная партия PAS, неформальным лидером которой является М. Санду. Молдовенизм же представлен несколькими политическими силами, которые обычно именуют левыми, – ПСРМ, Партией коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), а также партиями и организациями, связанными с эмигрировавшим из Молдавии пророссийским олигархом Иланом Шором. (Последним по времени политическим проектом И. Шора стало создание в 2024 г. предвыборного блока «Победа – Victorie», учредительный съезд которого прошел в Москве.) В определенной мере к этому направлению можно отнести и левопопулистскую «Нашу партию» Ренато Усатого.

Президент М. Санду является виднейшим представителем проевропейского лагеря. Ее избирательная кампания была выстроена почти полностью вокруг темы евроинтеграции. Санду убеждена, что «наше [Молдавии – *Н.Р.*] будущее – в европейской семье», и обещает избирателям сделать все, что в ее силах, для «выполнения миссии европейской интеграции» [4]. По инициативе Санду Молдавия подала заявку на членство в Евросоюз и получила статус кандидата в 2022 г. Неудивительно, что ее высоко ценят лидеры стран ЕС, которые во время визитов в Молдавию «не скупилась на похвалы Санду» [5] и призывали граждан РМ поддерживать европейский курс развития страны. При этом Санду не только активно отстаивает европейское будущее Молдавии, но и стремится максимально дистанцироваться от России и ЕАЭС.

Основной конкурент Санду, А. Стояногло, был поддержан ПСРМ (хотя сам он в этой партии не состоит). Стояногло, этнический гагауз, был генеральным прокурором Молдавии в 2019 – 2021 гг. На посту генпрокурора прославился расследованием громких махинаций и коррупционных дел. В результате конфликта с М. Санду в октябре 2021 г. он был отстранен от должности генпрокурора и арестован. Некоторое время Стояногло провел в тюрьме. Европейский суд по правам человека признал решение об увольнении Стояногло неправомерным, однако в должности он не был восстановлен. Сам

экс-генпрокурор заявлял журналистам, что его отстранение – это месть Санду за отказ открыть по ее требованию уголовные дела против лидеров оппозиции.

По словам Стояногло, он согласился принять предложение ПСРМ участвовать в президентских выборах, поскольку его возмущают несправедливость, произвол, попрание конституционного порядка, издевательства над людьми, которые стали реальностью в современной Молдавии. Главная его цель, утверждает Стояногло, – восстановление справедливости и закона [6]. Лозунгом предвыборной кампании Стояногло было «Справедливость для всех».

Основные тезисы предвыборной программы Стояногло типичны для молдовенистов. Экс-генпрокурор выступает за укрепление нейтрального статуса Молдавии, за «неучастие в войнах и военных блоках» [7]. Он высказался за восстановление диалога с Россией (хотя и осудил российскую СВО на Украине). «Молдове, – заявил Стояногло, – нужны энергетические ресурсы России и рынок для нашего агропромышленного комплекса» [7]. Кандидат от социалистов выступал также за то, чтобы граждане РМ владели не только молдавским/румынским, но и русским языками.

Стояногло не отвергал участия Молдавии в европейской интеграции, но выступал против односторонней ориентации на ЕС. Кроме того, его не устраивала евроинтеграция РМ в том виде, в каком она проводится нынешней кишиневской властью. Я – сторонник европейской интеграции Республики Молдова, утверждал Стояногло, «но меня оскорбляет то, что европейская интеграция используется в качестве дубинки». И, кроме того, европейская Молдова, по словам Стояногло, должна быть нейтральной [8].

Он также подчеркивал свое несогласие с заявлениями молдавских властей, что Молдавия может отказаться от Приднестровья ради интеграции в ЕС. Стояногло полагает, что Молдова может вступить в Европейский союз только как нейтральное государство и только с Приднестровьем. Экс-генпрокурор также критиковал Санду и правящую партию PAS за то, что они делят народ Молдовы на «истинных граждан» (проевропейских) и «население» (всех остальных).

Таким образом, Стояногло выступает за сбалансированную и многовекторную внешнюю политику (что вообще характерно для молдовенистов). И хотя кишиневские власти в ходе избирательной кампании называли его «кандидатом Москвы» и даже «троянским конем» России, Стояногло можно было считать пророссийским кандидатом весьма условно. Следует упомянуть, что Стояногло, как и Санду, имеет гражданство не только Молдавии, но и Румынии.

Экс-генпрокурор выступил также за восстановление диалога с Тирасполем. «Вы за последние 4 года слышали, чтобы кто-то общался с Приднестровьем? Только ярлыки вешали, что там сепаратисты. Так быть не должно», – писал Стояногло в своем Telegram-канале [9]. Он критиковал администрацию Санду за то, что она «вместо вовлечения общественности обоих

берегов Днестра в осмысление будущей нейтральной европейской Молдовы» использует лишь «язык ненависти и противостояния» [10].

Что касается социально-экономической программы Стояногло, то ее лейтмотивом была более активная социальная политика в интересах простых людей, увеличение пенсий, социальных пособий, поддержка уязвимых слоев населения [11].

Помимо фаворитов президентской гонки, в выборах участвовал еще ряд известных политиков. Заслуживает упоминания прежде всего лидер «Нашей партии» бизнесмен и экс-мэр г. Бельцы Ренато Усатый. Р. Усатый – яркий популист молдовенистского направления, в начале политической карьеры у него был имидж пророссийского политика. Сейчас Усатый заявляет, что «не будет слушать никого – ни США, ни ЕС, ни Россию» [12].

Следует отметить, что Усатый в молдавском обществе имеет довольно скандальную и неоднозначную репутацию, связанную с его конфликтами на деловой почве. Возглавляемая им популистская, молдовенистская и евроскептическая «Наша партия», по сути, представляет собой молдавский аналог российской ЛДПР. Как это вообще характерно для популистских партий, «Наша партия» претендует на выражение воли «простого народа», которому противопоставляются коррумпированные элиты.

Лозунгом избирательной кампании Р. Усатого было «Молдову спасет диктатура!». Он выступил за преобразование Молдавии в президентскую республику, где лидер несет ответственность за все, что происходит в стране. Молдову, утверждал лидер «Нашей партии», «можно спасти только через диктатуру порядка... которая наводит страх на воров, коррупционеров и предателей». «Я – заявлял Р. Усатый, – буду президентом для бизнесменов, пенсионеров, врачей, учителей, молодежи и всех простых граждан. Но я буду диктатором для тех, кто грабил и издевался над нами все эти годы» [13].

В выборах приняла участие и башкан Гагаузии в 2015–2023 гг. Ирина Влах. И. Влах состояла в ПКРМ до 2015 г., поддерживала связи с ПСРМ, а в 2023 г. возглавила молдовенистскую «Платформу Молдова». Экс-башкан Гагаузии – женщина «энергичная, волевая, умеющая найти общий язык и с ЕС, и с Россией, и с Турцией, боец по характеру» [14, с. 117]. Как и все гагаузские политики, она придерживается молдовенистских и, в какой-то мере, пророссийских взглядов, находится в оппозиции прозападному курсу Санду и PAS, отстаивает суверенитет и нейтральный статус Молдавии, выступает за сохранение связей со странами СНГ.

В первом туре президентских выборов также участвовали экс-прокурор Антикоррупционной прокуратуры Виктория Фуртунэ; лидер партии «Будущее Молдовы» бывший премьер-министр Василий Тарлев; лидер Партии развития и объединения Молдовы (ПРОМ) бывший премьер-министр Ион Кику; выдвинутый проевропейским блоком «Вместе» историк Октавиан Цику; бывший соратник М. Санду Андрей Нэстасе; либеральная журналистка Наталья Морарь; дипломат Тудор Ульяновский.

Среди перечисленных кандидатов на молдовенистских позициях стояли В. Фуртунэ и В. Тарлев (которого поддержала также ПКРМ). По мнению провластных СМИ, Фуртунэ и Тарлев поддерживались лидером блока «Победа» И. Шором, но прямых доказательств этого представлено не было. Следует отметить, что кандидат в президенты от блока «Победа» Василий Боля, выступавший за сближение Молдавии с Россией и ЕАЭС и за возвращение русскому языку официального статуса, не был допущен молдавским Центризбиркомом к участию в выборах.

Первый тур президентских выборов прошел 20 октября 2024 г. Явка на выборы составила 51,7% от общего числа избирателей. Победу в первом туре одержала М. Санду, набравшая 42,49% голосов, второе место занял А. Стояногло с 25,95% голосов. Таким образом, эти политики вышли во второй тур выборов. На третьем месте оказался Р. Усатый (13,79% голосов), за ним шли И. Влах (5,38%), В. Фуртунэ (4,45%), В. Тарлев (3,19%), И. Кику (2,06%). Остальные кандидаты набрали менее 1% голосов [15].

Одновременно с первым туром президентских выборов состоялся референдум о членстве Молдавии в ЕС, инициированный М. Санду и ее партией PAS. Избиратели должны были ответить на вопрос: «Поддерживаете ли вы внесение изменений в Конституцию с целью вступления Республики Молдова в Европейский союз?». Достаточно очевидно, что совмещение первого тура президентских выборов с референдумом о евроинтеграции было политтехнологическим приемом, направленным на увеличение электоральной поддержки М. Санду. Суть его заключалась в том, что «подобное голосование являлось бы мобилизирующим для той части электората РМ, которая видит будущее своей страны в Евросоюзе. Учитывая то, что за последний год популярность Санду снизилась даже среди настроенных проевропейски молдаван, им подается своеобразный сигнал: хотите в ЕС – голосуйте за Санду» [16, с. 30].

Майя Санду, PAS и другие проевропейские партии, естественно, призывали ответить на вынесенный на референдум вопрос «да». Против внесения поправок в Конституцию призывали голосовать ПКРМ и блок «Победа» И. Шора. Что касается ПСРМ, эта партия выступила за бойкот референдума. Молдавские социалисты объяснили свое решение тем, что еврореферендум представляет собой «обманный маневр», часть избирательной кампании М. Санду, «которая хочет самолично ассоциироваться с ЕС и заманить на свою сторону людей, которые явно не доверяют ей, но благосклонны к евроинтеграции» [17]. Эту позицию разделял и Стояногло, отказавшийся 20 октября взять бюллетень для голосования на еврореферендуме.

Итоги референдума были следующими. За внесение изменений в Конституцию высказалось 50,35% избирателей, принявших участие в референдуме, против – 49,65%. Разница составила всего 0,7% (примерно 10 тыс. голосов). Важно отметить, что большинство избирателей, проживающих в

Молдавии, высказалось против внесения изменений в Конституцию (из них на вопрос референдума ответило «да» 45,4%). Против евроинтеграции ожидаемо проголосовали практически вся Гагаузия и Тараклия. Непопулярной идея вступления в ЕС оказалась и в Приднестровье, где ответ «нет» выбрали 69% избирателей, а в русскоговорящем городе Бельцы – втором по величине в РМ – против внесения поправок в Конституцию высказалось более 70% избирателей.

Вступление в ЕС было поддержано преимущественно в центре Молдавии. В Кишиневе на вопрос референдума ответило «да» 56% избирателей. Однако более значимым оказалось то, что за евроинтеграцию проголосовала молдавская диаспора в странах ЕС и США – за внесение изменений в Конституцию высказалось 77% избирателей, проживающих или находящихся за границей. Именно благодаря их голосам победу на референдуме одержали сторонники европейской интеграции.

Хотя Санду и ее партии PAS удалось выиграть еврореферендум (правда, с минимальным перевесом), его результаты продемонстрировали, что по вопросу о выборе внешнеполитического вектора республики молдавское общество расколото примерно пополам. Стоит отметить, что Стояногло высказался против внесения изменений в Конституцию по итогам референдума, так как изменение Конституции, по его словам, «означает лишь одно: усиливать раскол, поднимать градус противостояния, ломать Молдову через колено» [18].

Размежевание молдавского электората продемонстрировал и второй тур президентских выборов, состоявшийся 3 ноября 2024 г. В этот день на избирательные участки пришли 54,3% избирателей, т. е. явка была несколько выше, чем в первом туре. Победу одержала Санду, набравшая 55,35% голосов, Стояногло получил 44,65% голосов. За Санду голосовали преимущественно в центре Молдавии, где избиратели традиционно симпатизируют прозападным силам, в то время как условно пророссийские север и юг страны, включая г. Бельцы, поддержали Стояногло.

Наиболее внушительных результатов кандидат от социалистов добился в Приднестровье (где за него проголосовали 79,7% пришедших на участки избирателей) и в русскоговорящей Гагаузии (97%). Важно также отметить, что Стояногло поддерживали в большей степени сельские жители, в то время как за Санду голосовало население городов (прежде всего Кишинева).

Существенный отрыв Санду от основного соперника (более 10% голосов) во втором туре, казалось бы, свидетельствует о серьезной поддержке населением Молдавии политического курса действующего президента. Однако это не совсем так. Дело в том, что большинство избирателей (51,2%), проживающих в Молдавии, проголосовали за Стояногло, в то время как Санду внутри страны получила 48,8% голосов [19]. Таким образом, выборы внутри страны действующий президент проиграла, что, безусловно, свидетельствует о значительном недовольстве населения сложившейся в Молдавии социально-экономической ситуацией. Победу же Санду обеспечила главным образом

молдавская диаспора в Европе и США. На 231 участке, открытом за границей, Санду набрала 82,8% голосов, в то время как Стояногло – 17,2% [20].

«Дорогие молдаване из диаспоры, спасибо вам за исключительную мобилизацию! Вы необыкновенная сила», – заявила Санду в видеообращении на Telegram-канале «Европейская Молдова», когда голосование еще не закончилось [19]. Тем самым Санду обозначила тот сегмент электората, который обеспечил ей победу

По данным молдавского МИД за 2021 г., за пределами страны проживали от 1,11 до 1,25 млн граждан Республики Молдова. На президентских выборах больше всего избирательных участков (60) было открыто в Италии, где живут около 250 тыс. молдаван. Далее следуют Германия и Франция, в каждой из которых проживает около 100 тыс. молдаван и действовало соответственно 26 и 20 избирательных участков. В Великобритании было открыто 17 участков, в Румынии и США – по 16.

В то же время в России – где, по информации МИД Молдавии, проживают около 350 тыс. молдаван (что, правда, расходится с официальными российскими данными, согласно которым в нашей стране проживает 190 тыс. граждан Молдавии) – работали только два избирательных участка при посольстве РМ в Москве, а число выделенных бюллетеней для голосования составило всего 10 тысяч. По словам представителя молдавской диаспоры в РФ Н. Погонца, перед первым туром диаспора рассчитывала на 12–17 участков [20]. Однако Кишинев открывать дополнительные участки не стал. Молдавский ЦИК объяснил этот шаг соображениями безопасности. Очевидно, однако, что сделано это было по сугубо политическим причинам, поскольку голоса многих проживающих в России молдаван вряд ли были бы отданы за политика, придерживающегося антироссийского внешнеполитического курса.

То обстоятельство, что Санду победила во многом благодаря голосованию зарубежной диаспоры в странах ЕС и США, дало основание ее оппонентам поставить под сомнение итоги президентских выборов. Так, ПСРМ объявила Санду «нелегитимным президентом», которого признают «только ее спонсоры и кураторы из-за рубежа». Социалисты утверждают, что Санду стала «президентом диаспоры» [21]. О непризнании результатов президентских выборов и нелегитимности Санду заявили также Партия развития и объединения Молдовы И. Кику и блок «Победа».

Однако, кроме поддержки Санду молдавской зарубежной диаспорой, есть ряд других факторов, обеспечивших ей победу во втором туре, несмотря на кризисные явления в экономике и социальной сфере, рост цен на продукты питания и тарифов на услуги ЖКХ, коррупцию и невыполненные обещания четырехлетней давности. Прежде всего необходимо отметить, что идея европейской интеграции в современной РМ пользуется значительной поддержкой. Евросоюз привлекателен для многих молдаван благодаря высокому уровню жизни и социальным стандартам, существующим в европейских странах.

Вступление РМ в ЕС, судя по данным социологических опросов, имеет в Молдавии больше сторонников, чем евразийская интеграция [22]. О степени популярности идеи европейской интеграции и представляющих ее политических сил в РМ говорят также результаты муниципальных выборов, состоявшихся в Молдавии в ноябре 2023 г. Хотя доверие избирателей к партии PAS снизилось по сравнению с 2021 г., когда в РМ прошли парламентские выборы, все же на местных выборах 2023 г. по числу голосов, поданных за ее кандидатов, PAS пришла к финишу первой [1, сс. 66, 68-69].

К этому необходимо добавить, что М. Санду остается популярной у проевропейского электората. Ведь именно при действующем президенте Молдавия получила статус кандидата в члены ЕС и начала вести переговоры о вступлении в Евросоюз, а 1 июня 2024 г. в Молдавии состоялся саммит Европейского политического сообщества. Проевропейские избиратели надеялись, что в случае переизбрания Санду последуют новые шаги в направлении евроинтеграции.

То, что одновременно с первым туром президентских выборов прошел референдум о вступлении Молдавии в ЕС, также способствовало консолидации правого проевропейского электората вокруг Санду. Как отмечал румынский политический обозреватель Кристиан Грицук, еврореферендум помогает Санду «идентифицировать себя как единственную, у кого есть силы добиться вступления в ЕС» [23].

Более того, Санду пользуется широкой поддержкой – в том числе дипломатической и финансовой – Запада в целом и Румынии в частности. «Ни один молдавский лидер не пользовался такой безграничной поддержкой со стороны внешних партнеров», – констатирует молдавский политолог Зураб Тодуа [5]. Важно отметить, что примерно 1 млн жителей Молдавии имеет румынские паспорта, а официальный Бухарест призывал поддерживать на выборах Санду.

Санду располагала и значительным административным ресурсом. Все три ветви власти в РМ, как уже говорилось, контролируются пропрезидентской партией PAS. По итогам местных выборов ноября 2023 г. представители PAS стали мэрами 291 населенного пункта и вели агитацию в пользу Санду. Кроме того, молдавский Центризбирком на две трети состоит из выдвиженцев партии PAS, а Министерство иностранных дел РМ (ответственное за выборы за границей) возглавляет заместитель председателя PAS Михай Попшой.

Кроме того, нынешнее молдавское руководство систематически ослабляет медийный и организационный ресурс оппозиционных сил. Так, за 2022–2024 гг. в стране было закрыто 16 телеканалов и более 60 интернет-ресурсов, которые давали слово оппозиции или транслировали точку зрения Москвы, а партии и блоки, созданные при участии И. Шора, не допускались к выборам или запрещались.

К сказанному необходимо добавить, что после первого тура голосования Санду вела значительно более активную кампанию, чем кандидат от

социалистов. Как отмечает молдавское издание NewsMaker, она «всеми силами старалась обаять избирателя других кандидатов», выступая «с примирительными и объединяющими месседжами». Реагируя на очевидное протестное голосование в первом туре, Санду признала ошибки действующей власти, обещала их исправить и провести перестановки в правительстве [20]. Следует также упомянуть, что в ходе избирательной кампании Санду воздерживалась от прорумынской риторики.

Успеху Санду способствовали и слабости ее главного соперника. Как кандидат в президенты Стояногло, безусловно, имел много плюсов. Прежде всего, он считается пострадавшим от действий властей. У Стояногло имидж честного и порядочного человека, борца с коррупцией, и в то же время у экс-генпрокурора был целый ряд уязвимых мест. Прежде всего Стояногло – этнический гагауз, а очень многие молдаване не готовы голосовать за гагауза. Стояногло был выдвинут кандидатом в президенты Партией социалистов РМ, но другие молдовенистские партии (кроме «Гражданского конгресса») не заявляли о его поддержке – то есть Стояногло не стал единым кандидатом от оппозиции. И хотя социалисты объявили экс-генпрокурора «народным кандидатом Молдовы», в полной мере таковым он не стал.

Далее, у Стояногло не было ни команды, ни четкой программы (кроме общих заявлений, что он – «за все хорошее и против всего плохого»). Важно также, что «раскрутка» Стояногло началась поздно, только в июле 2024 г. К сказанному надо добавить, что ухудшение имиджа России в Молдавии после начала российской СВО на Украине не могло не сказаться на электоральной поддержке любого «пророссийского» кандидата в президенты.

Одной из активно дискутируемых тем, связанных с президентскими выборами в РМ, стал вопрос о роли в них внешнего фактора. Как отмечает политолог Сергей Маркедонов, его обсуждают «едва ли не больше, чем внутренние аспекты кампании» [20]. Социалисты и другие оппоненты нынешней власти утверждают, что Санду переизбралась на второй срок только благодаря молдавской диаспоре, поддерживаемой Западом. Со своей стороны, Санду и PAS обвиняли во вмешательстве в президентские выборы Москву. 12 ноября МИД РМ вручил российскому послу О. Озерову по этому поводу ноту протеста.

Как утверждают молдавские власти, политический заказ Кремля выполнял И. Шор и его структуры, которые, по словам Санду, собирались подкупить 300 тысяч избирателей. После второго тура президент РМ заявила, что страна «подверглась беспрецедентной атаке в истории всей Европы» с использованием грязных денег, покупки голосов, вмешательства преступных группировок в избирательные процессы, распространения ненависти и страха в обществе [20].

Успех Санду на еврореферендуме и президентских выборах был расценен и ею самой, и лидерами стран ЕС как победа проевропейского курса. «Несмотря на антиевропейскую пропаганду и попытки Кремля сбить нас с

пути, молдаване показали всему миру, что европейские ценности – это и наши ценности», – заявила глава государства на Форуме европейской интеграции, который прошел в Кишиневе 26 ноября 2024 г. [24].

Санду получила поздравления с победой от ряда европейских лидеров – президента Франции Э. Макрона, канцлера Германии О. Шольца, премьер-министров Польши и Румынии Д. Туска и М. Чолаку, спикера Европарламента Р. Метсолы, председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен. Обращаясь к Санду, глава Еврокомиссии написала в соцсети X: «Требуется редкая сила, чтобы преодолеть трудности, с которыми вы столкнулись на этих выборах. Надеюсь на продолжение работы с вами во имя европейского будущего для Молдовы и ее народа». Поздравила Санду с победой и президент Грузии С. Зурабишвили. «Ваша победа – наша победа», – написала она в соцсети X [20].

Какие же выводы можно сделать из итогов президентских выборов в Молдавии? Прежде всего, выборы продемонстрировали, что в РМ сохраняется ценностный и политико-культурный раскол как общества, так и правящего класса, причем молдавский социум разделен примерно поровну на молдовенистов и «западников». Это размежевание показывает, что определение национально-культурной и национально-государственной идентичности остается для Молдавии важной и все еще не решенной проблемой.

Прозападная часть молдавского общества рассматривает молдавскую идентичность как румынскую/молдавско-румынскую или европейскую, стремится к максимальному сближению с Румынией и к интеграции РМ в Евросоюз. В то же время сторонники левых сил отстаивают молдавскую национально-государственную идентичность, ратуют за укрепление суверенитета РМ и молдавской государственности, сохранение нейтрального статуса республики.

Президентские выборы в Молдавии являются промежуточным звеном нынешнего избирательного цикла, который завершится парламентскими выборами 2025 г. Для парламентской республики, каковой является Молдавия, парламентские выборы имеют большее значение, чем президентские. Именно они окажут решающее влияние на определение вектора дальнейшего развития РМ.

Представляется, что победа (пусть и не слишком убедительная) Санду и ее партии на еврореферендуме и президентских выборах осени 2024 г. создает определенные предпосылки для успеха PAS на грядущих выборах в молдавский парламент. Важно уже хотя бы то, что она укрепляет у членов пропрезидентской партии (и в целом у молдавских «западников») веру в свои силы. Кроме того, как отмечает французский политтехнолог Жак Сегела, избиратели вообще предпочитают голосовать за победителя, а не за неудачника [25, с. 198]. Так что перенос эффекта от победы Санду и PAS осенью 2024 г. на парламентские выборы 2025 г. представляется вполне вероятным.

К этому следует добавить, что, как и ранее, существенное влияние на итоги парламентских выборов окажет голосование политически активной молдавской диаспоры в странах ЕС и США. Поэтому, на наш взгляд, по итогам парламентских выборов 2025 г. внешнеполитический вектор РМ не претерпит существенных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Работяжев Н.В. 2023. Местные выборы в Молдавии: итоги и политический контекст // Россия и новые государства Евразии. № 4. С. 62-71.
2. Гудименко Д.В. 2024. Другая Молдавия: молдовенизм как идеология и политическая практика // Россия и новые государства Евразии. № 2. С. 24-37.
3. Соловьев Э.Г. 2024. Молдавия: разворот на Запад // Постсоветские государства на современном этапе: внутривосточная динамика и поиск путей развития (отв. ред. Э.Г. Соловьев). М.: ИМЭМО РАН. С. 63-72.
4. Санду объявила о референдуме по вступлению Молдавии в Евросоюз // РБК. 24.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/12/2023/658802b19a794701977d587e?ysclid=lzir1z1tiy154505043> (дата обращения 17.11.2024).
5. Тодуа З. Александр Стояногло или Майя Санду? // Независимая газета. 30.10.2024. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-10-30/3_9126_kb.html (дата обращения 17.11.2024).
6. Стояногло: В нейтральной европейской Молдавии должны быть закон и справедливость // EurAsia Daily. 08.07.2024. URL: <https://easaily.com/ru/news/2024/07/08/stoyanoglo-v-neytralnoy-evropeyskoy-moldavii-dolzhen-byt-zakon-i-spravedlivost> (дата обращения 18.11.2024).
7. Александр Стояногло за восстановление диалога с Российской Федерацией // Молдово-Приднестровский регион: информационно-аналитический мониторинг. 2024. № 5–6. С. 13. URL: <https://isng.ru/img/2024/10/Ito96.pdf> (дата обращения 19.11.2024).
8. Стояногло: Выступаю за европейскую интеграцию и нейтралитет Молдовы // Молдово-Приднестровский регион: информационно-аналитический мониторинг. 2024. № 5–6. С. 23. URL: <https://isng.ru/img/2024/10/Ito96.pdf> (дата обращения 19.11.2024).
9. Экс-генпрокурор Молдавии призвал возобновить диалог с Приднестровьем // ТАСС. 05.08.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21531673> (дата обращения 20.11.2024).

10. (Интервью) Александр Стояногло: предпочитаю быть прямым и искренним // Tribuna. 15.07.2024. URL: <https://tribuna.md/ru/2024/07/15/interviu-alexandr-stoianoglo-prefer-sa-fiu-direct-si-sincer/> (дата обращения 20.11.2024).
11. Камерпер М. «Инвестировать в людей». Какова предвыборная программа Александра Стояногло? // RuBaltic.ru. 05.10.2024. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20241005-investirovat-v-lyudey-kakaya-predvybornaya-programma-aleksandra-stoyanoglo/> (дата обращения 21.11.2024).
12. Карликова Ю. Ренато Усатый, политик и бизнесмен, кандидат на пост президента Молдавии // ИА Регнум. 04.06.2024. URL: <https://regnum.ru/article/3886929> (дата обращения 21.11.2024).
13. Предвыборные новости // Молдово-Приднестровский регион: информационно-аналитический мониторинг. 2024. № 5–6. С. 6. URL: https://i-sng.ru/img/2024/10/Itog_96.pdf (дата обращения 22.11.2024).
14. Шаповалов Б. Молдова накануне президентских выборов // Молдово-Приднестровский регион: информационно-аналитический мониторинг. 2024. № 3–4. С. 114–118. URL: https://i-sng.ru/img/2024/07/Itog_Moldova_93_94-1.pdf (дата обращения 23.11.2024).
15. Comisia Electorală Centrală a Republicii Moldova. URL: <https://a.ces.md/ru> (дата обращения 23.11.2024).
16. Киселев И. Еврореферендум в Молдове – часть коварных предвыборных технологий Санду // Молдово-Приднестровский регион. 2024. №5–6. С. 30–31. URL: https://i-sng.ru/img/2024/10/Itog_96.pdf (дата обращения 24.11.2024).
17. Еврореферендум: оппозиция Молдавии окончательно раскололась // Молдово-Приднестровский регион. 2024. №5–6. С. 11. URL: https://i-sng.ru/img/2024/10/Itog_96.pdf (дата обращения 24.11.2024).
18. Стояногло усомнился в законности результатов еврореферендума в Молдавии // Известия IZ. 23.10.2024. URL: <https://iz.ru/1779119/2024-10-23/stoianoglo-usomnilsia-v-zakonnosti-rezultatov-evroreferenduma-v-moldavii> (дата обращения 24.11.2024).
19. Строкань С. Победа племени Майи // Коммерсантъ. 04.11.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7282019?ysclid=m5lfpcozb4594662503> (дата обращения 25.11.2024).
20. Что переизбрание Майи Санду значит для Молдавии // РБК. 04.11.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/11/2024/6728d70b9a7947c80b967da2?ysclid=m5mwi9z9jc938421994> (дата обращения 25.11.2024).
21. ПСРМ: Народный президент Александр Стояногло – подлинный победитель президентских выборов в Молдове // Официальный сайт ПСРМ. 04.11.2024. URL: <https://socialistii.md/ru/psrm-narodnyj-prezident-aleksandr-stojanoglo-podlinnyj-pobeditel-prezidentskih-vyborov-v-moldove/> (дата обращения 25.11.2024).

22. Больше половины граждан Молдавии выступили за вступление в ЕС // РБК. 16.04.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/661ea6ba9a794725247f97a3?ysclid=lzis8p2zv198028152> (дата обращения 26.11.2024).

23. Гамова С. Санду обвиняют в попытке подкупа своих дипломатов перед выборами // Независимая газета. 22.07.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-07-22/1_9054_moldova.html (дата обращения 27.11.2024).

24. Президент на Форуме европейской интеграции: Впервые в истории у нас есть реальный и ощутимый шанс стать государством-членом ЕС // MOLDPRES News Agency. 26.11.2024. URL: <https://www.moldpres.md/ru/news/2024/11/26/24009632?ysclid=m5r68ankxa316468649> (дата обращения 27.11.2024).

25. Сегела Ж. 1999. Национальные особенности охоты за голосами. Так делают президентов. М.: Вагриус. 264 с.

А. Поливач

**КРИПТОВАЛЮТЫ В ТОРГОВЛЕ РОССИИ
СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-81-94

Поливач Александр Петрович, кандидат экономических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), ведущий научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики,
ORCID 0000-0002-5717-2335, apolivach@imemo.ru

Статья поступила в редакцию 11.11.2024. Одобрена
после рецензирования 29.11.2024. Принята к публикации 04.12.2024.

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы использования криптовалют в трансграничных расчетах с государствами ЦА в контексте действующих антироссийских санкций. Используя доступную статистику из стран региона, автор приходит к следующим выводам. Проникновение криптовалют в местные общества пока невысоко, и оно заметно меньше российского показателя. Хотя отношение к сфере криптовалют неодинаково в различных странах ЦА, однако во всех случаях использование криптовалют в качестве средства платежа запрещено. При этом из-за особенностей местного законодательства использование криптовалют для внешних транзакций создает для компаний из ЦА дополнительные сложности ввиду проблем с легальной конвертацией криптовалют в традиционные. Это обуславливает низкую склонность бизнесменов в ЦА к использованию криптовалют. К тому же взаимная торговля между Россией и государствами региона в последние годы в подавляющей части обслуживается рублями, что существенно снижает необходимость прибегать к таким экзотическим инструментам, как криптовалюты. То есть потенциал использования криптовалют для обслуживания торговли между Россией и странами ЦА в целом оценивается как низкий. Впрочем, в случае значительного изменения статуса криптовалют в государствах ЦА это положение может измениться.

Ключевые слова: страны Центральной Азии, криптовалюта, Россия.

CRYPTO-CURRENCY IN RUSSIAN TRADE WITH THE CENTRAL ASIA COUNTRIES

Alexander P. Polivach, Cand. Sci. (Economics), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy,

ORCID 0000-0002-5717-2335, apolivach@imemo.ru

Received 11.11.2024. Revised 29.11.2024. Accepted 04.12.2024.

Summary: This article analyses potential of crypto-currency usage in cross-border transactions with the Central Asia (CA) countries. Based on the statistics from the region the author came to the following conclusions. Nowadays, penetration of crypto-currencies in the local societies is low and it is substantially lower than in Russia. Relation to crypto-currencies is different in various countries of the CA, but everywhere they are prohibited for use as a means of payment. Additionally due to specifics of legislations of the CA countries, usage of crypto-currencies for cross-border transactions creates extra burden for local business because there are problems with legal conversion of received crypto-currencies into local ones. All these determine low propensity of the CA business to use crypto-currencies. While last two years mutual trade between Russia and the CA countries are mainly transacted in Roubles and this substantially decreases the need to recourse to such exotic instruments as crypto-currencies. Thus at the moment we see low potential of crypto-currency usage in transactions for trade between Russia and the CA countries. However, this may change in case the status of crypto-currencies in the latter countries substantially changes.

Keywords: countries of the Central Asia, crypto-currency, Russia.

Недавно в России было принят закон, при определенных условиях разрешающий использование криптовалют для расчетов по внешнеторговым сделкам. Ожидается, что таким образом можно будет нивелировать воздействие санкционных ограничений, которые существенно ограничили для российских компаний использование основных мировых валют в трансграничных расчетах.

Хотя страны Центральной Азии не присоединились к антироссийским мерам, однако ввиду угрозы вторичных санкций, они вынуждены сокращать взаимодействие с рядом российских финансовых учреждений. В этой связи представляется целесообразным исследовать, в какой мере криптовалюты используются или могут быть использованы во внешней торговле республик ЦА с РФ.

Мы рассмотрим ситуацию, сложившуюся в государствах региона в

отношении владения и использования криптовалют, а также их выпуска (добычи), определяемого термином «криптомайнинг» или просто «майнинг». Также проанализируем, насколько перспективным было бы использование криптовалют в трансграничных расчетах с государствами ЦА в контексте действующих антироссийских санкций.

Под криптовалютой здесь подразумевается цифровой актив, эмитируемый (выпускаемый) не центральным банком какой-либо страны, а частными лицами или компаниями, например, биткойн или либра. Цифровые активы, эмитируемые центробанками, в данном случае не рассматриваются.

Место стран ЦА в мировой криптоиндустрии

Согласно индексу популярности криптовалют компании Chainalysis, в 2024 г. ни одно из государств ЦА не входило в двадцатку стран, чьи граждане являлись наиболее активными пользователями криптовалют в мире, тогда как, например, Украина занимала 6-е место, а Россия – 7-е [1]. Двумя годами ранее (в 2022 г.) Украина была на 3-м месте, а РФ занимала 9-е [2]. Данный индекс основывается на показателях на душу населения, таких как стоимость пересылаемых цифровых активов, остатки монет на онлайн-счетах, объем розничных и децентрализованных транзакций, рассчитанные по ППС. Таким образом, индекс отражает лишь степень популярности криптовалют в стране, но не указывает на их роль в общих денежных расчетах и не дает представления о долях стран в совокупном мировом владении криптовалютами.

Для полноты картины воспользуемся докладами компании Triple A, которые фокусируются на абсолютных показателях владения криптовалютами (табл. 1). Легко заметить, что совокупная доля стран ЦА в мире по числу владельцев криптовалюты составляет лишь около 0,3%, и динамика этого числа достаточно стабильна – здесь не наблюдалось сколько-нибудь существенного роста или падения, по сравнению с 2021 г., в отличие от ситуации в крупных странах-владельцах.

Очевидно также, что популярность криптовалюты среди населения стран ЦА сравнительно невысока, ею владеют лишь от 0,95% населения (Таджикистан) до 1,74% (Казахстан), тогда как в Белоруссии, например, этот показатель составлял 3%, а в России, несмотря на 40-процентное падение, свыше 6% населения владели криптовалютой в 2024 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Таблица 1. Количество владельцев криптовалют в начале 2024 г.

	Место*	Владельцы, млн. человек	Изменение к 2021 г., %	Доля в населении, %**	Доля в мире, %***
Индия	1	93,53	+241,2	6,55	21,00
Китай	2	59,13	+197,4	4,15	13,27
США	3	52,88	+14,9	15,56	11,87
Бразилия	4	25,95	+55,9	11,99	5,82
Иран	10	12,00	+432,6	13,46	2,69
Россия	11	8,75	– 40,3	6,06	1,97
Украина	22	3,88	– 40,4	10,5	0,87
Узбекистан	54	0,51	– 12,4	1,46	0,11
Казахстан	61	0,34	+12,3	1,74	0,08
Беларусь	64	0,28	+2,1	3,00	0,06
Азербайджан	89	0,12	– 15,5	1,17	0,03
Кыргызстан	91	0,11	+5,0	1,72	0,03
Таджикистан	96	0,09	– 8,7	0,95	0,02
Грузия	98	0,09	+11,7	2,39	0,02
Молдова	103	0,07	+50,2	2,11	0,02
Армения	113	0,05	+21,8	1,74	0,01

* Место в мире по количеству владельцев в начале 2024 г.

** Доля количества владельцев криптовалюты в общем количестве населения данной страны в начале 2024 г.

*** Доля владельцев криптовалюты данной страны в общем количестве владельцев криптовалюты в мире в начале 2024 г.

Источник: Triple A [3].

Следует оговориться, что на статистику не в последнюю очередь влияет особенность маршрутизации международного интернет-трафика, направление которого постоянно меняется, а также использование VPN. В результате местонахождение владельцев может быть указано ошибочно, что во многом объясняет резкие скачки данного показателя в ряде стран. Например, в 2021 г. число владельцев криптовалют в Индии оценивалось в 100 млн человек, в 2022 г. – только в 27 млн, а по итогам 2023 г. этот показатель превысил 93 млн.

человек [3].

Резкое падение числа российских владельцев криптовалют в 2022–2023 гг. объясняется более существенной причиной. Так, ведущие мировые криптовалютные биржи, опасаясь вторичных санкций, стали массово закрывать счета российских клиентов, прекратили обмен криптовалют на рубли. Кроме того, следует учитывать, что приведенная статистика числа владельцев криптовалют в основном отражает участие в этой сфере частных лиц и инвестиционных компаний, в то время как во внешней торговле участвуют в основном компании реального сектора экономики. Точных сведений о том, какое число этих компаний владеет криптовалютами, нет, хотя по косвенным признакам можно сказать, что их численность крайне невелика.

Это обусловлено законодательными требованиями к юридическим лицам, которые обязаны проводить операции только через счета в банках, чтобы исключить неуплату налогов или отмывание криминальных доходов. Банки, в свою очередь, с осторожностью относятся к криптовалютам ввиду их чрезмерной анонимности, что чревато риском попасть под обвинения в нарушении финансового законодательства.

Однако популярность криптовалюты в конкретной стране, т. е. доля ее владельцев в населении, в определенной мере может указывать и на готовность национальных компаний использовать криптовалюты. Если основываться на таком предположении, то, как показывает таблица 1, компании в странах ЦА, вероятно в значительно меньшей степени готовы использовать криптовалюты, чем их российские партнеры.

Торговля России со странами Центральной Азии

В контексте проводимого анализа представляется целесообразным рассмотреть, насколько важна для РФ торговля с данными странами. С тех пор как государствами Запада были введены санкции в отношении нашей страны, регулярно появляются заявления о том, что товары из этих стран в обход санкций продолжают поступать в Россию через государства ЦА. Однако мы не располагаем данными по конкретным товарам, которые, возможно, и поступают в нашу страну таким путем, поэтому детально комментировать подобные утверждения не представляется возможным.

В то же время очевидно, что, коль скоро рынки стран Запада закрылись для российских компаний, последние должны были переориентировать свои поставки на другие страны, включая ЦА. В свою очередь, этот процесс вполне мог стимулировать и встречный поток некоторых товаров-заменителей из соседних стран. К сожалению, в настоящее время российская статистика внешней торговли публикуется с минимальной детализацией, поэтому для оценки торговых потоков приходится в основном опираться на статистику стран – партнеров России.

Как видно из таблиц 2 и 3, после 2021 г. значение торговли с

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

государствами ЦА для нашей страны в целом выросло, что особенно заметно в части импорта в нашу страну. Однако в общем объеме российской внешней торговли на центральноазиатское направление приходится лишь 5,9% экспорта РФ и 5,6% российского импорта.

Таблица 2. Доля стран ЦА в совокупном экспорте РФ, %

	2021	2022	2023	2024*
Казахстан	3,44	2,80	3,46	3,51
Кыргызстан	0,37	0,37	0,47	0,51
Таджикистан	0,25	0,26	0,42	0,32
Туркменистан	0,15	н/д	н/д	н/д
Узбекистан	0,96	0,94	1,38	1,61
5 стран ЦА суммарно	5,17	4,36	5,74	5,94

Источник: [4]

* Первое полугодие

Таблица 3. Доля стран ЦА в импорте РФ, %

	2021	2022	2023	2024*
Казахстан	2,57	4,00	4,18	3,75
Кыргызстан	0,15	0,44	0,32	0,29
Таджикистан	0,03	0,04	0,03	0,19
Туркменистан	0,05	н/д	н/д	н/д
Узбекистан	0,68	0,89	0,97	1,32
5 стран ЦА суммарно	3,47	5,37	5,49	5,56

Источник: [4]

* Первое полугодие

Необходимо принимать во внимание, что в последние два года валюты стран Запада практически не используются в расчетах между указанными странами, и в этих расчетах доминирует рубль. Например, доля расчетов в рублях между нашей страной и Киргизией к октябрю 2024 г. достигла 90% [5]. Таким образом, на данном направлении торговли для нивелирования санкционных ограничений у российских компаний нет острой необходимости прибегать к таким нетрадиционным платежным средствам, как криптовалюты. Тем не менее следует рассмотреть состояние дел в части владения ими и их

использования в странах ЦА.

Статус криптовалют в государствах Центральной Азии

В **Казахстане** президент Касым-Жомарт Токаев в 2022 г. заявил, что страна должна стать ведущим игроком в сфере новых цифровых технологий, криптоэкосистем и майнинга, а также поставил задачу стать одним из крупнейших цифровых хабов на евразийском пространстве [6]. Тогда же было установлено, что в республике будут созданы местные криптобиржи, а ликвидность на них должна будет обеспечиваться за счет местных майнеров, которые начиная с 2024 г. должны в обязательном порядке обменивать до 75% добытой ими криптовалюты на этих площадках.

Согласно закону «О цифровых активах», резиденты страны могут владеть криптовалютой, но для осуществления всех операций с криптовалютой они должны быть резидентами Международного финансового центра в Астане (МФЦА), т. е. быть юридическими лицами. Майнинг криптовалют подлежит лицензированию. Кроме того, введен контроль за электропотреблением майнинговых ферм, а Министерство энергетики получило полномочия квотировать объемы электроэнергии, поставляемой майнерам, в зависимости от состояния баланса системы.

Поскольку майнеры должны были платить налоги по прогрессивной шкале, бум майнинга, возникший в стране в период 2018–2021 гг., сошел на нет. Хотя с апреля 2024 г. на сайте налоговой инспекции страны публикуются котировки основных криптовалют, в Казахстане они не являются платежным средством, их эмиссия и оборот в стране вне МФЦА запрещены. Таким образом, к настоящему времени криптовалюты в Казахстане находятся в своеобразной «зоне», изолированной от остальной экономики.

Также остается большое количество нерешенных вопросов, касающихся регулирования операций с непосредственным использованием криптовалют компаниями, с налогообложением, а также предотвращением отмыывания незаконных доходов и финансирования терроризма, что может затруднить законное использование криптовалют во внешнеторговых расчетах.

К осени 2024 г. официально были лицензированы восемь криптобирж, из которых только одна (АТАIX) является казахстанской. Биржи осуществили интеграцию с некоторыми местными банками, и в результате биржевой счет можно пополнить непосредственно с банковской карты. Однако, по требованию МФЦА, при каждой площадке работает инспектор, контролирующий принятие мер борьбы с отмыыванием денег. Криптовалюты анонимных пользователей не допускаются к торгам. [7]. По состоянию на лето 2024 г., на всех криптобиржах страны было зарегистрировано 74 тыс. клиентов [8].

В целом практически вся информация в медийном пространстве Казахстана относится к вопросам инвестирования в криптовалюты, то есть их

купли/продажи, тогда как сведений о реальном использовании казахскими компаниями криптовалют в не инвестиционных целях крайне мало. Вопросы платежей с использованием криптовалют в прессе практически не упоминаются, за исключением сообщений о платежах за товары или услуги откровенно криминального характера.

Косвенно это указывает на крайне низкий интерес в стране к использованию криптовалют в законных внешнеторговых сделках. Эксперты также отмечают, что в легальном бизнес-обороте, не связанном с коррупцией и уходом от налогов, уровень распространения криптовалют в Казахстане крайне низок, поскольку их использование для платежей создает для предпринимателей дополнительные сложности из-за проблем с их легальной конвертацией в традиционные валюты [9].

В **Кыргызстане** в 2022 г. был принят закон «О виртуальных активах», который определяет все аспекты, связанные с использованием криптовалют. Лицензирующим органом является Агентство развития информационных технологий и коммуникаций. По состоянию на апрель 2024 г., в республике зарегистрировано 75 операторов обмена виртуальных активов (криптообменники) и 7 операторов торгов (криптовиржи). Местные эксперты считают, что законодательная база Кыргызстана в этой сфере является самой либеральной, а налогообложение криптобизнеса – самым выгодным на постсоветском пространстве [10].

Согласно упомянутому закону, виртуальные активы (т. е. криптовалюты) не являются платежным средством, валютой или ценной бумагой на территории Кыргызской Республики. Кроме того, в стране не допускаются анонимные операции с криптовалютой, а все лицензированные криптообменники и биржи должны знать своих клиентов и строго соблюдать требования антиотмывочного законодательства [11].

Впрочем, в настоящее время в республике обсуждаются законодательные изменения, чтобы поднять ставку налога с продаж на операции с криптовалютами с 3 до 5%, что вызывает опасения многих легальных поставщиков услуг виртуальных активов, которые работают с очень низкой маржой (0,1–0,15%), поскольку такое повышение может обанкротить их бизнес или побудить к переходу в тень [12].

Информации об использовании криптовалют во внешнеторговых расчетах Кыргызстана найти не удалось.

В **Таджикистане** криптовалютная сфера законодательно не регулируется. В своих заявлениях Нацбанк Таджикистана связывал использование криптовалют лишь с отмыванием средств и финансированием терроризма, а также подтвердил, что они не являются законным платежным средством на территории республики. При этом обменивать криптовалюту на местные деньги не запрещено. Криптовирж в Таджикистане нет, но в стране доступны международные криптобиржи, например Binance и HTX, которые принимают средства на свои счета в таджикских сомони [13].

Хотя майнинг, как и обмен криптовалют, никак не регулируются, однако майнеры фактически приравниваются к субъектам промышленности и обязаны регистрироваться в качестве субъектов хозяйственной деятельности, платить налоги на прибыль или подоходный налог, а также повышенный тариф за потребляемую электроэнергию. При этом, хотя наказание за «незаконный» майнинг не предусмотрено, постоянно сообщается о случаях административных и даже уголовных наказаний за неуплату налогов или хищение электроэнергии. Поэтому индустрия майнинга в Таджикистане пока не получила развития [13].

Учитывая вышесказанное, маловероятно сколько-нибудь масштабное использование криптовалют таджикскими компаниями во внешнеторговых расчетах.

В **Туркменистане** состояние местной криптовалютной сферы неясно, поскольку информации о ней крайне мало и законодательством эти отношения не регулируются [14]. Вероятно, майнинг криптовалют в республике существует и, возможно, даже развивается. Свидетельством этого являются задержания лиц, осуществляющих «незаконные валютные операции». В связи с этим сообщается, что полиция регулярно пытается вычислить майнеров по покупкам дорогих видеокарт, а также по аномально высокому потреблению электроэнергии в частных жилищах [15].

В **Узбекистане** с 2018 г. проводится политика легализации криптовалют. Деятельность в сфере их оборота подлежит регулированию и лицензированию со стороны Национального агентства перспективных проектов (НАПП). С начала 2020 г. в стране работает единственная криптобиржа Uzпex (проект корейской компании Kобea Group). При этом использование криптовалют в качестве средства платежа запрещено. Первоначально резидентам Узбекистана разрешили совершать через биржу только сделки по продаже криптовалют, но не по их покупке.

Однако в 2024 г. это ограничение было снято, но при этом конкретизировано требование совершать все операции только через компании, лицензированные в Узбекистане. В случае совершения резидентами страны незаконных операций с криптоактивами, а также майнинг без лицензии, нарушители могут привлекаться к уголовной ответственности. В республике заблокированы сайты криптоплатформ, которые не имеют лицензии НАПП, и при этом сообщается, что даже VPN не помогает обходить эти блокировки. Все выданные лицензии не разрешают предоставлять услуги P2P, т. е. перевод криптовалют от одного физлица к другому напрямую [16].

По состоянию на октябрь 2024 г. лицензии на работу с криптовалютой имели 2 криптобиржи, а также 10 криптообменников (магазинов) и 3 депозитария [17], но к настоящему времени еще не все из них начали работу. При этом в Узбекистане запрещена реклама услуг криптообмена, а с 2023 г. заблокировали сайты крупнейших иностранных криптобирж. Реализация полученной местными майнерами криптовалюты должна осуществляться

только через национальные лицензированные криптобиржи.

В начале 2024 г. местный регулятор НАПП оштрафовал известную иностранную криптобиржу Binance за оказание услуг резидентам страны, т. е. за деятельность без лицензии [18]. Поскольку упомянутая компания штраф не заплатила, против нее начался судебный процесс. Это оказало воздействие на других, незарегистрированных игроков. Так, известная криптобиржа OKX официально объявила, что прекращает обслуживание пользователей из Узбекистана, а также потребовала, чтобы до 30 марта 2024 г. они вывели свои активы с биржи [16].

Местной особенностью является требование к майнинговым компаниям добывать криптовалюту только с использованием солнечной энергии. Подключение к традиционным энергосетям допускается лишь в исключительных случаях и по специальным тарифам. При этом майнингом могут заниматься только юридические лица [19]. В Узбекистане все компании, занятые в криптоиндустрии, должны соблюдать требования по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, проводить процедуры «знай своего клиента». Также законодательно установлен прямой запрет на операции с анонимными криптоактивами [20].

Перспективы использования криптовалют для расчетов в торговле между Россией и странами ЦА

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие предположения.

Во-первых, поскольку расчеты между данными странами в подавляющей части проходят в национальных валютах при минимальном участии валют стран Запада, это формирует относительно низкую потребность в использовании криптовалют.

Во-вторых, хотя увеличение объема торговли России с государствами ЦА произошло в основном за счет роста импорта в РФ, однако у нашей страны сохраняется заметный торговый профицит со всей центральноазиатской пятеркой. То есть, оплата рублями поставщикам из стран ЦА не должна вызывать затруднений, поскольку они, в свою очередь, могут рубли продавать местным компаниям-импортерам, которые закупают российские товары, что снижает необходимость использования криптовалют.

Как указывалось выше, владение криптовалютами и их использование для резидентов стран ЦА не является вполне свободным, а использование их в качестве средства платежей запрещено. Таким образом, в случае согласия на оплату криптовалютой, компании данных стран вынуждены будут прибегать к нестандартным приемам проведения платежей и ведения бухучета, чтобы в конечном итоге получить на свой банковский счет разрешенную в стране валюту. В таком случае издержки использования платежей в криптовалюте для них будут заметно выше, чем в случае таких же нестандартных платежей, проведенных через цепочку посредников в традиционных валютах. Очевидно,

что это не будет мотивировать компании в государствах ЦА к работе с криптовалютой.

Главная проблема с оплатой рублями или иной валютой существует не на уровне этой валюты как таковой, а на уровне банков стран ЦА, которые, опасаясь вторичных санкций, тщательно проверяют все платежи, и при малейшем подозрении в отношении присутствия санкционных лиц или продукции не пропускают связанные с ними платежи. Как сообщают эксперты, в результате этого в 2024 г. банки стран ЦА стали отклонять до 30% платежей, связанных с Россией [21].

Кроме того, поскольку доля населения, владеющая криптовалютой, в странах ЦА заметно ниже, чем в России и в других странах СНГ, следует ожидать, что компании в этих странах также значительно менее склонны к использованию криптовалют, чем российские. В отличие от частных лиц, компаниям надлежит проводить все денежные трансакции только через счета в банках, которые, в свою очередь, должны следить, чтобы при этом соблюдалось местное валютное и антиотмывочное законодательство. Поэтому среди компаний в любой стране желающих работать с криптовалютой всегда гораздо меньше, чем среди частных лиц.

Следует учитывать, что перевод крупных сумм в криптовалюте на адрес крупных компаний крайне затруднителен не по технологическим, а по юридическим причинам. Счета таких компаний находятся под пристальным вниманием не только со стороны местных финансовых органов, но, если у них, например, есть счета в долларах, то они могут попадать под наблюдение американских органов.

При этом во всех странах ЦА, где разрешено использование криптовалют, запрещена анонимность таких операций, что фактически исключает «незаметность» криптовалютных платежей для банков или регуляторов. Таким образом, главная проблема, о которой сказано выше (возврат платежей, которые подозреваются в обходе санкций), не устраняется и при использовании криптовалют.

Сказанное не означает, что криптовалюты пока не применяются для расчетов в торговле между указанными странами. Анонимные опросы показывают, что они используются, но масштабы их применения не известны и, вероятно, крайне малы. По-видимому, в настоящее время криптовалюта, если и используется, то лишь как одно из звеньев в цепочке расчетов между российскими компаниями и их контрагентами за рубежом.

Причина в том, что в настоящее время российские резиденты порой не имеют свободного доступа к криптовалютным биржам, чтобы купить криптовалюту и заплатить контрагенту, поэтому за них это должен сделать какой-то посредник. В других случаях иностранные контрагенты не могут принять платеж в криптовалюте из-за особенностей местного законодательства и, соответственно, какой-то посредник должен получить эту криптовалюту, затем обменять ее на приемлемую для контрагента валюту и осуществить

платеж.

Таким образом, потенциал использования криптовалют на центральноазиатском направлении ограничен в основном узким сегментом платежей с относительно небольшими суммами, которые частные лица могут осуществлять в пользу друг друга или в интересах третьих лиц. Последними могут быть небольшие компании, вовлеченные в рискованный международный бизнес. Однако следует подчеркнуть: если для компаний затруднен доступ к криптовалютным биржам, то в этом случае цена издержек для них при транзакциях в криптовалюте может быть выше, чем при использовании цепочки платежных агентов, работающих с традиционными валютами.

* * *

Отношение к сфере криптовалют в странах ЦА существенно различается. Наиболее благоприятно оно в Казахстане, наименее – в Туркменистане, однако во всех случаях использование криптовалют в качестве средства платежей запрещено. При этом использование криптовалют в обществе пока невысоко. В Казахстане доля населения, владеющая такими активами, наибольшая в регионе (1,74%), в Таджикистане – наименьшая (0,95%), что заметно ниже российского показателя (6,06%). Указанные обстоятельства негативно влияют на готовность местных компаний работать с криптовалютами.

Торговля между Россией и государствами ЦА в последние годы развивается, причем особенно заметен рост экспорта из этого региона в РФ. Однако подавляющая часть взаиморасчетов осуществляется в рублях, что существенно снижает необходимость прибегать к таким экзотическим инструментам, как криптовалюты.

Вместе с тем, криптовалюты в определенной степени используются в расчетах, хотя точных данных о масштабах операций нет. Судя по косвенным сведениям, вероятно, это незначительные суммы переводов/платежей между частными лицами и небольшими компаниями. Никакой информации об использовании криптовалют крупными компаниями нет, впрочем, такая возможность весьма сомнительна ввиду особенностей проведения и учета денежных операций в этих компаниях.

В целом потенциал использования криптовалют в торговле между Россией и странами ЦА пока остается низким. Лишь в случае значительного изменения статуса криптовалют в государствах ЦА это положение может измениться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The 2024 Global Crypto Adoption Index // Chainalysis. URL: <https://blog.chainalysis.com/reports/2024-global-crypto-adoption-index> (дата обращения 20.10.2024).
2. The 2022 Global Crypto Adoption Index // Chainalysis. URL: <https://blog.chainalysis.com/reports/2022-global-crypto-adoption-index> (дата обращения 14.09.2024).
3. Cryptocurrency Ownership Data // Triple A, 2024. URL: <https://triple-a.io/crypto-ownership-data/> (дата обращения 12.10.2024).
4. Direction of Trade Statistics (DOTS) // IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=9d6028d4-f14a-464c-a2f2-59b2cd424b85> (дата обращения 21.10.2024).
5. Россия и Киргизия довели до 90% долю взаиморасчетов в рублях – Мишустин // Интерфакс. 21.10.2024. URL: <https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/rossiya-i-kirgiziya-doveli-do-90-dolyu-vzaimoraschetov-v-rublyah-mishustin> (дата обращения 22.10.2024).
6. Груздев В. В Республике Казахстан указали условия легализации криптовалют // Freedman Club Crypto News. 28.09.2022. URL: <https://freedmanclub.com/v-respublike-kazahstan-ukazali-usloviya-legalizacii-crypto/> (дата обращения 16.10.2024).
7. Криптовалюта в Казахстане: что можно с ней делать и что нельзя // Банк ЦентрКредит. 04.10.2024. URL: <https://www.bcc.kz/bcc-journal/cryptocurrency-spec/> (дата обращения 22.10.2024).
8. Скибан О. В тюрьму или на биржу: можно ли законно торговать криптовалютой в Казахстане? // Inbusiness.kz. 07.07.2024 URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/v-tyurmu-ili-na-birzhu-mozhno-li-zakonno-torgovat-kriptoalyutoj-v-kazahstane> (дата обращения 22.10.2024).
9. Сакенов С. Как платежные агенты из Казахстана и Кыргызстана могут решить проблему трансграничных оплат? // vc.ru. 25.07.2024. URL: <https://vc.ru/money/1334962> (дата обращения 29.09.2024).
10. Чепкова. Т. Что происходит с регулированием криптовалют в Киргизии // BE(IN)CRYPTO. 10.07.2024. URL: <https://ru.beincrypto.com/kirgiziya-kriptorynok/> (дата обращения 29.09.2024).
11. Каминская К. Кыргызстан как юрисдикция для криптобизнеса // vc.ru. 08.07.2024. URL: <https://vc.ru/crypto/1291699-kyrgyzstan-kak-yurisdikciya-dlya-kriptobiznesa> (дата обращения 29.09.2024).
12. Индина М. Кыргызстан и криптовалюты: налоги против роста инноваций // Акчабар. 12.09.2024. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/article/elektronnie-dengi-igvepnpgkpdmhynm/kirgizstan-i-kriptoalyuti-nalogi-protiv-rosta-innovatsij-vuefyhdfnlmgrxoi> (дата обращения 29.09.2024).
13. Криптовалюты в Таджикистане // Шард. 23.11.2023. URL:

https://shard.ru/article/cryptocurrencies_in_tajikistan (дата обращения 27.10.2024).

14. Саганская А. Между запретом и развитием: как регулируют криптовалюты в Центральной Азии // ForkLog. 19.03.2021. URL: <https://forklog.com/mezhdu-zapretom-i-razvitiem-kak-reguliruyut-kriptovalyuty-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения 21.09.2024).

15. В Ашхабаде прошли полицейские рейды в точках нелегальной продажи валют. Силовики ищут майнеров криптовалют // Хроника Туркменистана. 01.08.2021. URL: <https://www.hronikatm.com/2021/08/bet-coin/> (дата обращения 21.09.2024).

16. Ерзиков В. Из тени удалось вывести «огромное количество средств» // Курсив. 23.05.2024. URL: <https://uz.kursiv.media/2024-05-23/v-uzbekistane-rastet-belyj-rynok-kriptovalyuty/> (дата обращения 11.10.2024).

17. Электронный реестр лицензий по видам провайдеров услуг в сфере оборота крипто-активов // Национальное Агентство Перспективных Проектов Республики Узбекистан. URL: <https://napp.uz/ru/pages/erlsp> (дата обращения 26.10.2024).

18. Криптовалютные рынки стран Центральной Азии. Тренды развития // Fintech & Retail Central Asia. 13.05.2024. URL: <https://fintech-retail.com/2024/05/13/kriptorinok-v-ca/> (дата обращения 21.09.2024).

19. Майнинг // Национальное Агентство Перспективных Проектов Республики Узбекистан. URL: <https://napp.uz/ru/pages/erlsp> (дата обращения 26.10.2024).

20. О регулировании криптовалют в Узбекистане // Шард. 24.04.2024. URL: https://shard.ru/article/cryptoregulation_in_uzbekistan (дата обращения 11.10.2024).

21. Хоружевский И. Партнерство сужает границы. Почему банки в Казахстане отказываются от сотрудничества с «дочкой» ВТБ // Коммерсантъ. 11.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7065605?ysclid=m6p0nlweyy6814897> (дата обращения 11.10.2024).

Е. Ионова

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ
В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ ПРЕЗИДЕНТА Ш.МИРЗИЁЕВА**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-95-106

Ионова Елена Петровна, кандидат исторических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований,

ORCID 0009-0001-1336-2137, lena.ionova.51@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.11.2024. Одобрена
после рецензирования 25.11.2024. Принята к публикации 29.11.2024.

Аннотация: Состоявшиеся в октябре 2024 г. выборы в Законодательную палату парламента Узбекистана завершили цикл реформ президента Ш. Мирзиёева по приведению политической системы в соответствие с задачами действующей власти, вставшей на путь либерализации внутривластной и внешнеполитической деятельности. Эти реформы включали: корректировку конституционных норм государственного управления, в обсуждении которых активное участие приняло узбекское общество; «перезагрузку» президентской власти; изменение прерогатив представительной власти на всех ее уровнях; поправки в Избирательный кодекс страны, предусматривающие переход на мажоритарно-пропорциональную систему.

Ключевые слова: поправки в Конституцию Узбекистана, президентские выборы 2023, программы партий на парламентских выборах 2024, итоги голосования на парламентских выборах 2024.

**PARLIAMENTARY ELECTIONS IN UZBEKISTAN IN THE CONTEXT OF
THE PRESIDENT SH. MIRZIYOYEV'S REFORMS**

Elena P. Ionova, Cand. Sci. (History), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher of the Center for Post-Soviet Studies,

ORCID 0009-0001-1336-2137, lena.ionova.51@mail.ru

Received 11.11.2024. Revised 25.11.2024. Accepted 29.11.2024.

Summary: The elections to the Legislative Chamber of Uzbekistan held in October 2024 completed the cycle of reforms of President Sh. Mirziyoyev to bring the political system in line with the tasks of the current government, pursuing a policy aimed at liberalizing domestic and foreign policy activities. These reforms included the adjustment of constitutional norms of public administration, in the discussion of which Uzbek society took an active part; a “reset” of presidential power; a change in the prerogatives of representative power at all its levels; amendments to the Electoral Code of the country, providing for a transition to a majoritarian-proportional electoral system.

Keywords: amendments to the Constitution of Uzbekistan, presidential elections 2023, party programs for the parliamentary elections 2024, voting results for the parliamentary elections 2024.

27 октября 2024 г. в Узбекистане прошли выборы в представительные органы власти, в ходе которых были избраны 150 членов Законодательной палаты Олий Мажлиса (парламента республики), 65 депутатов Жокаргы Кенеса Каракалпакстана (однопалатного парламента этой автономной республики), 208 депутатов областных, районных и городских кенгашей (советов депутатов). Избирательная кампания, проведенная на основе новых конституционных норм, стала важным этапом в реализации политических реформ президента Шавката Мирзиёева.

О необходимости внесения изменений в действующую политическую и, прежде всего, избирательную систему республики президент Республики Узбекистан сообщил вскоре после своей победы на выборах 2021 г. Согласно его официальным заявлениям, изменения Основного закона республики продиктованы необходимостью «заложить фундамент нового, процветающего Узбекистана».

Отличительными чертами трансформации политической системы республики в 2021–2024 гг. стали:

- активизация общественного участия в политических процессах, в том числе за счет проведения всенародного обсуждения и референдума по поправкам в Конституцию;
- укрепление позиций действующего лидера страны и президентской власти в целом;
- расширение полномочий органов представительной власти, прежде всего Олий Мажлиса;
- либерализация законодательного процесса за счет расширения полномочий нижней палаты парламента;
- введение более демократических норм в избирательные права граждан.

Укрепление президентской власти

«Перезагрузка» политической системы страны во многом объяснялась требованием приведения ее в соответствие с новыми задачами действующей власти, демонстрирующей стремление к либерализации внутренней и внешней политики. В конце мая 2022 г. по инициативе президента в республике была создана парламентская конституционная комиссия, которая уже через месяц представила законопроект, предусматривающий внесение более 200 поправок в 64 статьи Конституции и включение в нее 6 новых статей.

Проект был принят нижней палатой в первом чтении, после чего его вынесли на всенародное обсуждение. Итоги обсуждения были опубликованы в СМИ, рассмотрены парламентом и затем вынесены на общенациональный референдум, который планировалось провести летом 2022 г. [1]. Однако из-за беспорядков в Каракалпакстане он был перенесен на 30 апреля 2023 г.

По итогам референдума парламент республики одобрил проект масштабных изменений в Конституции, который лег в основу нового Закона о Конституции страны. В нем указывается, что Узбекистан является не только суверенной республикой, «но и правовым, социальным, светским, демократическим государством». Одной из особенностей обновленной Конституции стала ее социальная направленность. В частности, подчеркивается, что государство обязано активно бороться с бедностью и помогать малоимущим. Предпринимателям гарантируется «справедливое налогообложение», молодежи – упрощенный доступ к бесплатному образованию, журналистам – свобода слова. К числу принципов внешней политики было добавлено положение об уважении прав и свобод человека, территориальной целостности государств. Также был внесен пункт о том, что государство заботится о сохранении и развитии связей с гражданами и соотечественниками, проживающими за рубежом.

Конституционный закон закреплял новые положения, касающиеся президентской власти. Сроки пребывания у власти действующего главы государства были обнулены, а президентский срок увеличился с 5 до 7 лет (как это было до 2011 г.). Таким образом, действующему президенту предоставлялась возможность участвовать в двух последующих выборах, что могло увеличить срок его правления в общей сложности до 20 лет.

В то же время были зафиксированы более широкие, по сравнению с предыдущей редакцией Конституции, полномочия парламента в области формирования правительства и обеспечения его эффективного функционирования. Местным органам власти предоставлялись более широкие права в социальной сфере, в частности, по таким направлениям, как экология, молодежная политика, социальная защита инвалидов, создание условий для отдыха населения.

Обновление Конституции стало одной из причин и поводов объявления Мирзиёевым – после одобрения нового Конституционного закона на

общенациональном референдуме – досрочных президентских выборов. Они были назначены на 9 июля 2023 г. «Перезапуск» президентской власти призван был предоставить Мирзиёеву как лидеру нации «мандат доверия» и поддержку избирателей проводимого им политического курса.

Несмотря на беспокойный информационный фон, связанный с энергетическим кризисом зимы 2023 г., коррупционными скандалами, а также признаками нарастания недовольства среди населения, победа на выборах Мирзиёева, набравшего 87,5% голосов, выглядела вполне убедительно. В своей программе он обещал обеспечить устойчивый экономический рост, удвоить ВВП и объемы экспорта, обеспечить население чистой питьевой водой, реформировать систему трудовой миграции и другие меры.

Победе Мирзиёева способствовало и то, что его оппоненты были малоизвестны. От Социал-демократической партии «Адолат» была выдвинута кандидатура заместителя председателя Верховного суда Р. Махмудовой, сделавшей упор в своей программе на защиту интересов предпринимателей. Она набрала 4,43% голосов. Бывший министр образования У. Иноятлов, баллотировавшийся от Народно-демократической партии, набрал 4,05% голосов избирателей. В предвыборной программе он сделал ставку на социальную справедливость, обещал ввести налог на роскошь. Кандидат от Экологической партии А. Хамзаев сосредоточился на проблемах защиты окружающей среды; на его долю пришлось 3,7% [2].

Явка избирателей на президентских выборах 2023 г., составившая 79,88%, оказалась самой низкой с 2016 г. (когда на выборы пришло 87,73% избирателей). Характерно, что явка граждан, голосующих на референдуме по поправкам в Конституцию, превысила явку на президентские выборы и составила 84,5% [3]. Рассматривая явку на выборы и количество полученных президентом голосов в качестве показателей уровня поддержки со стороны населения, российский эксперт А.Грозин отмечает, что для руководства Узбекистана явка ниже 90% от общего числа избирателей и полученные президентом менее 80% голосов могли бы стать «индикатором того, что общество испытывает некие негативные настроения» [4].

Изменения в области законодательной власти

Важнейшей составной частью конституционных преобразований, предпринятых по инициативе президента Мирзиёева, стали реформы в области законодательной власти. Они включали:

- расширение представительской функции Олий Мажлиса за счет перехода на смешанную мажоритарно-пропорциональную систему выборов;
- перераспределение полномочий между Сенатом и Законодательной палатой с расширением полномочий последней;
- повышение роли женщин в государственном управлении;

- усиление внимания к Каракалпакстану, значимость которого для стабильности ситуации в республике была продемонстрирована в 2022 г.

Одним из основных элементов трансформации политической системы стало изменение Избирательного кодекса страны. В мае 2023 г. Мирзиёев издал указ о подготовке законопроекта о переходе на смешанную мажоритарно-пропорциональную систему выборов в нижнюю палату парламента. Соответствующий законопроект был принят Законодательной палатой в октябре 2023 г., в ноябре одобрен Сенатом и в декабре того же года подписан президентом. В соответствии с новым законом выборы в Олий Мажлис будут проходить не только по партийным спискам, как предусматривало действующее на тот момент законодательство, но и по мажоритарной системе, предполагающей выдвижение кандидатов на персональной основе от одномандатных округов.

В соответствии с новыми нормами половина из 150 депутатов Законодательной палаты теперь избирается по одномандатным избирательным округам, остальные 75 – на основе списка партии пропорционально количеству голосов, отданных за нее по единому избирательному округу, которым является вся территория Узбекистана. Таким образом, в принципе, по мажоритарной системе избранным в представительные органы республики может стать любой гражданин, даже не состоящий в какой-либо партии, но набравший наибольшее количество голосов избирателей в одномандатном избирательном округе.

Введение этой нормы призвано было отразить демократизацию политических процессов в Узбекистане. Как отмечал российский эксперт С. Притчин, переход на смешанную избирательную систему способствовал оживлению политической жизни в республике, так как «голосование по партийным спискам идет обезличено, а появление одномандатников позволяет по-другому выстраивать отношения между избирателями и депутатами, устанавливая более тесное взаимодействие населения с депутатами, которые ориентированы на региональные нужды и имеют обязательства перед своими избирателями» [5].

С другой стороны, пропорциональная система выборов укрепляет роль партий в избирательном процессе: партия сама решает вопросы распределения мандатов между кандидатами, заранее вошедшими в список партии, зарегистрированной Центральной избирательной комиссией (ЦИК). При этом кандидатуры кандидатов от одномандатных округов и включенных в списки партий должны быть утверждены на высшем форуме каждой партии.

В соответствии с новым законом были облегчены условия формирования партийной фракции за счет снижения требуемого для этого числа депутатов – с 9 до 5 человек, что должно было повысить многопартийность состава нижней палаты парламента. Однако другое новшество избирательной реформы, а именно введение 7-процентного «избирательного порога» для партий, участвующих в выборах, может

затруднить прохождение отдельных партий в парламент, поскольку далеко не все из них могут набрать такой процент участвующих в выборах избирателей.

Новое законодательство предусматривает также укрепление статуса и расширение полномочий Центральной избирательной комиссии, ограничивая при этом избрание ее председателя двумя сроками подряд, а также вносит изменения в структуру и порядок формирования областных, районных и городских избирательных комиссий при выборах в местные кенгаши народных депутатов. В составе ЦИК, численность которой сократилась с 15 до 9 человек, была закреплена квота Каракалпакстана – эту автономную республику должен представлять как минимум один депутат [6]. Кроме того, отражая общемировую тенденцию в гендерном вопросе, новое узбекское законодательство закрепило увеличение квоты женщин, т. е. минимального количества женщин от общего числа кандидатов в депутаты, – с 30 до 40%.

Помимо изменений в избирательной системе, существенной трансформации подверглись функции обеих палат Олий Мажлиса. 19 февраля 2024 г. Мирзиёев утвердил поправки в законодательство республики, которые привели полномочия палат парламента в соответствие с обновленной Конституцией. Была предусмотрена возможность самороспуска обеих палат, для решения о котором требуется одобрение не менее двух третей депутатов или сенаторов. Между Сенатом и Законодательным собранием полномочия перераспределены за счет расширения прерогатив нижней палаты, что должно было свидетельствовать о вовлечении более широкого круга политических сил в процесс государственного управления.

Отменялся ряд функций Сената, становившихся полномочиями Законодательной палаты. В их числе – рассмотрение и одобрение представленной президентом кандидатуры премьер-министра, что раньше происходило совместно с Сенатом. Новое законодательство предполагает определенную демократизацию процедуры назначения на высшие посты исполнительной власти. Кандидатура премьер-министра для рассмотрения Законодательной палатой представляется теперь Президентом после консультаций со всеми фракциями политических партий, тогда как ранее такие консультации проводились только с представителями партии, набравшей наибольшее количество голосов.

Кандидатура, предложенная Президентом, должна быть рассмотрена в течение 10 дней со дня внесения представления и набрать не менее половины голосов депутатов. В противном случае Президент имеет право после дополнительных консультаций со всеми фракциями еще два раза представить предложенную им кандидатуру на должность премьер-министра. В случае ее трехкратного отклонения, Президент вправе распустить Законодательную палату и самостоятельно назначить премьер-министра.

Предложенные главой государства кандидатуры других членов Кабинета министров теперь также должны быть рассмотрены и одобрены нижней палатой узбекского парламента. В ее функции вошло и заслушивание

отчетов премьер-министра по социально-экономическому развитию, и отдельных членов кабинета – по вопросам их деятельности и Счетной палаты [7]. Контроль за исполнением государственного бюджета также возложен на Законодательную палату.

Что касается Сената, то число его членов было сокращено со 100 до 65. Изменен принцип формирования верхней палаты парламента: теперь от каждого региона страны, столицы страны Ташкента и Каракалпакстана выдвигается не по 6, а по 4 депутата. Количество сенаторов, которые назначаются самим Президентом, также сократилось с 16 до 9 человек. Как и прежде, глава страны выбирает их из числа наиболее авторитетных граждан с большим практическим опытом и особыми заслугами.

В ряде сфер полномочия Сената были расширены. В частности, теперь Президент представляет на рассмотрение Сената кандидатуры Председателя, заместителя, секретаря и членов Высшего судейского совета, а также руководителя республиканского Совета по противодействию коррупции и руководителя Антимонопольного ведомства. Генеральный прокурор, Председатель Счетной палаты и Председатель Службы государственной безопасности также назначаются Президентом после одобрения Сенатом.

Выборы в Законодательную палату – 2024

Избирательная кампания по выборам в Законодательную палату стартовала 26 июля 2024 г. В ней участвовали все пять зарегистрированных в республике политических объединений. Учитывая критику схожести своих прежних программ, партии на выборах 2024 г. сделали упор на их различия. Правящая Либерально-демократическая партия, традиционно представленная самой многочисленной фракцией (52 депутата из 150 депутатов предпоследнего созыва), позиционирует себя как «движение предпринимателей и деловых людей» [8].

Лидером партии считается действующий президент, который стоял у истоков ее создания в бытность свою премьер-министром и затем был выдвинут от нее на пост президента. Поскольку УзЛиДеП – партия власти, а ее руководителем является действующий президент, приоритеты партии отражают политический курс Ш. Мирзиёева, цели которого изложены в Стратегии развития Узбекистана до 2030 г. В предвыборной программе УзЛиДеП значилось 5 целей и 500 задач по их реализации. Среди них:

- обеспечение устойчивого экономического роста, достижение благополучия каждого человека, семьи и общества;
- повышение качества образования, здравоохранения и социальной защиты;
- формирование благоприятной окружающей среды;

- построение справедливого современного государства, находящегося на службе у народа;
- сохранение суверенитета и безопасности Узбекистана.

Большая часть программы посвящена экономике. Вслед за властью, она обещает повышение к 2030 г. ВВП республики до 160 млрд долл., а дохода на душу населения – до 4 тыс. долл. Объем экспорта должен достичь 45 млрд долл., из которых 5 млрд – IT услуги. В промышленности поставлены задачи по увеличению выпуска продукции добавленной стоимости до 45 млрд долл.

Экономические реформы должны способствовать созданию 2,5 тыс. новых рабочих мест и снижению уровня бедности в два раза. Среди шагов в этом направлении намечено развивать программы профессиональной подготовки, а также программы семейного и социального предпринимательства за счет увеличения объемов льготных кредитов, усилить внимание к вопросам внутренней трудовой миграции и с этой целью расширить источники финансовой поддержки занятости, в том числе за счет создания системы частных агентств занятости.

Особый акцент в программе делался на развитие негосударственного сектора экономики и «превращение Узбекистана в страну предпринимателей», количество которых намечалось увеличить до 3 млн человек. В этом контексте декларировались такие задачи, как снижение вмешательства государства в экономику, увеличение доли частного сектора за счет приватизации государственной собственности, создание благоприятной инвестиционной среды для ускоренного привлечения иностранных вложений, объем которых в перспективе предполагалось увеличить до 110 млрд долл. Предусматривалась также отмена для предпринимателей около 1 тыс. бюрократических требований.

Среди прочих вопросов в программе было уделено место актуальным проблемам миграционной политики. В частности, намечено усилить профессиональную подготовку и «создать условия для бесплатного обучения языкам стран основного миграционного потока граждан, желающих трудоустроиться за рубежом». В то же время программа обещала создать возможности для соотечественников, работающих за границей, трудоустроиться в Узбекистане и получать достойную зарплату. В документе также говорилось о необходимости принятия системных мер по популяризации родного языка, национальной культуры и традиций среди соотечественников за рубежом. Многие из этих вопросов традиционно, на протяжении многих лет, выдвигались в приоритеты национальной политики.

В Законодательной палате фракции остальных четырех партий относят себя к «конструктивной оппозиции». Народно-демократическая партия Узбекистана (НДПУ) позиционирует себя в качестве представителя интересов малообеспеченных слоев населения и в своей программе делает основной упор на социальную защиту нуждающихся. В программу этой партии,

провозгласившей своим главным принципом создание «социального государства», было включено 15 стратегических шагов, реализация которых рассчитана на пять лет.

Они касались помощи инвалидам, совершенствования системы государственного пенсионного обеспечения, развития программ социального жилья, расширения доступа к квалифицированной медицинской помощи и принятия закона о медицинском страховании, создания равных возможностей на всех уровнях образования и других мер поддержки малообеспеченных слоев населения [9].

В вопросах экономики эту партию можно отнести к оппонентам действующей власти. Если правительство нацелено на либерализацию, то НДПУ выступает за усиление регулирующей роли государства. В частности, она предлагает ввести жесткий контроль над стратегически важными компаниями и запретить их приватизацию на законодательном уровне. В числе инициатив партии – введение налога на роскошь, который должен взиматься вне зависимости от источников дохода.

Социал-демократическая партия «Адолат» («Справедливость») считается в Узбекистане представительницей интересов средних слоев из числа инженерно-технических и научных работников, врачей, педагогов, работников бюджетной сферы и сферы обслуживания. Лозунгом программы партии, утвержденной на ее XII съезде в сентябре 2024 г., стало «К равным возможностям и справедливому обществу».

Программа включала восемь основополагающих задач, в числе которых – создание правового государства, развитие демократических институтов, устойчивый рост экономики, сильная социальная политика, здоровье народа, поддержка семьи и женщин, экология и борьба с преступностью. Эта программа не отличалась новизной и во многом повторяла положения программы правящей УзЛиДеП. Среди наиболее примечательных моментов можно отметить предложение о введении прогрессивных ставок налогообложения (ранее в республике уже переходили на эту шкалу, но затем вернулись к системе, по которой все граждане платят подоходный налог по единой ставке) [10].

Экологическая партия, в соответствии со своим названием, основной упор делала на «зеленую» повестку. Лозунгом партии на выборах было «Объединимся ради природы!». Движение выступает за экологизацию законодательства, в частности, создание специализированных судов для экологических правонарушителей и развитие международного сотрудничества в области экологии, в первую очередь партнерства в Центральной Азии, обещает разработать и продвигать на всех уровнях власти стратегию «зеленой» энергетики, направленную на масштабное использование возобновляемых источников энергии [11]. Кроме того, партия предлагает перевести узбекский автопром полностью на выпуск электромобилей.

Достаточно неординарным стал пункт программы о постепенном отказе от использования автомобилей в крупных мегаполисах, чтобы к 2030 г. 20% их населения передвигалось на велосипедах. Предлагалось также освободить производителей экологически чистой продукции от уплаты налога на добавленную стоимость, одновременно установив дополнительную фискальную нагрузку для «вредных» предприятий, ввести мораторий на строительство в крупных населенных пунктах до утверждения их генеральных планов.

В политическом спектре Узбекистана за развитие национальной идеи отвечает партия «Миллий тикланиш» («Национальное возрождение»). Ее электоральной базой узбекские политологи называют творческую интеллигенцию, работников культуры и информационной сферы [12]. Партия известна своими националистическими настроениями, находящими яркое выражение в выступлениях ее лидера, заместителя спикера Законодательной палаты Алишера Кадырова. В числе его последних предложений – сокращение вещания узбекского телевидения на русском языке.

В избирательной программе партии главный акцент был сделан на расширении использования государственного языка. Партия обещала усилить ответственность за нарушение законодательства о государственном языке, ускорить переход алфавита на латиницу, обеспечить приоритет при приеме на работу национальным кадрам, перевести на узбекский язык тысячи иностранных источников. Эксперты отмечают, что, в отличие от ее конкурентов, «Миллий тикланиш» не перевела свою программу на русский язык [13]. В числе новшеств, предлагаемых партией, можно отметить разрешение женщинам служить в армии.

В то же время целый ряд инициатив этой партии соответствует правительственному курсу, что, по мнению экспертов, свидетельствует о ее тесной связи с правящей УзЛиДеП. В первую очередь это касается предложений по улучшению экологической среды, борьбы с бедностью и повышению благосостояния народа. Это во многом объясняет популярность партии и поддержку, которой она пользуется среди избирателей.

В целом в избирательной кампании участвовало порядка 30 тыс. кандидатов и около 90 тыс. их доверенных лиц, а также более 120 тыс. членов избирательных комиссий. Явка на выборы в представительные органы власти на всех уровнях составила 15 млн человек, или около 74% численности всего электората. По итогам выборов состав нижней палаты узбекского парламента обновился на 60%, при этом 38% депутатов составили женщины, что стало самым высоким показателем за всю историю Узбекистана.

По итогам выборов УзЛиДеП получила 64 из 150 мест, «Миллий тикланиш» – 29 мест, «Адолат» – 21 место, НДПУ – 20 мест, Экологическая партия Узбекистана – 16 мест [14]. На выборах использовалась новая смешанная мажоритарно-пропорциональная система. По общенациональному округу УзЛиДеП получила 34,75% голосов, и по ее партийному списку в

парламент прошло 26 депутатов. «Миллий тикланиш» набрала 18,82% голосов избирателей и по партийному списку провела в Законодательную палату 14 депутатов. НДПУ получила 17,11% голосов (13 депутатов), «Адолат» – 16,20% (12 депутатов), Экологическая партия Узбекистана – 13,12% (10 депутатов). Остальные депутаты прошли от одномандатных округов [15; 16].

Таким образом, большинство мест в Законодательной палате нового созыва по-прежнему принадлежит УзЛиДеП и «Миллий тикланиш». Однако, если в новом созыве по сравнению с предыдущим, где УзЛиДеП принадлежало 53 мандата, правящая партия укрепила свои позиции, то «Миллий тикланиш», занимавшая ранее 36 мест, 7 из них утратила [15]. Результаты выборов свидетельствовали о том, что программа правящей партии, возглавляемой президентом, находит растущую поддержку среди избирателей, в то время как второе по влиянию в стране политическое объединение снизило свое присутствие в законодательном органе, что могло быть связано с националистическими заявлениями ее лидера А. Кадырова.

В целом реформы в области государственного устройства, ставшие ответом действующей власти на политические риски, укрепили ее позиции и способствовали сохранению и развитию того внутривнутриполитического и внешнеполитического курса, который проводит Ш. Мирзиёев. Безусловно, он может претерпеть корректировку под воздействием таких факторов, как усиление внутривнутриполитической нестабильности из-за социально-экономических проблем или ухудшение внешнеполитической конъюнктуры, однако есть все основания считать, что в целом этот курс останется неизменным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ионова Е. 2022. Новые вызовы и политика Ташкента // Россия и новые государства Евразии. № 3. С. 59-71.
2. Аватков В., Рожкова З. 2023. Изменение политической системы и президентские выборы в Узбекистане в 2023 году // Россия и новые государства Евразии № 4. С. 72-81.
3. Шавкат Мирзиёев победил на выборах с 87,05%, явка составила 79,8% // Газета.uz. 10.07.2023. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/07/10/results/> (дата обращения 25.10.2024).
4. Кармазин И. Голосование в тибетейке: как пройдут выборы президента в Узбекистане // Известия IZ. 03.06.2023 <https://iz.ru/1521999/igor-karmazin/golosovanie-v-tiubeteike-kak-proidut-vybory-prezidenta-v-uzbekistane> (дата обращения 25.10.2024).
5. Панфилова В. Мирзиёев меняет правила игры перед выборами // Независимая газета 20.12.2023 URL: https://www.ng.ru/cis/2023-12-20/5_8907_rules.html (дата обращения 25.10.2024).

6. Арипов К. Новации и новые подходы в избирательном законодательстве Узбекистана // NUZ Новости Узбекистана. 11.10.2024. URL: <https://nuz.uz/2024/10/11/novaczii-i-novye-podhody-v-izbiratelnom-zakonodatelstve-uzbekistana/> (дата обращения 28.10.2024).
7. Президент утвердил изменение полномочий парламента Узбекистана // Газета.uz. 22.02.2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/02/22/parliament/> (дата обращения 28.10.2024).
8. Предвыборная программа движения предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократической партии Узбекистана // O'ZLIDER Движение предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократическая партия Узбекистана. URL: <https://uzlidep.uz/ru/menu/the-partys-election-prog> (дата обращения 30.10.2024).
9. Предвыборная программа Народно-демократической партии Узбекистана на выборах в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан, Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан, областные, районные и городские Кенгаши народных депутатов // XDP. URL: <https://xdp.uz/ru/saylovodi-dasturi-2024> (дата обращения 30.10.2024).
10. Машкевич М. Партия «Адолат» предложила ввести прогрессивную шкалу налогообложения // Upl.uz. 14.10.2024. URL: <https://upl.uz/policy/45635-news.html> (дата обращения 01.11.2024).
11. Жураев С. Экология, экономика и социальная поддержка: что предлагают партии на выборах в Узбекистане? // Uznews.uz. 16.09.2024 URL: <https://uznews.uz/posts/76479> (дата обращения 01.11.2024).
12. Мухамеджанов О. С какими идеями политические партии Узбекистана идут на выборы? // NUZ Новости Узбекистана. 28.09.2024. URL: <https://nuz.uz/2024/09/28/s-kakimi-ideyami-politicheskie-partii-uzbekistana-idut-na-vybory/> (дата обращения 01.11.2024).
13. Такие разные, такие похожие. Узбекские партии представили программы, с которыми идут на парламентские выборы // Fergana.news. 14.10.2024. URL: <https://fergana.media/articles/135133/> (дата обращения 01.11.2024).
14. Узбекский политик Алишер Кадыров прокомментировал итоги выборов // Upl.uz. 29.10.2024. URL: <https://upl.uz/policy/46054-news.html> (дата обращения 05.11.2024).
15. Либерал-демократы и Демпартия сохранили большинство в парламенте Узбекистана // Sputnik Казахстан. 28.10.2024. URL: <https://ru.sputnik.kz/20241028/itogovaya-yavka-na-vyborakh-v-parlament-uzbekistana-48126798.html> (дата обращения 05.11.2024).
16. Из 150 депутатов Законодательной палаты 64 переизбраны. Список // Газета.uz. 01.11.2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/11/01/deputies-list/> (дата обращения 05.11.2024).

И. Данилин

**РАЗВИТИЕ «ЗЕЛЕНОЙ» ЭНЕРГЕТИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-107-119

Данилин Иван Владимирович, кандидат политических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), заместитель директора по научной работе, заведующий Отелом науки и инноваций,

ORCID 0000-0002-4251-1998, danilin.iv@imemo.ru

Статья поступила в редакцию 03.12.2024. Одобрена
после рецензирования 13.12.2024. Принята к публикации 16.12.2024.

Аннотация: В статье анализируется состояние сектора возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Центральной Азии. Особое внимание уделяется внешним ресурсам развития ВИЭ, в том числе инвестициям со стороны иностранных компаний и поддержке со стороны международных финансовых структур. В этом контексте рассматриваются также проекты в сфере водородной энергетики и по созданию «зеленых» энергетических коридоров в Европейский союз. На основе анализа региональных ограничений развития ВИЭ, технических и финансово-экономических проблем энергокоридоров, а также концепций «зеленой» модели развития для региона делается вывод о высоком значении внеэкономических факторов в становлении центральноазиатского сектора ВИЭ. В частности, для бизнеса характерны акценты на репутационные аспекты «зеленых» проектов, для местных элит – «нормализация» национальной политики относительно глобальной повестки. Особое внимание уделяется ЕС и КНР, которые используют «зеленую» повестку и ВИЭ в том числе для проекции своего влияния в регион. Делается вывод, что, хотя развитие «зеленой» энергетики и несет определенные положительные изменения, ее трансформационный потенциал для центральноазиатских экономик ограничен. Причиной тому – отсутствие комплексной поддержки развития инновационных систем и экономических институтов как важного условия «зеленого» роста, а также риски роста зависимости от стран-партнеров.

Ключевые слова: Центральная Азия, «зеленая» энергетика, возобновляемые источники энергии, энергетическая политика, инновационная система, геополитика.

DEVELOPMENT OF “GREEN” ENERGY IN CENTRAL ASIA

Ivan V. Danilin, Cand. Sci. (Political Sciences), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Deputy Director for Science, Head of Division for Science and Innovation,
ORCID 0000-0002-4251-1998, danilin.iv@imemo.ru

Received 03.12.2024. Revised 13.12.2024. Accepted 16.12.2024.

Summary: The article analyzes the state of the renewable energy sector in Central Asia. Particular attention is paid to external resources for the development of renewable energy sources (RES), including investments from foreign companies and support from international financial institutions. Hydrogen projects and the creation of “green” energy corridors to the European Union are also considered from this point of view. Based on the analysis of regional impediments to the development of RES; technical, financial and general economic challenges of energy corridors; limitations of the “green” development model for the region, a conclusion is made about the high importance of non-economic factors in the formation of the Central Asian renewable energy sector. In particular, businesses make special emphasis on the reputational aspects of “green” projects (including greenwashing), while local elites emphasize “normalizing” of national policies in respect to the global green agenda. Particular attention is paid to the EU and China, which use the green agenda and RES investments to project their influence in the region. It is concluded that although the development of RES will bring certain positive changes, its transformational potential for the Central Asian economies is limited. In first place this is due to the absence of a comprehensive approach for the development of innovation systems and economic institutions as an important condition for regional green growth. Increasing dependence on partner countries is also considered as a risk.

Keywords: Central Asia, “green” energy, renewables, energy policy, innovation system, geopolitics.

Введение

Рост «зеленой» экономики и энергетики был обозначен государствами Центральной Азии в качестве стратегического приоритета еще в конце 2000-х годов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Как и во многих других странах, новые возобновляемые источники энергии (ВИЭ), прежде всего солнечная и ветроэнергетика, играют решающую роль в «зеленом переходе». Хотя первые проекты ВИЭ появились в Центральной Азии еще в начале 2010-х годов, их масштабный рост начался с конца десятилетия. По состоянию на 2024 г.

лидерами ВИЭ являются Казахстан (около 2,9 ГВт – т. е. более 14% от всей установленной мощности) и Узбекистан (до 2,3 ГВт – около 18%) [8; 9].

Задача данной работы – на основе открытых источников проанализировать развитие сектора ВИЭ Центральной Азии с учетом определяющей роли в этом процессе иностранных субъектов для определения причин и перспектив актуализации в регионе «зеленой» энергетики, в том числе с точки зрения ее вклада в формирование новой модели экономического роста и интересов третьих стран.

Развитие ВИЭ в Центральной Азии с опорой на внешние силы

Как и во многих малых и средних развивающихся странах, ведущую роль в развитии ВИЭ в Центральной Азии играют иностранные компании, банки и международные финансовые институты. Опора на внешние ресурсы была предопределена как дефицитом капитальных ресурсов, так и почти полным отсутствием необходимых технологий и компетенций. В частности, на момент строительства первых крупных ветроэлектростанций (ВЭС) в 2013 г. в Казахстане не было даже специализированных монтажных кранов для установки ветрогенераторов [7].

В силу масштабов национальной экономики и наличия программ поддержки ВИЭ, наиболее активным иностранное участие было в энергосекторе Казахстана. С 2018 г., когда была введена аукционная система и начался быстрый рост «зеленых» энергообъектов, в конкурсах на их строительство принимали участие компании из 11 стран [10]. Активными участниками были компании из ЕС, Саудовской Аравии, ОАЭ и КНР. Присутствовали также различные СП и даже отдельные российские предприятия [1; 11]. Несколько менее разнообразным, но все же представительным было международное участие в секторе ВИЭ в Узбекистане, где наиболее значимую роль играли компании из ОАЭ и КНР [2; 5; 6; 12].

Якорными источниками кредитов, особенно на ранних стадиях развития ВИЭ, выступали западные международные финансовые институты, прежде всего Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития (АБР), Мировой банк, Международная финансовая корпорация [1; 5]. Впрочем, присутствовали и другие игроки, включая Евразийский банк развития.

Помимо займов, эти структуры играли существенную роль в создании рамочных условий масштабирования ВИЭ в Центральной Азии. Так, ЕБРР участвовал в формировании необходимой юридической базы в Казахстане, а при поддержке АБР для решения технико-экономических задач и повышения осведомленности властей относительно «зеленой» энергетики в 2012 г. был создан Международный институт солнечной энергии в Ташкенте [1; 2]. Мировой банк и ряд других структур с целью информирования властей,

бизнеса, банков и инвесторов и других заинтересованных сторон спонсировали исследования состояния и потенциала развития в регионе ВИЭ, включая анализ политических и социально-экономических вызовов и ограничений.

С середины 2010-х гг. начался рост китайских инвестиций в центральноазиатские ВИЭ. До конца десятилетия их объем оставался сравнительно небольшим – по экспертным оценкам, около 2,6% от суммы китайских вложений в Казахстане и до 4,3% – в Узбекистане [13]. Однако на фоне активизации региональной политики КНР наметился быстрый рост активности и в «зеленом» секторе. В частности, в 2023–2024 гг. Пекин заявил о проектах строительства 11 новых солнечных (СЭС) и ВЭС общей мощностью 5 ГВт и стоимостью около 4,5 млрд долл. [12]. Активны и китайские банки, кредитующие проекты компаний из КНР [11].

В отличие от ЕС, Китай также расширяет присутствие в обеспечивающих секторах. Так, Китайский институт электроэнергетического планирования и инжиниринга (EPRI) обязался инвестировать в образовательные проекты и создал СП с «Узэнергоинжиниринг» для предоставления услуг инжиниринга, планирования узбекистанской электроэнергетики и решения других задач [12; 14]. Обсуждаются планы строительства производственных мощностей для выпуска систем и компонентов ВИЭ.

Существенную роль в продвижении тематики ВИЭ и «зеленой» повестки в целом играли политики и различные официальные структуры ЕС, КНР и США. В частности, особенно после 2022 г. тематика ВИЭ и «зеленые» энергопроекты все более активно обсуждаются в рамках переговоров на высоком и высшем уровне между государствами региона и Германией, Францией, структурами ЕС. Евросоюз и США спонсируют исследования, связанные с развитием потенциала ВИЭ и рынками «зеленой» энергетики (см., например: [15; 16]). Интенсифицирует ВИЭ-дипломатию и Китай. В 2023–2024 гг. в ходе регионального турне Си Цзиньпина, а также переговоров в формате «Китай + Центральная Азия» и «Пояс и путь» обсуждались как общие вопросы партнерства в сфере ВИЭ, так и новые мегапроекты [12].

Новый уровень вовлеченности иностранных структур и политиков связан с развитием водородной энергетики. В Казахстане, который остается региональным лидером в данной сфере, интерес к развитию водородного потенциала стал значимым с 2021–2022 гг. [17; 18]. В частности, во взаимодействии с международными партнерами был создан Центр компетенций по водородной энергетике при Национальной компании «КазМунайГаз», а также реализованы другие мероприятия. В 2024 г. была утверждена Стратегия развития водородной энергетики.

Соответственно, с 2021–2022 гг. активизировались переговоры с международным и прежде всего европейским бизнесом (Германией, Италией, Испанией) [17]. Крупнейшим региональным проектом, находящимся в

процессе проработки, является водородный кластер “Hyrgasia One”, который германо-швейцарская “Svevind” предполагает создать в Казахстане. Как и в случае с другими ВИЭ, водородные проекты обсуждаются на высоком и высшем уровне, например, в ходе переговоров премьер-министра РК А. Смаилова и президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера в июне 2024 г.

Отдельным вопросом стали энергетические коридоры, по которым в будущем продукция «зеленой» электроэнергетики и водород из Центральной Азии будут поставляться в ЕС. Они должны повысить эко-«устойчивость» экономики Европы, обеспечить центральноазиатские государства новым источником инвестиций и доходов, а также повысить энергетическую безопасность сторон.

Вопрос впервые стал обсуждаться в середине 2010-х гг., в частности, в ходе оценки Стратегии Нового партнерства между ЕС и Центральной Азией (2007–2015/17 гг.). В 2019 г. проблематика ВИЭ и транспортировки «чистого» электричества в ЕС была включена в Стратегию связности ЕС и Азии и в документ Еврокомиссии «Партнерство ради процветания» [15]. Вопрос систематически поднимается на разных уровнях в рамках диалога ЕС и Центральной Азии.

Страны региона с энтузиазмом поддерживали новые предложения ЕС, видя в этом решение различных задач – от появления нового источника экспортных доходов до развития экономических и политических связей с Европой. Последнее обстоятельство стало особенно актуально после 2022 г. С 2023–2024 гг. заметно активизировались контакты между Казахстаном, Узбекистаном и Азербайджаном в отношении практических шагов для реализации данной идеи [19].

Весной 2024 г. на инвестиционном форуме в Ташкенте министры экономики и энергетики трех государств подписали Меморандум о сотрудничестве по интеграции энергетических систем. В июле того же года в Астане они завизировали протокол по проекту создания «зеленого» энергетического коридора «Центральная Азия – Азербайджан – Европа». 13 ноября в рамках климатического саммита COP29 в Баку главы Казахстана, Узбекистана и Азербайджана подписали Соглашение о стратегическом партнерстве в передаче «зеленой» энергии между странами, а министры – Исполнительную программу по сотрудничеству в области развития и передачи «зеленой» энергии с участием Саудовской Аравии.

Азербайджан тогда заявил о прокладке кабеля по дну Черного моря. Энергокоридоры предполагается создавать и в секторе водородной энергетики. В частности, водород (или его производные – аммиак или метанол) с электролизеров “Hyrgasia One” предполагается поставлять в ЕС.

Вопросы роста центральноазиатских ВИЭ как фактора развития национальных энергосистем, привлечения инвестиций и экспорта «зеленых» энергоресурсов в ЕС, казалось бы, органично дополняют друг друга, мотивируя элиты и обеспечивая базу для развития региональных экономик. То

же можно сказать о зарубежных партнерах, которые как будто получают «идеальное» решение – переход Центральной Азии на «зеленый» путь развития (борьба с глобальным потеплением), выгодные коммерческие проекты и чистые недорогие энергоресурсы будущего. Однако более детальный анализ ситуации позволяет поставить в отношении этой смелой гипотезы целый ряд вопросов.

Реалии «зеленой» энергетики в Центральной Азии

Дискуссия об экономической эффективности развития ВИЭ и систем получения «зеленого» водорода в Центральной Азии может быть разделена на несколько тем: вклад в решение проблем региональных энергосистем («технический» аспект энергобезопасности), потенциал экспорта, проблемы перехода к новой, «зеленой» экономической модели роста.

В первом случае, несмотря на впечатляющий в ряде случаев рост, роль ВИЭ в решении региональных проблем представляется неоптимальной. Устаревание генерационных мощностей, энергодефицит, необходимость борьбы с загрязнениями старых угольных предприятий, сохранение приемлемых ценовых параметров для населения и бизнеса и другие проблемы за счет ВИЭ в регионе решены быть не могут.

В ценовом отношении они остаются неконкурентоспособными – стоимость киловатт-часа в лучшем случае в 1,5–2 раза выше обычной генерации [1; 3; 7]. В обозримой перспективе эти системы могут развиваться только за счет субсидий, отвлекая ресурсы от других мероприятий, причем размер затрат будет непропорционально велик в силу высокого уровня социальных дотаций на электроэнергию и вопроса об избыточном огосударствлении рынков [1; 3].

При этом и само развитие мощностей ВИЭ оказывается сравнительно более дорогим, чем в развитых странах и КНР, ввиду удаленности от центров производства компонентов, дороговизны капитала и флуктуаций обменных курсов [3; 13]. Как следствие, по оценкам Мирового банка, полная декарбонизация энергогенерации Республики Казахстан с 2025 по 2060 г. потребует до 1,2 трлн долл. [7]. Таких денег у государств региона нет, что, в частности, отражается в более чем скромных официальных оценках доли госзатрат в развитии «зеленой» энергетики (по оценкам РК, например, – менее 5%).

Опора на частный сектор остро ставит вопрос о причинах инвестиционной привлекательности будущего роста ВИЭ. Даже допуская ценовой паритет ВИЭ и традиционной генерации к 2030-м годам, для этого требуется либо мощный экономический рост (которого сложно ожидать) и/или жизнеспособная экспортная стратегия (см. далее). При этом сектор ВИЭ в регионе сталкивается с огромным количеством барьеров, начиная от устаревшей инфраструктуры, не способной компенсировать вариативность

новой генерации и требующей расширения пропускной способности сетей, до регуляторных лагун [1; 2; 6; 7]. В силу высокой стоимости и сложности, о роли водородных технологий в развитии национальной энергетики стран региона вообще говорить не приходится, по крайней мере – на десятилетнюю перспективу.

Вопрос об экспорте еще менее очевиден. Документы и заявления по «зеленым» коридорам Центральная Азия – ЕС избегают целого ряда наиболее важных проблем. Неясны многие технические и экономические параметры прокладки мощной системы ЛЭП постоянного тока. Даже кратчайший маршрут из Казахстана и Узбекистана (не говоря о Таджикистане и Киргизии) в ЕС в идеальном случае имеет протяженность около 4000 км и проходит по сложному горному рельефу Закавказья и по дну Каспия и Черного моря.

Подобного рода проекты финансово и технически мог позволить себе только СССР, а ныне – Китай, и то не единомоментно. Но каким образом он будет реализован Евросоюзом – даже в логике частно-государственного партнерства – неясно, тем более, что включать китайские компании в качестве подрядчиков и инвесторов в эту схему никто явно не собирается, а сам Китай заинтересован, скорее, в привязке стран региона к своему рынку.

Далее, по чисто экономическим причинам основными потребителями «зеленого» электричества, скорее всего, станут страны Центральной и Северной Европы, которые расположены еще дальше от Центральной Азии. Однако они не испытывают заметного энергодефицита ни сейчас, ни на перспективу, равно как и нехватки ВИЭ. Вообще за скобками остается вопрос о стоимости «зеленого» электричества, которая бы сделала его приемлемым для ЕС, одновременно обеспечивая окупаемость инвестиций и значимые прибыли для центральноазиатских экономик.

Еще менее понятны водородные инициативы, например, та же “Hydrasia one”. К 2032 г. планируется строительство электролизеров мощностью до 20 ГВт и парка ВИЭ общей мощностью 40 ГВт, обеспечивающего их энергией. Для сравнения: это почти в два раза больше, чем вся энергогенерация Казахстана на начало 2024 г., а площадь кластера должна быть размером с землю Баден-Вюртемберг [7; 19]. Стоимость кластера оценивается в 50 млрд долл. При этом не до конца ясно, как водород или его производные попадут в ЕС, и сколько это будет стоить.

Если исходить из трассировки и стоимости так называемого Южного газового коридора, строительство трубо- или продуктопровода даже в идеальной ситуации будет стоить существенно более 50 млрд долл. (и это – если потребители будут находиться в Южной и Юго-Восточной Европе). Каков будет спрос в ЕС и цена на «зеленый» водород, хватит ли заявленных объемов для окупаемости проектов, остается загадкой. Ко всему прочему, остается открытым вопрос об источнике воды для электролиза [7]. В регионе, страдающем от нехватки водных ресурсов, таковым может стать разве что

Каспий, однако и тут неясно, насколько экологично и практично делать масштабные водозаборы из мелеющего моря.

Наконец в обоих случаях нет понимания в отношении источников инвестиций (по умолчанию – частных) и кредитов. Ни ЕБРР, ни Мировой банк, ни другие международные финансовые структуры не могут обеспечить необходимые финансовые ресурсы, а мейджоры финансового и энергетического сектора хранят благоразумное молчание.

Спорной представляется и идея о том, что ВИЭ и «коридоры» позволят странам региона перейти к новой, устойчивой модели экономического роста. В наиболее развитых экономиках «зеленое» развитие, с одной стороны, – производная мощной экономики, включая финансовый рынок и сектор инноваций и высоких технологий. С другой стороны, это стимул экономического роста через спрос на продукцию и услуги того же «хай-тека» и финансовых рынков, а также за счет повышения качества жизни как фактора формирования человеческого капитала. Однако, в отрыве от этих условий и в условиях неоптимальности институтов, «зеленая» энергетика скорее ведет к усиленному импорту овеществленного капитала и закредитованности без осязательного вклада в экономический рост (см., например: [13]).

Это тем более вероятно, что конвертация поддержки ВИЭ в развитие смежных секторов и институтов инновационной системы в Центральной Азии активно не обсуждается. По крайней мере, по открытым источникам не удастся идентифицировать ни значительных инвестиций, ни четко обозначенных планов развития венчурных экосистем «зеленых» технологий, специализированных технопарков, создания производств компонентов.

Сохраняются ограничения на развитие «зеленого» предпринимательства и на формирование технологических компетенций, которые до сих пор называются в числе важных ограничений «зеленого» роста [2; 3; 20; 21]. Иностранные игроки также не спешат локализовать технологии, и вряд ли ситуация радикально изменится к 2030-м годам с учетом скромного по мировым меркам масштаба рынков. С точки зрения развития финансовых рынков есть определенные подвижки [5], заметна роль Международного финансового центра «Астана», но вне прочих составляющих роста инновационных систем этого явно мало для подлинной «зеленой» трансформации.

Иными словами, как и любая хозяйственная активность, развитие «зеленой» энергетики будет оказывать определенное положительное влияние на экономику стран региона. Но ни экономической революции, ни решения ключевых энергетических задач на средне- и долгосрочную перспективу оно обеспечить не сможет. Этот тезис приводит к вопросу о том, нет ли у стейкхолдеров иных интересов в ускоренном развитии центральноазиатских ВИЭ за пределами достаточно скромных непосредственных эффектов, и каковы в этом случае их мотивы?

Мотивы развития ВИЭ в Центральной Азии: за пределами экономики

За пределами базовой экономической логики мотивы различных игроков в развитии «зеленой» энергетики в Центральной Азии определяются сложным комплексом политико-экономических соображений. Как и в других аналогичных случаях, наиболее понятны интересы коммерческих игроков. Даже если опустить очевидную максимизацию прибыли в условиях растущего рынка, важным фактором является «озеленение» инвестиционного портфеля и/или деятельности компаний в целом, в том числе, в логике так называемого зеленого камуфляжа (“greenwashing”). Наличие экоустойчивых проектов репутационно значимо для финансовых структур и бизнеса, особенно энергокомпаний [13].

Это, в частности, объясняет участие в центральноазиатских проектах ВИЭ таких компаний, как Shell, Total и российской «Лукойл». Репутационные соображения явно играют не последнюю роль и в инвестиционных стратегиях ближневосточных игроков, например эмиратского государственного акционерного общества «Масдар» (Abu Dhabi Future Energy Company), а также Саудовской Аравии и ОАЭ как партнеров крупных региональных проектов.

Впрочем, для энергетических компаний интерес к ВИЭ, судя по всему, отчасти определялся еще и интересами в сфере традиционных минеральных ресурсов [13]. Лояльность по отношению к официальному «зеленому» курсу стран присутствия, вероятно, позволяет им надеяться на лучшие условия для ведения бизнеса в будущем.

С точки зрения национальных элит, помимо привлечения инвестиций и других подобных соображений, значимую роль играют вопросы «нормализации» национальной повестки относительно доминирующих в мире «зеленых» дискурсов [1] – т. е. опять же инвестиции в репутацию и в хорошие связи с западными странами и КНР.

Что касается КНР, ЕС и США, то, как представляется, их интерес к региональным ВИЭ как минимум частично определяется соображениями влияния. Так, КНР выстраивает свое участие в развитии региональных ВИЭ в рамках Инициативы «Пояс и путь», явно реализуя универсальную стратегию поощрения спроса на китайские товары и услуги, контроля над местными рынками через инвестиции и кредиты для инфраструктурных проектов.

За пределами традиционных экономических интересов и глобальной «зеленой» повестки аналогична мотивация ЕС и США. Это косвенно подтверждается тем, что ЕС и западноевропейские страны активно продвигают «зеленые» проекты на всех уровнях, вплоть до проведения оценки оптимальной трассировки будущих линий ЛЭП [15]. И это при том, что, повторимся, экономика ВИЭ и «зеленых» энергокоридоров на данный момент не очевидна или попросту неопределима. Объяснить столь сильные акценты

лишь романтическими, в том числе экологическими соображениями, не представляется возможным.

Частично аналогичные соображения можно высказать и в отношении ближневосточных игроков. Поскольку они не обеспечивают значимых рынков сбыта для региональных товаров и, таким образом, не имеют возможности «привязать» страны Центральной Азии через механизмы спроса как ЕС или КНР, они, как представляется, операционализируют «зеленые» инвестиции как фактор влияния – опять же, пользуясь высокой степенью актуализации этой темы для элит региона.

Такой формально необычный, а в реальности достаточно очевидный микс соображений позволяет сделать некоторые выводы относительно ситуации в Центральной Азии и, шире, в секторе ВИЭ развивающихся стран.

Заключение

Как для национальных элит, так и для сторонних игроков интерес к развитию ВИЭ в Центральной Азии определяется влиянием различных политических и экономических факторов. Помимо собственно энергетических, экономических и экологических («зеленая» повестка) расчетов, большое значение для внутренних стейкхолдеров и внешних игроков играют репутационные и политические соображения.

Между тем налицо выраженная асимметрия избранного странами региона курса. Не будучи дополнено – как в КНР, ЕС и США – усилиями по локализации производств, НИОКР, формированием институтов предпринимательства и институтов национальной инновационной системы, развитие ВИЭ не может привести к решению энергетических и, главное, экономических задач. Вместе с тем оно провоцирует новые вызовы, в том числе связанные с отвлечением инвестиционных ресурсов и бюджетных средств, необходимых для развития энергосистем и решения иных проблем.

Отсутствие комплексной стратегии приводит также к абсолютизации значения объемного роста «зеленой» энергетики и технологическому детерминизму. Новые ВИЭ начинают рассматриваться едва ли не как самоцель при том, что наиболее оптимистичный сценарий развития воспринимается как данность. Эта вера усиливается надеждами на огромные инвестиции и доступ к емким «зеленым» рынкам развитых стран, что, как предполагается, поддержит экономическую трансформацию Центральной Азии.

В свою очередь, подобные убеждения создают возможности расширенной операционализации «зеленой» энергии и энергокоридоров для проекции влияния со стороны стран-инвесторов и партнеров в сфере ВИЭ. Прежде всего, речь идет о ЕС и КНР, а также частично – о ближневосточных игроках. Следует отметить, что, хотя геополитические мотивы традиционно приписываются крупным углеводородным проектам (в том числе контроль

рынков или «энергошантаж» и «трубопроводная дипломатия»), они актуальны и для ВИЭ, и для электросетевого хозяйства (см., например: [22; 23]).

Поскольку центральноазиатские элиты возлагают на ВИЭ и «зеленые» энергокоридоры высокие ожидания как экономического, так и репутационного характера, а также вполне справедливо видят в них фактор углубления диалога с международными партнерами, «зеленая» энергетика оказывается эффективным проводником влияния Европы, Китая и других стран даже на уровне нарративов и международного диалога.

Само по себе это не трагично, а местами даже удобно для реализации определенных региональных целей и задач. Однако избыточная политизация и без того сложной проблемы создает дополнительные проблемы для развития региональных ВИЭ и «зеленой» экономики, не обеспечивая преодоления ее главного провала, а именно, формирования инновационных систем и иных экономических институтов.

Таким образом, несмотря на дальнейший рост ВИЭ в Центральной Азии и связанные с ним экономические эффекты, потенциал «зеленой» трансформации региона будет реализован лишь частично, причем на фоне увеличения рисков зависимости от крупных иностранных держав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Shadrina E. Renewable Energy In Central Asian Economies: Role In Reducing Regional Energy Insecurity. ADBI Working Paper Series. No. 993. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2019. URL: <https://www.adb.org/publications/renewable-energy-central-asian-economies> (дата обращения 01.12.2024).
2. Laldjebaev M., Isaev R., Saukhimov A. 2021. Renewable energy in Central Asia: An overview of potentials, deployment, outlook, and barriers // Energy Reports. Vol. 7. P. 3125–3136. DOI: 10.1016/j.egyr.2021.05.014
3. Жильцов С.С. 2021. Принципы «зеленой экономики» в политике стран Центральной Азии // Вестник Дипломатической Академии МИД России. Россия и мир. № 3 (29). С. 70-85.
4. Абдумуминов А., Костюченко А., Назаров О., Иброхимова И. 2022. Правовая основа развития зеленого предпринимательства в странах Центральной Азии // Iqtisodiyot: tahlillar va prognozlar. № 4 (20). С. 69-74.
5. Каримов М., Худойбердиев И. 2022. Современное состояние развития «Зеленого» бизнеса в странах Центральной Азии // Iqtisodiyot: tahlillar va prognozlar. № 4 (20). С. 28-34.
6. CAREC Energy Outlook 2030. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2022. URL: <https://www.adb.org/publications/carec-energy-outlook-2030> (дата обращения 01.12.2024).

7. Ситов И.П., Громская Н.А. 2024. О потенциале развития ВИЭ в Республике Казахстан // Экономика и управление: проблемы, решения. № 3. Т. 6. С. 62-74. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2024.03.06.008
8. ПРООН представила результаты проекта по снижению рисков инвестиций в сектор зеленой энергетики в Казахстане. ПРООН Казахстан. 13.08.2024. URL: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/press-releases/proon-predstavila-rezultaty-proekta-po-snizheniyu-riskov-investitsiy-v-sektor-zelenoy-energetiki-v-kazakhstane> (дата обращения 01.12.2024).
9. Доля ВИЭ в выработке электроэнергии в Узбекистане достигнет 18% к концу 2024 года – министр // Газета.uz. 14.05.2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/14/renewable/> (дата обращения 01.12.2024).
10. Renewable Energy Auctions In Kazakhstan. 2018-2019 Results. US Agency For International Development, Kazakhstan Electricity and Power Market Operator JSC (KOREM JSC). Nur-Sultan, 2020. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PA00X2D6.pdf (дата обращения 01.12.2024).
11. Клеменкова К., Батыршин Т. Китай построил под Алматы ветропарк, который обеспечит энергией 60 тысяч домов. Но дешевой она не будет // Informburo.kz. 13.09.2022. URL: <https://informburo.kz/fotoreportazh/kitaj-postroil-pod-almaty-vetropark-kotoryj-obspechit-energiej-60-tysyach-domov-no-deshyovoj-ona-ne-budet> (дата обращения 01.12.2024).
12. Ионова Е. 2024. Векторы экономического сотрудничества Узбекистана и Китая // Россия и новые государства Евразии. № I (LXII). С. 160-173. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-1-160-173
13. Shadrina E. 2020. Non-Hydropower Renewable Energy in Central Asia: Assessment of Deployment Status and Analysis of Underlying Factors // Energies. Vol. 13. N.11. P. 2963. DOI:10.3390/en13112963
14. JSC “Uzenergoengineering” agreed with Chinese partners to create a joint venture and establish an international educational institution // Ministry Of Energy Of The Republic Of Uzbekistan. 31.01.2024. URL: <https://minenergy.uz/en/news/view/3636> (дата обращения 01.12.2024).
15. Ardelean M., Minnebo P., Gerbelová H. Optimal paths for electricity interconnections between Central Asia and Europe. Report by the Joint Research Centre (JRC). Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC119698/centralasia-to-europe_final.pdf (дата обращения 01.12.2024).
16. Руководство для инвесторов по реализации проектов возобновляемых источников энергии в Казахстане. Региональная программа USAID «Энергия будущего». Министерство энергетики Республики Казахстан, Агентство США по международному развитию (USAID). 2020. URL: https://vie.korem.kz/uploads/Руководство%20для%20инвесторов%20по%20реализации%20проектов%20ВИЭ%20в%20Казахстане_2020_USAID_свод_final_July%202020.pdf?ysclid=m4nez3byv365711353 (дата обращения 01.12.2024).

17. Zholdayakova S., Abuov Y., Zhakupov D., Suleimenova B., Kim A. Toward Hydrogen Economy in Kazakhstan. ADBI Working Paper 1344. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2022. URL: <https://doi.org/10.56506/IWLU3832> (дата обращения 01.12.2024).
18. Низкоуглеродное производство водорода в странах СНГ и его роль в развитии водородной экосистемы и экспортного потенциала. United Nations Economic Commission For Europe. Серия публикаций ЕЭК ООН по энергетике No. 77. Geneva: United Nations, 2023. URL: https://unece.org/sites/default/files/2023-04/RU_Sustainable%20Hydrogen%20Production%20Pathways_final.pdf (дата обращения 01.12.2024).
19. Главы Узбекистана, Азербайджана и Казахстана дали старт проекту передачи «зеленой» энергии // Газета.uz. 13.11.2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/11/13/green-energy/> (дата обращения 01.12.2024).
20. Сметанина А.И. 2022. Вклад «зеленого» предпринимательства в декарбонизацию экономики Центральной Азии и России // Экономика Центральной Азии. Том 6. Номер 2. С. 111-126. DOI: 10.18334/asia.6.2.114948
21. Абдумуминов А., Костюченко А., Назаров О., Иброхимова И. 2022. Правовая основа развития зеленого предпринимательства в странах Центральной Азии // Iqtisodiyot: tahlillar va prognozlar. № 4 (20). С. 69-74.
22. Vakulchuk R., Overland I., Scholten D. 2020. Renewable energy and geopolitics: A review // Renewable and Sustainable Energy Reviews. Vol. 122. P. 1-12. DOI: 10.1016/j.rser.2019.109547
23. Westphal K., Pastukhova M., Pepe J.M. Geopolitics of Electricity: Grids, Space and (political) Power. Deutsch SWP Research Paper. 2022/RP 06. Stiftung Wissenschaft und Politik, 2022. DOI:10.18449/2022RP06.

А. Мигранян, И. Кришталъ

**ЭКОНОМИКА ТАДЖИКИСТАНА:
ФАКТОРЫ РОСТА НА ФОНЕ НИЗКОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-120-132

Мигранян Аза (Азгануш) Ашотовна, доктор экономических наук, профессор, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), заведующая Сектором экономических исследований Центра постсоветских исследований, ORCID 0000-0001-6014-5955, n.mihranyan@yandex.ru

Кришталъ Игорь Семенович, кандидат экономических наук, доцент, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ORCID 0000-0003-1720-0132, klio1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.07.2024. Одобрена после рецензирования 09.12.2024. Принята к публикации 13.12.2024.

Аннотация: Непрерывающаяся турбулентность в мировой экономике и финансах, рост геополитической конкуренции в глобальном масштабе обуславливают важность усиления регионального вектора кооперации. Для России в условиях раскручивания против нее санкционной спирали особое значение имеет переориентация торговых потоков в сторону дружественных государств и всестороннее наращивание сотрудничества с соседями по региону. В этом контексте особый интерес представляет Центрально-Азиатский регион и, в частности, перспективы укрепления взаимодействия с Таджикистаном, экономика которого отличается высокими темпами роста, а также значительной адаптивностью. В статье дается общий обзор социально-экономической ситуации в республике в 2020–2022 г., с более детальным анализом показателей 2023 г. Отдельное внимание в статье уделяется основным рискам, которым подвержена экономика республики на текущем этапе развития, также указывается потенциал для роста экономики. В качестве результата проведенного исследования авторы представляют рекомендации по дальнейшему развитию сотрудничества с Таджикистаном.

Ключевые слова: Таджикистан, Центральная Азия, экономическое сотрудничество, социально-экономическое развитие, макроэкономический анализ.

**ECONOMY OF TAJIKISTAN: GROWTH FACTORS AGAINST THE
BACKGROUND OF LOW STANDARDS OF LIVING**

Aza (Azganush) A. Migranyan, Dr. Sci. (Economics), Professor, IMEMO (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of the Center for Post-Soviet Studies,

ORCID 0000-0001-6014-5955, a.migranyan20@gmail.com

Igor S. Krishtal, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, IMEMO (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher of the Center for Post-Soviet Studies,

ORCID 0000-0003-1720-0132, kliohe@gmail.com

Received 29.07.2024. Revised 09.12.2024. Accepted 13.12.2024.

Summary: The ongoing turbulence in the world economy and finance, the growth of geopolitical competition on a global scale determine the importance of strengthening the regional vector of cooperation. The reorientation of trade flows towards friendly states and the comprehensive expansion of cooperation with neighbors in the region are of particular importance for Russia when it faces massive sanctions against it. In this context, the Central Asian region, and particularly the prospects for strengthening cooperation with Tajikistan, whose economy is characterized by high growth rates and considerable adaptability, are of great interest. The article gives an overview of their socio-economic situation during the period of 2020-2022, and the development of the republic's economy in 2023 is studied in more detail. The article pays special attention to the main risks to which the economy of Tajikistan is exposed at the current stage of its development as well as the potential for economic growth. As a result of the study, the authors present recommendations for further development of cooperation with Tajikistan.

Keywords: Tajikistan, Central Asia, economic cooperation, socio-economic development, macroeconomic analysis.

Особенности экономической модели страны

В условиях открытого противостояния коллективного Запада с Россией все большее внимание привлекает Центральная Азия (ЦА), активно встраивающаяся в систему мирохозяйственных связей. Меньшая степень интегрированности экономики региона в глобальные цепочки позволяет ряду государств ЦА в сложившихся условиях получать значительные дивиденды. Так, например, конъюнктура мирового и регионального рынков, вкупе с конкурентными преимуществами (небольшие масштабы экономики, определяющие управляемость экономической системы, высокая адаптивность,

развитость предпринимательской среды), позволяют Таджикистану ежегодно достигать показателей экономического роста в 5–7%

Экономическая модель Таджикистана по своим масштабам и структуре схожа с киргизской – республика также располагает хорошей ресурсной базой по запасам драгоценных и цветных металлов (золото, серебро, цинк, свинец, алюминиевые руды и т. п. [1]), а хозяйственная система характеризуется преобладанием мелкотоварного производства (особенно в сельском хозяйстве), снижением уровня промышленного потенциала, рисками роста энергодефицита.

Однако, в отличие от Кыргызстана, внутренний дефицит электроэнергии в Таджикистане не покрывается за счет собственных ресурсов. С 2007 г. сохраняется режим веерных отключений до 3–6 часов в сутки, особенно в северных областях. А электроэнергия, вырабатываемая вводимыми новыми мощностями гидрогенерации Рогунской ГЭС, практически полностью экспортируется, о чем свидетельствуют растущие показатели экспорта (с 34,9 тыс. долл. в 2019 г. до 106,8 тыс. долл. в 2022 г. [2]).

В сравнении с киргизской моделью экономики, Таджикистан отличается более низким уровнем развития промышленного потенциала, большей трудоизбыточностью с низким уровнем квалификации трудовых ресурсов, а также неразвитостью рыночных институтов и предпринимательства. Эти факторы, в сочетании со значительными входными барьерами на внутренний рынок, обуславливают высокий уровень бедности (согласно данным МВФ, по итогам 2023 г. более 12,4% населения республики находится за чертой бедности¹) и безработицы – около 7% [3] (в Кыргызстане соответственно около 5% [4]), что позволяет относить хозяйственную систему Таджикистана к наиболее слабым экономикам региона.

Фискальный дефицит, хотя он остался ниже среднесрочного целевого показателя правительства в 2,5% ВВП, находится в зоне риска, так как в 2022 г. темп его прироста составил 0,7%.² Доходы в 2022 г. выросли с 27,8% ВВП до предполагаемых 29,5%, что отражает улучшение налогового администрирования и отложенный эффект изменений налогового кодекса, несмотря на снижение ставки налога на добавленную стоимость (НДС) в 2023 г. до 14% и освобождение импортируемых электроавтомобилей от НДС и акцизов.

Хотя в последнее десятилетие темпы роста в Таджикистане превышали 7% в год, страна остается самой бедной в Европе и в Центральной Азии: в 2022 г. валовой национальный доход на душу населения составлял 1210 долл. (по методу Атласа), а 12,4% домохозяйств жили за чертой бедности (по методике Всемирного банка для стран с уровнем дохода ниже среднего).

¹ Уровень расходов составляет 2 долл. (по паритету покупательной способности) в день.

² Здесь и далее используются данные национальных статистических комитетов, если не указано иного.

Основными сдерживающими факторами остаются рыночные барьеры, слабое развитие необходимых институтов и отсутствие конкурентоспособности трудовых ресурсов. Производительность труда в Таджикистане низкая, частный сектор создает мало рабочих мест. Республика зависит от трудовой миграции, в основном – в Россию, и от экспорта природных ресурсов, прежде всего металлов (руды и концентратов драгметаллов – 31,4%, золота – 30,8%, меди – 0,18%, свинца – 0,5%), а также минералов (цемента – около 2%), хлопка-волокна – 8,35% и пряжи хлопчатобумажной – 2%.

Кратко- и среднесрочные приоритеты правительства включают устранение барьеров на пути развития частного сектора, повышение прозрачности и подотчетности государственного сектора для улучшения качества услуг, в том числе на государственных предприятиях, а также принятие мер по обеспечению устойчивости к климатическим потрясениям.

Социально-экономическая ситуация в 2020–2022 гг.

Рост реального ВВП Таджикистана в 2020 г. составил 4,4% [5], что ниже показателя 2019 года в 7,4%, однако на общемировом уровне это является довольно высоким показателем, учитывая общий спад экономики в период наиболее значимых коронавирусных ограничений. По данным Азиатского банка развития, инфляция в Таджикистане, по сравнению с 8% в 2019 г., в 2020 г. ускорилась до 9,4%. Основной рост цен, как и в большинстве соседних стран, пришелся на продукты питания [6]. Положение населения усугублялось ростом безработицы как в республике, так и среди трудовых мигрантов. Несмотря на то, что к концу 2020 г. подавляющее число трудовых мигрантов возобновили работу, общий объем денежных переводов в республику значительно снизился. Так, объем трансграничных переводов из РФ, одного из основных реципиентов трудовых мигрантов Таджикистана, снизился примерно на 32,5% относительно уровня 2019 г.

Доля промышленности в ВВП составила 23,1%, увеличившись почти на 2% по сравнению с 2019 г. Аналогичная ситуация сложилась в сельскохозяйственном секторе – его доля в ВВП в 2020 г. составила 22,7% по сравнению с 20,9% в 2019 г. Экспорт в 2020 г. вырос почти на 20% (в основном за счет золота), импорт сократился на 5,9%.

Необходимость усиления социальной поддержки и связанные с этим внешние кредиты привели к увеличению государственного долга Таджикистана с 44,9% ВВП в 2019 г. до 49,5 в 2020 г. Дефицит бюджета достиг 4,3% ВВП, вдвое превысив показатель предшествующего года. Показатель прямых иностранных инвестиций по итогам года также снизился на 53% относительно значений 2019 г. [7].

Рост реального ВВП в 2021 г. значительно ускорился, составив рекордные 9,4%, в основном за счет увеличения экспорта по мере восстановления деловой активности и смягчения коронавирусных ограничений у государств-партнеров. Инфляция по итогам года замедлилась до 8%, что соответствует целевым значениям Национального банка Таджикистана. В отличие от 2020 г., основной рост цен в 2021 г. пришелся на непродовольственные товары, что стало следствием логистического кризиса, вызванного пандемией. Объем трансграничных переводов по сравнению с 2020 г. увеличился, однако не достиг уровня 2019 г. Объем трансграничных переводов из России вырос на 3,5%, до уровня в 1,8 млрд долл.

Доля промышленности в ВВП по сравнению с 2020 г. увеличилась на 0,7% до 23,8%. При этом общий рост промышленного сектора составил 22% (в 2020 г. – 9,7%) [8]. Доля сельского хозяйства в ВВП относительно показателя 2020 г. осталась практически без изменений, составив 22,4%

Следует отметить значительный рост внешнеторговых операций Таджикистана в 2021 г., хотя привести точные данные затруднительно ввиду значительных расхождений в публикуемых статистических материалах. Так, согласно данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан экспорт вырос на внушительные 52,8%, а согласно данным сервиса Trademap – на 36%. Данные по импорту республики в большинстве источников представляются достаточно однородными и свидетельствуют о росте на 33,6% в денежном выражении. Основными драйверами роста экспорта стало золото, а также руды свинца, цинка и меди.

Дефицит государственного бюджета сократился примерно до 0,7% ВВП, что значительно меньше показателя годом ранее – 4,3%. Госдолг также снизился до уровня в 42,8% ВВП.

В 2022 г. рост реального ВВП Таджикистана по сравнению с 2021 г. замедлился, оставаясь, однако, на уровне 8%. Несмотря на глобальные геополитические шоки, инфляция в Таджикистане, по сравнению со значениями 2021 г., значительно снизилась, составив 4,2%. Согласно данным Всемирного банка, трансграничные переводы в Таджикистан достигли беспрецедентного уровня в 49,9% ВВП [9], компенсируя неблагоприятную в целом экономическую конъюнктуру и позволяя поддерживать потребительскую активность на высоком уровне.

Доля промышленности в ВВП составила 23,49%, незначительно снизившись относительно показателей 2021 г. Общий рост промышленного сектора также замедлился из-за перестройки глобальных логистических цепочек в результате беспрецедентного санкционного давления на Россию и составил 15,4%. Доля сельского хозяйства увеличилась до 22,9% ВВП.

Внешнеторговые показатели в 2022 г. также отличались существенным разбросом в разных источниках: согласно данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, экспорт остался практически неизменным, сократившись приблизительно на 0,4%, однако, по данным

сервиса Trademap, этот показатель вырос примерно на 30% [2], в значительной степени в результате увеличения экспорта медной руды. В импорте отмечался уверенный рост, составивший примерно 22,8% относительно показателя 2021 г. за счет увеличения закупок нефти и нефтепродуктов.

После двух лет стабильного снижения дефицита бюджета республики в 2022 г. он снова увеличился в 2 раза относительно значений 2021 г., достигнув 1,4% ВВП. Госдолг Таджикистана в 2022 г. продолжал снижаться, составив 34,2% ВВП [10].

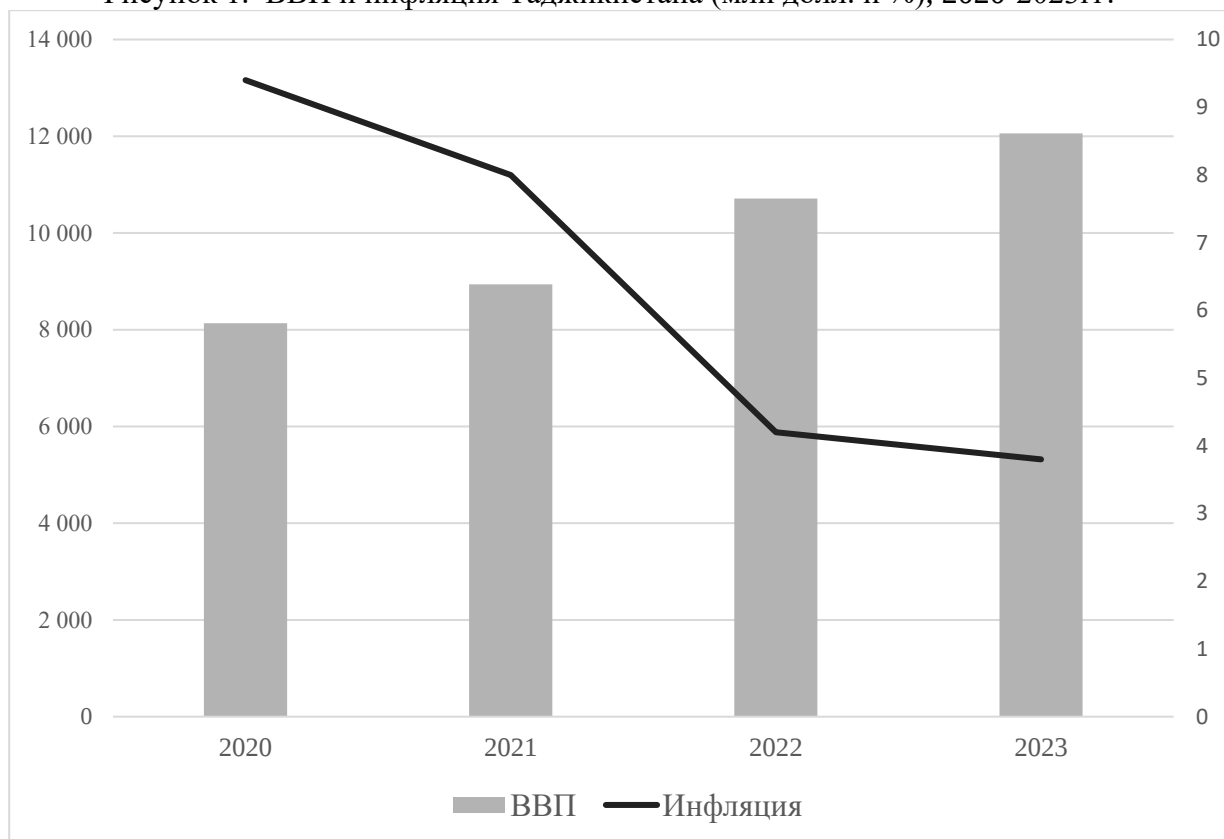
Макроэкономическая ситуация в Таджикистане в 2023 г.: потенциал, риски, социальная стабильность

Экономический рост Таджикистана в 2023 г. составил 8,3% по сравнению с 2022 г., что соответствует тренду устойчивого десятилетнего опережающего роста (ускорение темпов роста ВВП с 2014 г. более 7%, рис. 1). Декомпозиция ВВП по спросу показывает, что, как и в прежние периоды, драйвером экономики республики были частное потребление (доля домохозяйств, получающих денежные переводы, выросла незначительно – с 17% в 2022 г. до 18% в 2023 г.³, реальная заработная плата в стране в 2023 г. составила 107% к предыдущему году) и государственные инвестиции. Однако устойчивость тенденции экономического роста не позволила республике перейти к качественным изменениям: уровень бедности остается самым высоким среди стран ЦА (1210 долл. ВВП на душу населения, 12,4% домохозяйств остаются ниже уровня бедности⁴, уровень бедности снизился с 12,4% в 2022 г. до 10,7% в 2023 г.).

³ Более 80% денежных переводов используются для потребления продуктов питания и около 10% для других основных потребностей, таких как здравоохранение, жилье и образование.

⁴ Методика Всемирного банка с уровнем доходов до 3,65 доллара США (ППС 2017 года).

Рисунок 1. ВВП и инфляция Таджикистана (млн долл. и %), 2020-2023гг.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD и агентства по статистике при президенте Республики Таджикистан

Проблема высокого уровня бедности обусловлена тем, что приращение количественных показателей в республике связано преимущественно с экстенсивными факторами (рост доходов населения и, соответственно, спроса домохозяйств формируется преимущественно за счет денежных переводов мигрантов, а не увеличения количества рабочих мест и повышения производительности труда, роста экспорта сырьевых продуктов в стоимостном измерении). Малые масштабы и низкий уровень отраслевой диверсификации экономики обуславливают ограниченность потенциала развития, что предопределяет ситуационный подход в стратегии экономического развития республики.

Основные направления стратегии развития Таджикистан формирует под эгидой программ помощи МВФ (программа развития предпринимательской среды, развития малого и среднего бизнеса и женского предпринимательства, формирования прозрачности государственного сектора, повышения качества

госуслуг, экологической устойчивости), которые не оказывают влияния на изменение отраслевой структуры экономики.

Таджикистан устойчиво сохраняет высокий уровень зависимости от денежных переводов мигрантов (30–35% от ВВП республики, 32% в 2023 г.), в 2022 и 2023 гг. миграция рабочей силы была значительно выше, чем в предыдущие годы. В 2023 г. объем денежных переводов увеличился на 14% по сравнению с предыдущими годами, при этом к середине 2023 г. доля домохозяйств, получающих денежные переводы, достигла 22%. Положение с занятостью мигрантов за рубежом было достаточно стабильным – в 2023 г. 92% из них работали. В начале 2023 г. доля домохозяйств, способных откладывать деньги, составляла 28%, в третьем квартале она снизилась до 8%, а в ноябре 2023 г. наблюдалось ее увеличение до 20%.

Рост сельского хозяйства повысился с 8,0% в 2022 г. до 11,6% в 2023 г. за счет увеличения производства фруктов на 15,2% и зерна на 10,7%, а также наращивания объемов производства яиц и мяса, связанного с открытием в 2023 г. 54 новых микро-, малых и средних предприятий. Темпы прироста строительства ускорились с 11,4% в 2022 г. до 12,5% в 2023 г., поскольку расширение производственных мощностей стимулировало дополнительные объемы строительства для промышленности, а упрощение банковского кредитования способствовало расширению масштабов жилищного строительства. Темпы роста промышленного производства снизились вдвое – с 15,4% в 2022 г. до 8,1% в 2023 г. из-за перебоев с поставками сырья для крупных инфраструктурных проектов.

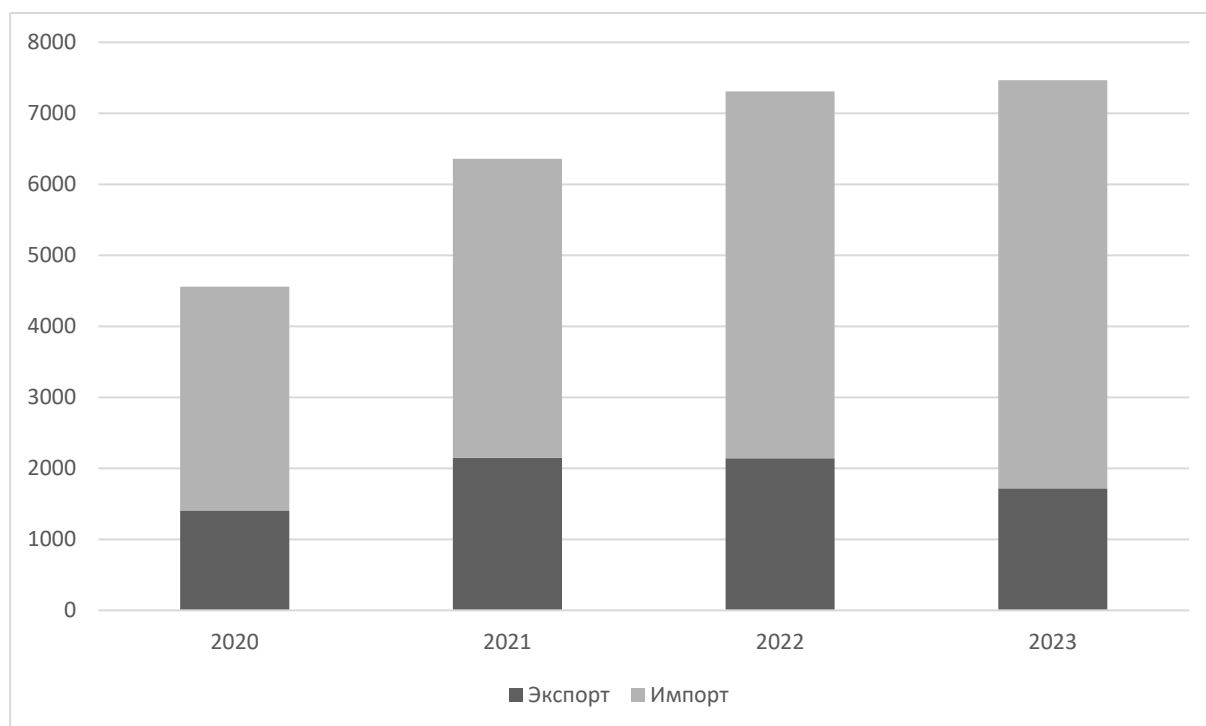
Наблюдается замедление роста в секторе услуг с 16,0% в 2022 г. до 13,6% в 2023 г. в связи с сокращением грузоперевозок и грузооборота ввиду осложнений в трансграничной торговле с Афганистаном и Кыргызской Республикой.

Основным фактором расширения потребительского спроса стал рост покупательной способности населения. Инвестиции выросли с 11,4% в 2022 г. до 15,8% в 2023 г. в основном в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, в транспортной сфере, в образовании и здравоохранении.

Несмотря на снижение объема денежных переводов, частное потребление увеличилось за счет повышения доступности потребительских кредитов. Государственные инвестиционные расходы в 2023 г. выросли на 24,4%, превысив темпы 2022 г. на 18,0%, и достигли 7,9% ВВП.

Внешнеторговый оборот стал еще более дефицитным, несмотря на повышение темпов роста экспорта, поскольку его объем значительно ниже объема импорта (см. рис.2).

Рисунок 2. Внешнеторговый оборот Таджикистана (млн долл.), 2020-2023 гг.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD и агентства по статистике при президенте Республики Таджикистан

Инфляция потребительских цен в 2023 г. составила в среднем 3,7%. Низкий уровень инфляции поддерживался умеренным обесцениванием национальной валюты, административным контролем за ценами, высоким уровнем сельскохозяйственного производства и снижением цен на топливо. Национальный банк Таджикистана постепенно смягчает денежно-кредитную политику, снижая учетную ставку с 13 до 10% в 2023 г. и до 9,5% в феврале 2024 г.

Дефицит бюджета на 2023 г. оценивается в 1,4% ВВП, что аналогично показателю 2022 г. Благодаря активной экономической деятельности и улучшению налогового администрирования налоговые поступления увеличились с 18,5% в 2022 г. до 19,2% ВВП в 2023 г. Бюджетные расходы выросли с 28,5 до 30,8% ВВП, в основном за счет расходов на энергетику, образование и связь.

С июля 2023 г. власти улучшили адресную социальную помощь посредством более эффективного выявления уязвимых домохозяйств и повысили размер выплат для домохозяйств с большим количеством детей. Дефицит бюджета финансировался преимущественно за счет внешних

источников. Таджикистан подвержен высокому риску долгового кризиса (в основном за счет погашения основной суммы долга по еврооблигациям и кредитам МВФ по программе быстрого кредитования в 2025–2027 гг.), однако в среднесрочной перспективе ситуация остается стабильной.

Профицит счета текущих операций оставался устойчивым и составлял 5,7% ВВП. Переводы в страну сократились после пика в 2022 г., что компенсировалось ростом экспорта золота до 9,5% ВВП (с 4,9% в 2022 г.). Приток ПИИ оставался незначительным и составлял менее 1% ВВП. Валовые международные резервы на конец 2023 г. составили 3,6 млрд долл., что несколько ниже уровня в 3,8 млрд долл. на конец 2022 г.

Фискальный дефицит увеличился в 2 раза и составил 2,1% в 2023 г., но остался ниже среднесрочного целевого показателя правительства в 2,5% ВВП, что обусловлено ростом расходов на образование, культуру и медицинские услуги. Позитивным фактором стал понижающийся тренд по государственному долгу на 4% за год и по внутреннему долгу на 6,5% от уровня ВВП в 2023 г.

В условиях ослабления инфляционного давления Национальный банк Таджикистана снизил учетную ставку с 13% в 2022 г. до 11% в феврале 2023 г. и далее до 10% в мае, что по-прежнему значительно превышает уровень инфляции. Сомони обесценился на 7,4% по отношению к доллару США, несмотря на интервенции Национального банка, но укрепился на 15,5% по отношению к российскому рублю.

Банковская система республики оставалась устойчивой, несмотря на некоторое ухудшение показателей финансовой устойчивости. Счет текущих операций после нескольких лет профицита вернулся к дефициту в 1% ВВП, поскольку увеличился дефицит товарной торговли. Благодаря высоким темпам роста внутреннего производства и потребления импорт вырос на 13,8%, или на 713 млн долл., в то время как экспорт увеличился на 14,3%, или на 406 млн долл. – до 2,45 млрд долл.

Наращивание экспорта отражает удвоение темпов роста экспорта золота и других драгоценных металлов, а также увеличение экспорта текстиля и одежды на 6,6%, электроэнергии на 3,9% и других товаров. Этот рост компенсировал 19% падения экспорта машин, что отразило замедление роста обрабатывающей промышленности (за исключением текстильной отрасли). После необычного всплеска в 2022 г., вызванного высоким спросом на труд мигрантов со стороны РФ, объемы денежных переводов снизились до уровня начала 2021 г. и, по оценкам, в 2023 г. составили 35% ВВП по сравнению с 49,2% в 2022 г. Снижение валовых международных резервов повышает риски международной ликвидности, но они остаются в пределах допустимых норм (полугодовое покрытие импорта).

Хотя уровень капитализации банковского сектора достаточно высок, качество активов относительно низкое. На конец 2023 г. отношение капитала к активам, оцененным с учетом риска, составляло 21,3%, что значительно выше

минимального требования в 12%. Доля неработающих кредитов (NPL) в общем объеме кредитов остается высокой и составляет 12,7% на конец 2023 г., по сравнению с 12,2% на конец 2022 г.

Перспективы развития сотрудничества России с Таджикистаном

Перспективы сотрудничества России с Таджикистаном обусловлены малым потенциалом экономики республики, низким уровнем развития рыночных институтов, высокими входными барьерами на внутренний рынок и неразвитой финансовой сферой.

- Рост экономики Таджикистан в 2023 г. основывался преимущественно на увеличении частного потребления, что в совокупности с устойчивым ростом численности населения говорит о стабильном расширении емкости рынка. Такая ситуация обеспечивает возможности наращивания торговли между Таджикистаном и РФ. Необходимо разработать комплекс мер, способствующих повышению конкурентоспособности российских компаний на местных рынках.

- Растущий интерес правящих кругов республики к гидроэнергетике (в 2025 г. планируется запуск третьего блока Рогунской ГЭС), а также увеличение расходов на энергетику в структуре ВВП в 2023 г. говорит о значительном потенциале сотрудничества в энергетическом секторе. Помимо инфраструктурных проектов для переработки нефти, сети российских заправок ГСМ и газа, перспективной представляется реализация совместных проектов строительства и последующего обслуживания ГЭС, АЭС и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [11].

- Отдельное внимание следует обратить на сотрудничество в транспортной сфере: участие в строительстве и обслуживании новых МТК, создание и развитие обслуживающих железнодорожный и автомобильный транспорт сервисных компаний, участие российских компаний в модернизации аэропортов регионального и международного значения, а также цифровизация управления транспортными потоками на базе российских технологий, подключение Таджикистана к системе электронного документооборота ЕАЭС.

- В связи с ожидаемым замедлением роста сельского хозяйства, вызванным повышением цен на воду и снижением мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, целесообразным станет развитие совместных инфраструктурных (модернизация действующей системы полива) и логистических (сортировочные логистические хабы по закупке и экспорту сельскохозяйственной продукции в РФ) проектов, нацеленных на повышение эффективности сельскохозяйственного сектора. В частности, речь может идти о создании складской и распределительной инфраструктуры. Также возможно сотрудничество в поставках семян и использовании биотехнологий.

- Темпы роста промышленного производства Таджикистана в 2023 г. снизились вдвое. Основной проблемой стали перебои в поставках сырья. Параллельно с этим наблюдается значительный рост инвестиций в добывающей и обрабатывающей промышленности. Сложившиеся в республике условия позволяют говорить о возможности увеличения поставок сырья для крупных инфраструктурных проектов, а также создания совместных проектов в сфере добычи и переработки сырья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Главное управление геологии при Правительстве Республики Таджикистан. URL: <http://www.gst.tj/glavnaya/prirodnye-resursy> (дата обращения 15.07.2024).
2. Торговая статистика для развития международного бизнеса // Trademap. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 15.07.2024).
3. Tajikistan: Unemployment rate from 2005 to 2023 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/809023/unemployment-rate-in-tajikistan/> (дата обращения 15.07.2024).
4. Занятость. Оперативная информация // Национальный статистический комитет КР. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/zanyatost/> (дата обращения 15.07.2024).
5. Средний темп роста реального ВВП в год, в процентах // Портал открытых данных Агентства по статистике. URL: <http://data.stat.tj/Home/show/447?lang=ru> (дата обращения 15.07.2024).
6. Asian Development Outlook 2020. Update: Wellness in Worrying Times. September 2020 // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/635666/ado2020-update.pdf> (дата обращения 15.07.2024).
7. Asian Development Outlook 2021. Financing a Green and Inclusive Recovery. April 2021 // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/692111/ado2021.pdf> (дата обращения 15.07.2024).
8. Asian Development Outlook 2022. Mobilizing Taxes for Development. April 2022 // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/784041/ado2022.pdf> (дата обращения 15.07.2024).
9. Personal remittances, received (% of GDP) – Tajikistan // World Bank Group. URL:

<https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?locations=TJ> (дата обращения 15.07.2024).

10. Asian Development Outlook. April 2023 // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/863591/asian-development-outlook-april-2023.pdf> (дата обращения 15.07.2024).

11. Мигранян А.А. 2023. Эффекты антироссийских санкций на постсоветском пространстве // Геоэкономика энергетики. № 1. С. 141-162. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_21_1_141

А. Сбитнева

**ТУРЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-133-151

Сбитнева Алина Игоревна, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (РФ, г. Москва), научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, ORCID 0000-0002-9196-9348, a_sbitneva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.08.2024. Одобрена после рецензирования 04.12.2024. Принята к публикации 09.12.2024.

Аннотация: Тюркское направление, в частности регион Центральной Азии, не является новым для внешней политики Турецкой Республики, которая планомерно расширяет там свое влияние с момента распада Советского Союза и формирует особую подсистему международных отношений под названием «тюркский мир». За последние несколько лет формы взаимодействия Турции с тюркоязычным пространством в значительной степени изменились. В настоящее время в региональной центральноазиатской политике Турции прослеживаются 4 тенденции, способные в среднесрочной перспективе существенно переформатировать как регион в целом, так и отдельные страны в частности. Среди этих тенденций: информатизация и латинизация «тюркского мира», активизация контактов с нейтральным Туркменистаном и формирование основ туркоцентричной безопасности.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, Туркменистан, Организация тюркских государств, «тюркский мир», интеграция, алфавит, безопасность, СМИ, «мягкая сила».

TURKEY IN CENTRAL ASIA: REGIONAL TRENDS

Alina I. Sbitneva, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS) (Moscow, Russian Federation), Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East.
ORCID 0000-0002-9196-9348, a_sbitneva@mail.ru

Received 30.08.2024. Revised 04.12.2024. Accepted 09.12.2024.

Summary: The Turkic direction, in particular the Central Asian region, is not new for the foreign policy of the Turkish Republic, which has been systematically expanding its influence there since the collapse of the Soviet Union and forming a special subsystem of international relations called the “Turkic world”. Over the past few years, the forms of Turkey's interaction with the Turkic-speaking space have dramatically changed. Currently, in Turkey's regional Central Asian policy can be traced 4 trends, which in the midterm can significantly reform both: the region and individual countries in particular. Among these trends are: the informatization and Latinization of the “Turkic world”, the intensification of contacts with neutral Turkmenistan and the formation of the foundations of Turkic-centric security.

Keywords: Turkey, Central Asia, Turkmenistan, Organization of Turkic States, “Turkic world”, integration, alphabet, security, mass media, “soft power”.

На протяжении длительного времени Турецкая Республика была известна миру в качестве восточного бастиона НАТО и основного «соратника» Запада на Ближнем Востоке. Внешнеполитическая активность Анкары была во многом ограничена западными рамками и контролировалась «извне». 2016 год, который запомнился в Турции как год «неудавшегося» военного переворота и охлаждения на его фоне турецко-американского взаимодействия, стал определяющим для внешнеполитического курса страны, вскоре сменившей прозападный вектор своего развития на провосточный и, в частности, протюркский.

Для Турции Восток – понятие весьма обширное: в него, помимо «исламского мира», ближневосточного пространства и азиатского сектора, традиционно включались так называемые родственные, или братские тюркские народы, населяющие существенную часть Евразийского континента. Со временем взаимодействие с такими народами выделилось в отдельное направление турецкой внешнеполитической деятельности, получившее название «тюркский мир».

Впервые о «тюркском мире» как о самостоятельном идейно-ценностном концепте заговорили после 1991 г., когда распался Советский Союз и на постсоветском пространстве образовалось 15 независимых республик. Пять из них являлись тюркоязычными и автоматически попадали в зону влияния

Турции, стремившейся взять на себя роль предводительницы – в историко-цивилизационном плане – тюрков мира. Особое внимание было уделено региону Центральной Азии: в поле зрения Анкары по-прежнему находятся четыре «братские» республики – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан.

Исследователь О. Каратай отмечает, что, хотя в настоящее время на территории Турции проживает примерно 1/3 тюркского населения мира, родина тюрков находится в другом месте, и земли современной Турции были заселены ими позже [1, р. 2]. Известный турецкий историк И. Ортайлы в своем труде «История тюрков» тем не менее пишет о «тюркской истории» как о единой для всех тюркоязычных народов, упоминая, что большое влияние на ее становление оказало государство Хорезмшахов (территория современного Узбекистана), где разговорный язык, по его мнению, являлся «почти анатолийским турецким» [2, р. 261], а в столице Хиве и вовсе «узбекский турецкий» внезапно переходит в анатолийский турецкий» [2, р. 261], что является весьма спорной по своей сути точкой зрения.

Под влиянием подобного дискурса с момента крушения СССР Турция начала создавать туркоцентричные интеграционные сети, вовлекая политически и идеологически неустойчивые на тот момент новообразованные государства Центральной Азии в орбиту своего влияния. Сегодня «тюркский мир» – не только геополитический проект с устойчивым идеологическим фундаментом, но и особая формируемая Турцией подсистема международных отношений. В ее основе заложена идеология «пантюркизма» и идея туркоцентричной интеграции, предполагающая вовлечение тюркских регионов мира в различные объединительные процессы с условием главенства в них Турции как наиболее развитой и состоявшейся надрегиональной державы [3, сс. 166-167].

На протяжении длительного времени политика Турции в отношении тюркоязычного постсоветского пространства ориентировалась на методы своего «старшего» союзника в лице США, предпочитая опосредованное влияние на объекты своих интересов с помощью «мягкой силы». Наряду с распространением там американских Фондов Сороса и Карнеги, в регионе начали возникать институты турецкого воздействия: разного рода организации, фонды, НКО, исламские вакфы, программы обмена и иные проекты, нацеленные на распространение турецких мировоззренческих шаблонов и формирование ориентированных на Турцию лоббистских групп. Наиболее известными среди них стали Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY/ТЮРКСОЙ), Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), Фонд имени Ю. Эрме, Тюркский совет, в 2021 г. преобразованный в Организацию тюркских государств (TDT/ОТГ), образовательная программа Mevlana и т. д.

Важно отметить, что все инициативы Анкары тогда были сосредоточены в гуманитарной плоскости и посвящены в основном культурно-образовательному и социальному сотрудничеству. По прошествии лет данное

направление внешней политики Турецкой Республики, которая, отклонившись от исключительно прозападного курса, вплотную взялась за укрепление «тюркского мира», претерпело серьезные изменения. Прежде всего, изменились формы и механизмы реализации Турцией своих идей в Центральной Азии. По состоянию на 2024 г. в политическом курсе Анкары в пределах данного региона прослеживаются четыре тенденции, в перспективе вполне имеющие потенциал стать долгосрочными трендами.

Тенденция № 1 Информатизация «тюркского мира»

Трансформация турецких подходов к Центральной Азии «идет в ногу со временем» и планомерно адаптируется к реалиям современного мира, что неизбежно сказывается на возникновении новых направлений сотрудничества и способствует расширению поля для взаимодействия «тюрков» мира. Так, если в 1990-е гг. туркоцентричная интеграция включала в себя сотрудничество преимущественно в культурно-образовательной сфере, то теперь она выходит на новый уровень, все больше затрагивая информационное пространство. В частности, особая роль в рамках туркоцентричной интеграции отводится СМИ, которые стали выполнять роль главного «рупора» турецкой пропаганды в части идейно-ценностных концептов Турецкой Республики.

Известно, что Радиотелевизионная корпорация Турции (TRT), владеющая наиболее популярными государственными турецкими СМИ, достаточно давно осуществляет вещание на территории государств Центральной Азии. В частности, радиостанция «Голос Турции» (Türkiye'nin Sesi Radyosu) ведет эфиры на казахском, киргизском, туркменском, узбекском, уйгурском (тем самым охватывая аудиторию центральноазиатских тюркоязычных народов), а также на других языках, относимых к группе тюркских: азербайджанском и татарском. Столько же языковых версий имеет и официальный сайт TRT.

За годы суверенного существования бывших советских республик в качестве отдельных стран Турция успела наладить межгосударственное сотрудничество в информационной области: в 2022 г. по итогам переговоров в Анкаре К.-Ж. Токаева и Р.Т. Эрдогана среди 15 подписанных документов числился Меморандум о сотрудничестве в области средств массовой информации между Министерством информации и общественного развития Казахстана и Управлением по связям с общественностью при президенте Турции [4]. Годом позже схожий документ был подписан между турецкой и туркменской сторонами [5].

Помимо государственного воздействия и установления разного рода двусторонних контактов, с подачи Турции формируются и многосторонние инициативы по выстраиванию медийных сетей тюркских государств мира и

общих тематических медиаплощадок. В 2021 г., например, при поддержке азербайджанского информационного агентства Trend и турецкого медиахолдинга Albayrak Medya Grubu была основана медиаплатформа «тюркского мира» под названием Turkic World. Платформа функционирует как полноценное СМИ на языках Кыргызстана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Следует отметить, что в состав правления Albayrak Medya входит брат основателя холдинга Н. Албайрак, близкий друг президента Турции Р.Т. Эрдогана [6].

Главной целью платформы является освещение новостей «тюркского мира» и тюркоязычных зарубежных диаспор. На азербайджанском, русском и английском языках среди прочих отдельно выделяется раздел «Тюркские страны», охватывающий преимущественно повестку тюркоязычных государств Центральной Азии и аспекты их взаимодействия с Турцией. Впервые платформа была презентована на состоявшемся в Стамбуле в 2021 г. Медиафоруме Тюркского совета (Türk Konseyi Medya Forumu). Тогда ее создание в своем видеообращении к участникам мероприятия президент Р.Т. Эрдоган объяснил необходимостью борьбы с «дезинформацией» и «цифровым фашизмом» по отношению к тюркам, в частности проявившимися, по его мнению, в ходе событий в Нагорном Карабахе [7].

Инициаторы медиаплатформы отмечали, что спустя год существования Turkic World к ней присоединились ключевые СМИ, а также государственные и частные организации ряда тюркоязычных государств, в частности Национальное информационное агентство Узбекистана (UzA), Национальное информационное агентство Киргизии Kabag и Министерство иностранных дел Туркменистана. Примечательно, что Turkic World, являющаяся олицетворением турецкой «объединительной» политики, позиционируется создателями как инициатива азербайджанской стороны, поддержанная президентом И. Алиевым [8].

Turkic World действительно во многом ссылается на официальных лиц Азербайджана и информационные агентства этого государства, однако в равной степени уделяет большое внимание освещению протурецкого политического дискурса и политической позиции Анкары по ряду вопросов. Так, например, на казахском языке можно встретить новостные материалы о совместных инициативах тюркоязычных государств по сохранению «общего тюркского наследия [9]», на русском – цитаты главы МИД Турции Х. Фидана о намерении его страны «обеспечить независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины», включая «древнюю родину татарских тюрков» [10] – Крым.

Следует также отметить, что Turkic World привлекается к информационному освещению многих инициированных Турцией или «тюркским миром» проектов. Так, площадка выступила медиапартнером 25-го Международного бизнес-форума IBF в Баку, организованного при участии Ассоциации независимых промышленников и бизнесменов Турции (MÜSİAD),

а в 2022 г. стала партнером турецкого международного фестиваля авиации и аэрокосмической техники и технологий Teknofest [11].

Примечательно, что идеи Турции в этой области находят отклик у руководителей тюркоязычных республик бывшего СССР, которые готовы поддерживать турецкие инициативы не только в идейно-ценностном, но и в организационном плане. Так, например, в декабре 2022 г. Министерством информации и общественного развития Казахстана был проведен «Центральноазиатский медиафорум», одним из направлений работы которого стала дискуссия относительно перспектив развития региональной медиасферы. Площадка форума собрала большое количество гостей из разных государств мира, а также запомнилась участием представителей Турции, географически не относящейся к Центральной Азии, в том числе 11-го президента страны А. Гюля и сотрудников тюркских организаций, таких как ОТГ, ТЮРКСОЙ, Парламентская ассамблея тюркских государств (ТюркПА) и других [12].

При этом в целом наблюдается интенсификация контактов по линии должностных лиц стран – членов ОТГ, отвечающих за информационную политику. Так, в мае 2022 г. в Стамбуле при участии главы Управления по связям с общественностью администрации президента Турции Ф. Алтуна состоялась встреча министров – представителей тюркоязычных стран, работающих в сфере СМИ и информации, на которой обсуждался вопрос создания Ассоциации журналистов Организации тюркских государств. Пресс-служба ОТГ сообщала, что перед встречей также было запланировано заседание 9-й рабочей группы ОТГ по СМИ и информации [13].

В 2023 г. на саммите тюркских информационных агентств и медиа в Стамбуле генеральный секретарь ОТГ К.К. Омуралиев объявил о создании Союза тюркских информационных агентств (Türk Haber Ajansları Birliği/ATNA), заявив, что государства Союза должны бороться с фейковыми новостями и доносить до общественности верную информацию [14]. Форум также предполагал подписание союзного договора между турецким Anadolu Ajansı, азербайджанским AZERTAC, узбекистанским UzA и казахстанским Qazcontent [14].

В июле 2024 г. в рамках второго Глобального медиафорума в Шуше состоялось первое заседание правления ATNA, в котором, помимо руководителей информагентств стран – членов Союза, приняли участие советник по связям с общественностью посольства Турции в Баку, директор по стратегическим коммуникациям и бренд-менеджменту информагентства Anadolu Ajansı, а также менеджер по Азиатско-Кавказскому региону данного агентства [15].

Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что спикеры из Турции были представлены в большинстве и на разном уровне. Примечателен и тот факт, что в качестве участника на заседании присутствовал креативный директор Венгерского информационного агентства. Стороны, в частности, договорились о расширении сотрудничества в области совместных

образовательных проектов. В этом контексте многие из присутствовавших выражали благодарность турецкому Anadolu Ajansı за проведенный на базе АТНА тренинг военных корреспондентов стран – участниц Союза [16].

Обучение военных корреспондентов является принципиально новым направлением сотрудничества стран «тюркского мира» на информационном фронте. При этом важно, что по состоянию на 2024 г. большая часть образовательных инициатив курируется и реализуется Турцией и направляемыми ею специалистами. Учитывая интерес к освещению турецкими и постсоветскими (в большей степени русско- и тюркоязычными) СМИ разного рода военных конфликтов, в том числе и российско-украинского, такое сотрудничество Турции с бывшими государствами СНГ обретает особую значимость.

Подобные инициативы особенно важны в контексте наличия во многих перечисленных странах относительно небольшого количества российских информационных агентств и, напротив, весомого числа западных и в целом зарубежных СМИ, имеющих тенденцию к распространению заведомо неверной и спорной информации с элементами русофобии. Отныне информационную нишу активно занимает и Турецкая Республика, которая играет существенную роль не только как идеолог пантюркистской политики, но и как агитатор ее распространения и всестороннего внедрения.

Тенденция № 2 Единение буквой

«Языковая реформа» назревала на тюркском пространстве достаточно давно: переход тюркоязычных стран на латиницу вслед за поступившим таким образом в 1992 г. Азербайджаном был предметом дискуссий с момента краха советского пространства и, как следствие, советской идентичности, которая прочно закрепила за собой кириллическую письменность. Азербайджан при этом ориентировался на опыт Турции [17, с. 147].

На тот момент более важным для самой Турции представлялось создание общих полей в экономике, культуре и политике. Решительные шаги в направлении реформы давно сложившегося письма начали осуществляться относительно недавно, когда другие перечисленные сферы деятельности обрели более устойчивый фундамент.

Из четырех тюркоязычных государств Центральной Азии о переходе на латинский алфавит после распада СССР в 1993 г. объявили Узбекистан и Туркменистан [18], которые, как и Азербайджан, еще некоторое время совершенствовали национальную латиницу, адаптируя ее к своим языковым особенностям. По мере распространения Турцией дискурса о всеобъемлющем единстве тюркских народов, в частности, об «общей» истории, культуре, языковой и этнической принадлежности, а также развития «общетюркских» информационных площадок, вопрос создания единого алфавита и даже языка

как средства общения «тюркского мира» стал обретать все большую актуальность.

В конечном итоге послы Турции нашли отклик как в Казахстане, так и в Кыргызстане, которые долгое время оставались единственными государствами «тюркского мира», использующими кириллицу, и, по сути, являлись главными адресатами турецких инициатив в данной области. Казахстан планирует осуществить переход на латиницу к 2025 г [19], а Кыргызстан активно обсуждает варианты перевода на нее киргизского алфавита. При этом важно, что некоторые представители власти считают, что кириллица неверно отображает исконно киргизские слова, сохранить которые, по их мнению, возможно только на латинице [20]. Однако во внимание не принимается тот факт, что за основу «нового» алфавита предлагается взять современный турецкий алфавит, фактически заместив им успешно существующий долгие годы киргизский.

Впервые о нереализованной в 1990-е гг. идее создания единого тюркского алфавита среди политиков высшего уровня вновь заговорил Р.Т. Эрдоган на юбилейном 10-м саммите Организации тюркских государств в Астане в 2023 г. Он, в частности, отметил, что «язык важен для единства, как и алфавит» [21], призвав коллег начать проработку этого вопроса в 2024 г. В июле 2024 г. на аналогичном саммите в Шуше эту же мысль озвучил министр иностранных дел Турции Х. Фидан [22]. Важно отметить, что в главном стратегическом документе ОТГ – «Видении тюркского мира – 2040», принятом еще за 3 года до указанных событий, имеет место пункт о необходимости обеспечения единого алфавита и общей терминологии с целью «улучшения коммуникации между государствами-членами» [23, р. 6].

Говоря о результатах этой политики, стоит отметить, что в июле 2024 г. было проведено уже 2-е по счету заседание Комиссии по общему алфавиту тюркского мира. Прошедшее в Баку мероприятие проводилось совместно Международной тюркской академией, Турецким лингвистическим обществом и Институтом языкознания им. Насими Национальной академии наук Азербайджана. Выступивший на заседании глава Турецкого лингвистического общества О. Мерт назвал распад СССР «новой страницей для “тюркского мира”», а также заявил, что рассчитывает завершить формирование общего алфавита к 2026 г. – к столетию со дня проведения I тюркологического съезда [24], на котором обсуждался переход ряда советских республик с арабской графики на латинский алфавит.

В сентябре 2024 г. члены Комиссии по созданию общего алфавита при ОТГ согласовали проект состоящего из 34 букв алфавита, а в ноябре 2024 г. на саммите ОТГ в Бишкеке Эрдоган заявил следующее: «Турция, Азербайджан и Северный Кипр готовы к переходу на новый алфавит. Казахстану, Киргизии, Узбекистану и Туркменистану было бы целесообразно выступить с аналогичной инициативой» [25].

Однако, несмотря на активную деятельность в этом направлении, до конца остаются непонятными мотивы такого решения и ожидаемые результаты, поскольку перевод алфавита на латиницу не означает создания нового языка, а значит, достаточно мало способствует развитию «межтюркских» коммуникационных возможностей. Более того, турецкий латинский алфавит в равной степени не отражает фонетических особенностей киргизского, казахского и узбекского языка и в любом случае потребует добавления дополнительных букв и символов.

Интересен и факт того, что посредством образования единых медиаплощадок, а также планомерной латинизации постсоветского пространства постепенно сужается круг источников на языках, использующих кириллицу, в частности, на русском. Не исключено, что в случае успеха этого проекта будущие СМИ, а также печатная продукция, выпускаемая в тюркоязычных странах, будут выходить преимущественно на латинице и станут менее доступны или вовсе недоступны для ряда славянских народов, которые частично – как правило, на ассоциативном уровне – понимают некоторые тюркские слова, воспроизведенные на кириллице.

Тенденция № 3

Вовлечение Туркменистана в тестовый режим интеграции

Особого внимания заслуживает активизация сотрудничества Турецкой Республики с Туркменистаном, традиционно придерживающимся нейтралитета во внешней политике и принципа отстраненности от международных интеграционных альянсов [26, с. 69]. С момента распада Советского Союза Туркменистан, оставаясь весьма закрытой для внешнего мира страной, существенно дистанцировался от республик бывшего СССР, полностью отказавшись от инструментария политической ангажированности и приняв курс на развитие равных многовекторных отношений со всеми акторами международных отношений.

Следует отметить, что с 1995 г. одним из наиболее важных государственных праздников страны, помимо Дня независимости, является День нейтралитета Туркменистана, ежегодно отмечаемый 12 декабря вместе с Международным днем нейтралитета, утвержденным резолюцией Генеральной ассамблеи ООН в 2017 г. [27].

Несмотря на свою позицию, Туркменистан всегда представлял интерес для внешних игроков, стремящихся склонить его к более тесному сотрудничеству. Геополитическое положение страны и наличие природных ресурсов делают его выгодным партнером, в том числе для не имеющей аналогичной ресурсной базы Турции. Только за первое полугодие 2024 г. объем добычи Туркменистаном природного газа составил 40,2 млрд куб. м. [28]. Запасы «голубого топлива» делают государство крупнейшим

поставщиком ресурсов в регионе Центральной Азии, а также 4-й страной в мире по ресурсному потенциалу.

Важно, что вопреки объявленному нейтралитету Туркменистан еще в 1993 г. стал частью Международной организации тюркской культуры, учрежденной по инициативе Анкары и во многом выполняющей не столько социокультурные, сколько политические функции. С того времени усилиями Турецкой Республики Ашхабад планомерно встраивается в различные проекты тюркской интеграции. Результатом этих усилий стало присоединение Туркменистана в 2021 г. к ОТГ в качестве наблюдателя, однако от полноправного членства Ашхабад все же отказался, сославшись на свой нейтральный статус.

Вместе с тем можно утверждать, что современный Туркменистан проявляет явный интерес к данному формату сотрудничества, а его нейтралитет проходит серьезную проверку на прочность. Туркменистан еще никогда не был так близок к каким-либо интеграционным инициативам, как к «общетюркским» проектам, которые в последнее время тяготеют к новым формам кооперации, в том числе и в сфере безопасности. В последнее время государство как минимум становится «тестовой» площадкой для проведения мероприятий под флагом ОТГ.

Так, в марте 2024 г. под эгидой председателя Народного совета и по совместительству – лидера туркменского народа Г. Бердымухамедова в Ашхабаде состоялось 15-е заседание Совета старейшин ОТГ. Бердымухамедов в частности заявил о значимости Совета старейшин в структуре ОТГ и укрепления «братских» отношений между тюркскими народами, а также подтвердил приверженность Туркменистана к долгосрочному сотрудничеству с этой организацией и готовность страны активно участвовать в планировании и реализации мероприятий [29]. На 2024 г. в рамках ОТГ также было запланировано проведение торжеств по случаю 300-летия туркменского поэта М. Фраги.

По линии ТЮРКСОЙ туркменский город Анау в 2024 г. был провозглашен культурной столицей «тюркского мира». По этому случаю МИД Туркменистана посетил генеральный секретарь организации, который обсудил перспективы сотрудничества с главой туркменского внешнеполитического ведомства [30]. В августе 2024 г. делегация Туркменистана во главе с министром иностранных дел Р.О. Мередовым посетила штаб-квартиру ТЮРКСОЙ в Анкаре с ответным визитом [31].

Примечательно, что многосторонняя интеграция Ашхабада с «тюркским миром» стала дополнительно подкрепляться заметно участвующими двусторонними контактами в формате Ашхабад–Анкара. Весьма результативным, к примеру, стал официальный визит в Турцию президента Туркменистана С. Бердымухамедова в октябре 2023 г. По итогам его переговоров с Р.Т. Эрдоганом стороны подписали 13 соглашений, включая документы о создании форума торгово-промышленной палаты

«Туркменистан–Турция» и о сотрудничестве в области высшего образования, план мероприятий на 2024–2026 гг. о взаимодействии в сфере молодежной политики и ряд других.

Важно отметить, что среди этих соглашений фигурирует документ о сотрудничестве в сфере СМИ между Государственным комитетом Туркменистана по телевидению, радиовещанию и кинематографии и Управлением по связям с общественностью администрации президента Турции, а также соглашение о сотрудничестве между правительствами двух стран о совместном производстве аудио- и видеопроодукции [32]. Последние договоренности в особенности коррелируются с общим трендом на информатизацию «тюркского мира» и создание единого медиапространства в связке с Турцией.

Тем не менее повышенным вниманием со стороны региональных и внерегиональных игроков Туркменистан в первую очередь обязан своей энергетической отрасли. Анкара осознает, что тюркская интеграция невозможна без вовлечения в нее Туркменистана, но вместе с тем исходит из того, что наиболее выгодной стороной такого сотрудничества является энергетика и логистика.

В своем стремлении стать межрегиональным энергетическим «хабом», пропускающим через себя энергоресурсы, следующие в Европу [33, с. 77], Анкара преследует цель сделать Туркменистан одной из главных экономик формируемого ею тюркского субрегиона. В настоящее время «тюркский мир» имеет ресурсный узел лишь в Закавказье в лице Азербайджана, и привлечение к совместным проектам Туркмении восполнит имеющийся в Центральной Азии «пробел». Туркменистан, в свою очередь, заинтересован в увеличении доходов от продажи газа [34, р. 461] и с интересом относится к вниманию со стороны Анкары. В июле 2024 г. тема сотрудничества в сфере природного газа и горнодобывающей промышленности обсуждалась туркменской и турецкой сторонами в ходе визита министра энергетики и природных ресурсов Турции А. Байрактара в Туркменистан [35], а в августе главы МИД двух стран обсудили возможность транспортировки туркменских ресурсов на турецкие и европейские рынки [36].

Тенденция № 4 Туркоцентричная безопасность

Еще одной особенностью туркоцентричной интеграции стал ее прямой выход в плоскость сотрудничества в сфере безопасности и военных технологий. Турция налаживает межведомственные связи с представителями спецслужб тюркских государств, проводит совместные учения, а Центральная Азия планомерно становится новым рынком сбыта турецких вооружений.

Известно, например, что по состоянию на 2024 г. широко разрекламированный в ходе нагорнокарабахских событий ударный БПЛА

Bayraktar TB2 турецкого производства состоит на вооружении у пограничной службы Госкомитета нацбезопасности Киргизии [37], открывшей для этого вида техники специализированную военную базу; Туркменистана, который в 2021 г. продемонстрировал БПЛА на военном параде в честь 30-летия независимости [38], а также Узбекистана [39]. Бишкек закупил у Турции новые беспилотные аппараты Bayraktar Akinci, Anka и Aksungur [40]. Дальше всех, однако, в области беспилотного сотрудничества продвинулся Казахстан, который первым из зарубежных государств наладил производство турецких БПЛА. В мае 2022 г. компании Kazakhstan Engineering и Turkish Aerospace заключили меморандум об организации производства разведывательно-ударных БПЛА Anka [41].

Вместе с тем Анкара продолжает подготавливать правовую основу для дальнейших, более многоплановых контактов. За последние несколько лет Турецкая Республика заключила ряд соглашений о военном сотрудничестве со многими государствами Центральной Азии, в частности, Казахстаном. Не считая документов 2018 и 2022 гг. о взаимодействии в области военной промышленности, проведении военных учений и обмене разведывательными данными [42, с. 47], в июле 2023 г. на выставке оборонной промышленности IDEF-23 в Стамбуле было подписано соглашение между турецким оборонным подрядчиком Askeri Fabrika ve Tersane İşletme (ASFAT) и казахстанским Уральским заводом «Зенит» о строительстве боевых кораблей и верфей на Каспии [43].

В ноябре 2023 г. министры обороны двух стран подписали план двустороннего военного сотрудничества на 2024 г. и объявили об успешном взаимодействии в сфере военной науки, образования и боевой подготовки [44]. Ранее, в 2022 г., между турецкой и узбекской сторонами было подписано расширенное рамочное соглашение о сотрудничестве в военной сфере [45].

Подобно тому, как Турция обучает персонал, работающий в медиасфере, она приобретает статус консультанта и в военно-образовательной области. Военные тюркоязычных стран постсоветского пространства проходят подготовку в высших военных учебных заведениях Турции и отрабатывают полученные навыки в ходе совместных учений. Так, в мае 2024 г. с целью повышения своей обороноспособности Казахстан и Киргизия приняли участие в многонациональных учениях EFES-2024 в турецком Измире [46]. Следует отметить, что эти учения проводятся ежегодно, и страны так называемого тюркского мира являются их постоянными участниками.

Учитывая поэтапность развития Турцией военно-технических отношений со странами Центральной Азии, можно предположить, что официальная Анкара настроена если не на формирование отдельного тюркского военно-политического блока, то как минимум на структуризацию этого вопроса в рамках ОТГ. В связи с этим не исключено создание в перспективе военного совета при Организации тюркских государств или

появление уполномоченного лица, ответственного за интеграцию стран-членов в сфере безопасности.

* * *

После распада Советского Союза Центральная Азия стала приобретать статус центра притяжения для внерегиональных акторов. В силу происходящих на международной арене геополитических изменений, помимо мировых игроков, таких как Россия, США и Китай, регион привлекает внимание растущих центров силы ближневосточного пространства, одним из которых стала Турецкая Республика.

С одной стороны, методы взаимодействия Турции с «тюркским миром», с тех пор принципиальным образом не изменились: Анкара по-прежнему использует тюркскую интеграцию в различных ее проявлениях в качестве основного внешнеполитического инструмента на данном направлении. С другой стороны, Турцией все больше актуализируется тренд на «общетюркскость», что подтверждается стремлением Анкары создать единый пул СМИ, единый алфавит и т. д.

Туркоцентричная интеграция постепенно захватывает медиапространство, что позволяет Анкаре прямо влиять на новостную повестку целого региона и осуществлять пропаганду своих ценностей и мировоззрения на достаточно широкую аудиторию. Более того, тюркская аналитика переходит постепенно из гражданской плоскости в военную. Инициативы в области развития навыков военной журналистики на тюркоязычном постсоветском пространстве свидетельствуют о стремлении Турции занять свое место в информационном мире в условиях локальных и региональных войн и конфликтов, а также оказывать влияние на новостную повестку и освещение тех или иных кризисов военного характера. Проекты по латинизации тюркских языков, в свою очередь, способствуют этой инициативе, по сути, создавая «свои», зашифрованные латиницей СМИ, которые становятся все менее доступны русскоязычному пользователю и славянской аудитории в целом.

Определенный «прорыв» произошел в сфере безопасности. Тенденция к формированию туркоцентричной безопасности на тюркоязычном пространстве, которая отныне проявляется не только в переориентации национальных армий постсоветских государств на турецкую технику, но и в создании собственных производств на территории этих государств, формирует тренд на дальнейшее «отуречивание» военного дела тюркоязычных республик и основание на базе этого фундамента оборонных союзов.

Турецкая Республика стремится заложить основу для дальнейшего взаимодействия по принципу коллективной безопасности. Однако, учитывая наличие в Центральной Азии ОДКБ, куда входят Казахстан и Киргизия, а также стратегических отношений с Россией, в краткосрочной перспективе

Турция с минимальной долей вероятности возьмет на себя риск формирования военного альянса или организации региональной безопасности в противовес существующей. Наиболее вероятно, что в структуре ОТГ в скором времени появится военный совет, который будет координировать вопросы военно-политического характера и формально заменит самостоятельную организацию такого характера.

При этом ОТГ становится мультифункциональной организацией, существование которой исключает необходимость формирования дополнительных профильных блоков. ОТГ уже сейчас курирует практически все важные для «тюркского мира» вопросы, а такие организации, как ТЮРКСОЙ, Международная тюркская академия и т. п. и вовсе стали ее структурными элементами. Нельзя исключать, что в дальнейшем Турецкая Республика поднимет вопрос о создании «общей» тюркской гражданско-правовой и экономической зоны, а ОТГ, по принципу Евросоюза, наделят «наднациональным» статусом.

Наиболее проблемным звеном «тюркского мира» для Турции остается нейтральный Туркменистан. Тем не менее включение Ашхабада в качестве наблюдателя в ОТГ и активизация двусторонних контактов свидетельствуют об определенном успехе Анкары на данном направлении. Туркменистан, по замыслу турецких политиков, должен стать составной частью общетюркского проекта: полноценная интеграция без Ашхабада маловероятна – ему отводится важная роль ресурсного энергетического центра.

Однако его статус «наблюдателя» будет эффективен лишь до тех пор, пока не будут приняты конкретные интеграционные решения, в том числе в военной сфере. Чем больше Ашхабад будет проявлять интерес к тюркским туркоцентричным проектам, тем большая ответственность ему будет предложена в рамках таких инициатив. Туркменистан активно вовлекается турецкой стороной и для того, чтобы в среднесрочной перспективе обеспечить возможность поднять вопрос о целесообразности туркменского нейтралитета или, как минимум, о его либерализации в отношении «тюркского мира».

Фактически Туркменистан находится на испытательном сроке туркоцентричной интеграции. При этом важно учитывать, что Ашхабад экономически является более сильным игроком, чем Турция, и ограничения его суверенитета в виде обязательств перед ОТГ и «тюркским миром» в целом не соотносятся с ключевыми принципами его руководства. Будущее Туркменистана в «тюркском мире» или за его идеологическими пределами зависит от того, какой сценарий сочтут более выгодным и привлекательным для страны – расширение влияния на важном геополитическом поле или сохранение собственных принципов в ущерб контактам с развивающимся «тюркским миром». Компромиссы в этой плоскости, хотя и с минимальной долей вероятности, возможны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Karatay O. 2022. The Genesis of the Turks: An Ethno-Linguistic Inquiry into the Prehistory of Central Eurasia. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 524 p.
2. Ortaylı İ. 2020. Türklerin Tarihi. İstanbul: Timaş Yayınları, 320 p.
3. Аватков В.А. 2021. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 14 (5). С. 162-176.
4. Турция и Казахстан подписали ряд соглашений о сотрудничестве // Anadolu Ajansı. 11.05.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BB%D0%B8-%D1%80%D1%8F%D0%B4-%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%BE-%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5-/2584173> (дата обращения 25.08.2024).
5. Туркменистан и Турция подписали солидный пакет двусторонних документов // Turkmenportal. 26.10.2023. URL: <https://turkmenportal.com/blog/69012/turkmenistan-i-turciya-podpisali-solidnyi-paket-dvustoronnih-dokumentov> (дата обращения 25.08.2024).
6. Erdoğan'ın dostu Albayrak ailesine AKP'den bir ihale daha // Cumhuriyet. 20.12.2021. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/turkiye/erdoganin-dostu-albayrak-ailesine-akpden-bir-ihale-daha-1894058> (дата обращения 25.08.2024).
7. В Стамбуле проходит медиафорум Тюркского совета // Anadolu Ajansı. 22.10.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D0%B2-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D1%83%D0%BB%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0/2399592> (дата обращения 25.08.2024).

8. Исполнился год с момента создания медиаплатформы «Тюркский мир» (Turkic.World) // Turkic World. 25.05.2022. URL: <https://turkic.world/ru/articles/other/40199> (дата обращения 25.08.2024).
9. Түркі мәдениеті және мұрасы қоры мен «Түркі әлемі» медиаплатформасы арасында өзара түсіністік туралы Меморандумға қол қойылды // Turkic World. 14.03.2024. URL: <https://turkic.world/kz/articles/culture/216350> (дата обращения 25.08.2024).
10. Турция полна решимости обеспечить независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины – Хакан Фидан // Turkic World. 22.06.2023. URL: <https://turkic.world/ru/articles/turkiye/114427> (дата обращения 25.08.2024).
11. Проект «Тюркский мир» (Turkic.World) – очень важная и ценная медиаплатформа, которая принесет пользу региону и миру – Ялчин Топчу // Trend. 25.05.2023. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3600314.html> (дата обращения 25.08.2024).
12. Центрально-азиатский медиафорум // Astana Convention Bureau. URL: <https://www.astanacb.kz/ru/event-last/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE-%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC/> (дата обращения 25.08.2024).
13. Türk Devletleri Teşkilatı Medya ve Enformasyondan Sorumlu Bakanlar ve Üst Düzey Yetkililer 4. Toplantısı Basın Duyurusu // Türk Devletleri Teşkilatı. 11.05.2022. URL: https://turkicstates.org/tr/haberler/turk-devletleri-teskilati-medya-ve-enformasyondan-sorumlu-bakanlar-ve-ust-duzey-yetkililer-4-toplantisi-basin-duyurusu_2520 (дата обращения 25.08.2024).
14. Türk devletleri, medya alanında “yeni birlik” kuruyor // TRT Haber. 06.11.2023. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/turk-devletleri-medya-alaninda-yeni-birlik-kuruyor-810300.html> (дата обращения 25.08.2024).
15. Bişkek’te Türk Devletleri Teşkilatı medya toplantısı yapıldı // Anadolu Ajansı. 17.10.2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/biskekte-turk-devletleri-teskilati-medya-toplantisi-yapildi/3022893> (дата обращения 25.08.2024).
16. Şuşa’da Türk Haber Ajansları Birliğinin yönetim kurulunun ilk toplantısı yapıldı // Anadolu Ajansı. 21.07.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/susada-turk-haber-ajanslari-birliginin-yonetim-kurulunun-ilk-toplantisi-yapildi/3281572> (дата обращения 25.08.2024).
17. Почта Ю.М., Гузаеров Р.Т. 2024. Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. № 1. С. 143-154.

18. Как возвращали латиницу на постсоветском пространстве // Коммерсантъ. 27.10.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3453426> (дата обращения 25.08.2024).
19. Kazakhstan и Kirgiziya: зачем страны СНГ переводят письменность на латиницу // RT на русском. 14.04.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/378671-kazakhstan-kirgiziya-latinica> (дата обращения 26.08.2024).
20. В Киргизии заявили о разработке вариантов перехода на латиницу // РБК. 19.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/643fcaeb9a794729fc756b32> (дата обращения 26.08.2024).
21. Эрдоган предложил тюркским странам ввести единый алфавит // Коммерсантъ. 03.11.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6320409> (дата обращения 26.08.2024).
22. Bakan Fidan Türk devletlerine seslendi: Gazze'ye sırtımızı dönemeyiz // Hürriyet. 07.07.2024. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/bakan-fidan-turk-devletlerine-seslendi-gazze-sirtimizi-donemeyiz-42486184> (дата обращения 26.08.2024).
23. Türk Dünyası 2040 Vizyonu. 12.11.2021. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turk-dunyasi-2040-vizyonu-2396-98.pdf> (дата обращения 26.08.2024).
24. Общетюркский алфавит может появиться в 2026 г. // YeniŞafak. 07.05.2022. URL: <https://www.yenisafak.com/ru/life/19572> (дата обращения 26.08.2024).
25. Erdoğan'dan 34 harfli 'yeni alfabe' önerisi: İşte alfabeye eklenecek yeni harfler // Sözcü. 06.11.2024. URL: <https://www.sozcu.com.tr/erdogan-dan-34-harfli-yeni-alfabe-onerisi-iste-alfabeye-eklenecek-yeni-harfler-p102064> (дата обращения 29.11.2024).
26. Аватков В.А., Рыженков А.С. 2022. Туркменистан и туркоцентричная интеграция // Россия и новые государства Евразии. № 1 (54). С. 68-85.
27. Резолюция ГА ООН № 71/275. Международный день нейтралитета. 02.02.2017. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n17/029/69/pdf/n1702969.pdf> (дата обращения 26.08.2024).
28. Туркмения с начала 2024 года добыла свыше 40 млрд куб. м газа // ТАСС. 13.07.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21352161> (дата обращения 27.08.2024).
29. В Ашхабаде состоялось Заседание Совета старейшин ОТГ // Министерство иностранных дел Туркменистана. 13.03.2024. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/4402> (дата обращения 27.08.2024).
30. Türkmenistan we TÜRKSÖÝ köpugurly hyzmatdaşlygy pugtalandyrmagy maksat edinjärler // Türkmenistanyň Daşary işler ministrligi.

25.03.2024. URL: <https://www.mfa.gov.tm/news/4440> (дата обращения 27.08.2024).

31. Заместитель председателя Кабинета министров Туркменистана, министр иностранных дел Рашид Мередов посетил ТЮРКСОЙ // ТЮРКСОЙ. 13.08.2024. URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/zamestitel-predsdatelya-kabinet-ministrov-turkmenistana-ministr-inostrannyh-del-rashid-meredov-posetil-tyurksoj-kwyz> (дата обращения 27.08.2024).

32. Президенты Туркмении и Турции подписали пакет документов по итогам переговоров // ТАСС. 27.10.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19130577> predsdatelya-kabinet-ministrov-turkmenistana-ministr-inostrannyh-del-rashid-meredov-posetil-tyurksoj-kwyz (дата обращения: 27.08.2024).

33. Ионова Е.П. 2024. Активизация сотрудничества Туркменистана и Турции // Россия и новые государства Евразии. № 2. С. 73-83.

34. Burghart D. L., Sabonis-Helf T. (eds). 2018. Central Asia in the Era of Sovereignty. The Return of Tamerlane? Lanham: Lexington books, 544 p.

35. Türkiye, Turkmenistan want to trade 300 bcm of gas in next 20 years: Turkish energy minister // Anadolu Ajansı. 31.07.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkiye-turkmenistan-want-to-trade-300-bcm-of-gas-in-next-20-years-turkish-energy-minister/3291493> (дата обращения 27.08.2024).

36. Sayın Bakanımızın Türkmenistan Bakanlar Kurulu Başkan Yardımcısı ve Dışişleri Bakanı Raşid Meredov ile Görüşmesi // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. 14.08.2024. URL: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-turkmenistan-bakanlar-kurulu-baskan-yardimcisi-ve-disisleri-bakani-rasid-meredov-ile-gorusmesi.tr.mfa> (дата обращения 27.08.2024).

37. Киргизия первой из стран ОДКБ получила от Турции ударные дроны Bayraktar // Интерфакс. 18.12.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/810205> (дата обращения 27.08.2024).

38. В Туркмении впервые показали турецкие ударные беспилотники Bayraktar TB2 // РИА Новости. 27.09.2021. URL: <https://ria.ru/20210927/bespilotniki-1751996811.html> (дата обращения 27.08.2024).

39. Президенту продемонстрировали разведывательно-ударный беспилотный летательный аппарат Bayraktar TB2 // Kun.uz. 17.11.2023. URL: <https://kun.uz/ru/news/2023/11/17/prezidentu-prodemonstrovali-razvedyvatelno-udarnyy-bespilotnyy-letatelnyy-apparat-bayraktar-tb2> (дата обращения 27.08.2024).

40. Киргизские и азербайджанские военные завершили обучение по управлению БПЛА Bayraktar // Интерфакс-АВН. 10.04.2023. URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=592017&lang=RU> (дата обращения 27.08.2024).

41. СМИ: Казахстан в 2024 году планирует начать производство турецких беспилотников Анка // ТАСС. 15.10.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19017951> (дата обращения 27.08.2024).
42. Свистунова И.А. 2023. Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // Россия и новые государства Евразии. № 2. С. 45-54.
43. Турция и Казахстан заключили соглашение в оборонной сфере // Eurasia Daily. 29.07.2023. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/07/29/turciya-i-kazahstan-zaklyuchili-soglashenie-v-oboronnoy-sfere> (дата обращения 27.08.2024).
44. Казахстан и Турция подписали план военного сотрудничества на 2024 год // Forbes Kazakhstan. 07.11.2023. URL: https://forbes.kz/articles/kazahstan_i_turtsiya_podpisali_plan_voennogo_sotrudnichestva_na_2024_god (дата обращения 27.08.2024).
45. Турция и Узбекистан заключили соглашение в военной сфере // Российская газета. 30.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/30/turciia-i-uzbekistan-zakliuchili-soglashenie-v-voennoj-sfere.html> (дата обращения 27.08.2024).
46. EFES-2024 Tatbikatı'nı Katılan Kazakistan ve Kırgızistan Askerleri Tatbikatı Anlatıyor // İLK Gündem. 27.05.2024. URL: <https://www.ilkgundem.com.tr/haber/5711/efes-tatbikati-na-katilan-kazakistan-ve-kirgizistan-askerleri-tatbikati-anlatiyor.html> (дата обращения 27.08.2024).

О. Шегирбаев

**КАЗАХСТАН В РАМКАХ ОТГ И ЕАЭС:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-152-165

Шегирбаев Ожет Амирбекович, магистр международных отношений, магистр государственного управления, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ (РФ, г. Москва), аспирант, ORCID 0000-0001-7414-4689, ojetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2024. Одобрена после рецензирования 15.11.2024. Принята к публикации 20.11.2024.

Аннотация: В статье рассматриваются процессы интеграции на евразийском пространстве, включая развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации тюркских государств (ОТГ). Автор подчеркивает важность ЕАЭС как институционализированного интеграционного объединения и описывает рост влияния ОТГ, а также ее роль в продвижении культурно-гуманитарного и экономического сотрудничества. Рассматриваются конкуренция между евразийским и тюркским интеграционными форматами и особая роль Казахстана, который поддерживает гибкую внешнюю политику и активно участвует в обеих структурах. В статье проводится сравнительный анализ данных интеграционных объединений и освещаются достижения в развитии тюркской интеграции. В частности, подчеркивается создание упрощенного таможенного коридора и Тюркского инвестиционного фонда. Особое внимание уделено позиционированию Казахстана как проактивной средней державы, продвигающей национальные интересы через экономическое сотрудничество и интеграцию.

Ключевые слова: Казахстан, Организация Тюркских Государств, Евразийский экономический союз, интеграционные процессы, культурное сотрудничество, средние державы.

KAZAKHSTAN WITHIN THE FRAMEWORK OF THE OTS AND THE
EAEU: COMPARATIVE ANALYSIS

Ozhet A. Shegirbayev, Master of International Relations, Master of Public Administration, Institute of Law and National Security of RANEPA (Moscow, Russian Federation), postgraduate student,
ORCID 0000-0001-7414-4689, ojetov@mail.ru

Received 07.10.2024. Revised 15.11.2024. Accepted 20.11.2024.

Summary: The article explores integration processes in the Eurasian space, including the development of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Organization of Turkic States (OTS). The author emphasizes the importance of the EAEU as an institutionalized integration organization and describes the growing influence of the OTS, as well as its role in promoting cultural, humanitarian, and economic cooperation. The competition between Eurasian and Turkic integration formats and Kazakhstan's unique role, which supports a flexible foreign policy and actively participates in both structures, is highlighted. The article provides a comparative analysis of these integration entities and discusses the achievements in advancing Turkic integration. Specifically, it highlights the creation of a simplified customs corridor and the Turkic Investment Fund. Special attention is given to Kazakhstan's positioning as a proactive middle power, promoting its national interests through economic cooperation and integration.

Keywords: Kazakhstan, Organization of Turkic States, Eurasian Economic Union, integration processes, cultural cooperation, middle powers.

Введение

В последние годы на фоне геополитической турбулентности на пространстве Евразии заметно активизировались различные проекты. Одни авторы среди активных интеграционных проектов выделяют ЕАЭС, Европейский союз и Инициативу «Пояс и Путь» [1]. Другие исследователи, помимо вышеназванных, отмечают также проект тюркской интеграции и Центральноазиатского партнерства [2].

Если говорить о пространстве Большой Евразии, то наиболее институционализированным интеграционным объединением выступает именно ЕАЭС. Вместе с тем в последнее время значительно активизировался процесс так называемого турецкого проекта тюркской интеграции. Для Турции значимым достижением стало формирование Организации тюркских государств на базе ранее действовавшего Совета сотрудничества тюркских государств. Помимо традиционных направлений турецкой дипломатии в

культурно-гуманитарной и образовательной сфере, в рамках данной организации продвигается также и торгово-экономическое сотрудничество.

На этом фоне возникает дискуссия о своеобразной конкуренции евразийского и тюркского интеграционных форматов. Казахстан, выступающий активным членом обеих структур, проводит достаточно гибкую внешнюю политику, развивая взаимовыгодные отношения и продвигая свои национальные интересы в рамках данных интеграционных объединений.

В данной статье предпринят сравнительный анализ этих структур с применением системного подхода, рассмотрение их эволюции и отличительные особенности. Также рассматривается внешнеполитическое позиционирование Казахстана на текущем этапе.

Тюркская интеграция и ОТГ

В настоящий момент в ОТГ входят пять государств: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция, Узбекистан, а две страны являются наблюдателями: Венгрия и Туркменистан. Кроме того, в экспертной среде активизировалась дискуссия относительно возможного присоединения к ОТГ Таджикистана; в таком случае, это будет первая ирано-язычная страна в данной структуре [3]. В апреле 2024 г. председатель Народного совета Туркмении Г. Бердымухамедов пригласил президента Таджикистана Э. Рахмона в октябре 2024 г. принять участие в качестве почетного гостя в мероприятиях, посвященных 300-летию туркменского поэта Махтумкули Фраги и в совмещенном с ними неформальном саммите ОТГ.

На протяжении ряда лет были созданы различные структуры для продвижения тюркской интеграции и развития сотрудничества в сфере культуры и образования. Так, в 1993 г. в рамках соглашения министров культуры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Турции была создана Организация тюркской культуры и искусств (ТЮРКСОЙ). Несколько позже к Организации в качестве наблюдателей присоединились Турецкая Республика Северного Кипра, регионы Российской Федерации – республики Татарстан, Башкортостан, Алтай, Саха (Якутия), Тува, Хакасия, а также Гагаузия, входящая в состав Молдовы.

В 2006 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев инициировал создание Парламентской Ассамблеи тюркоязычных стран (ТюркПА). В 2008 г. Азербайджан, Турция, Казахстан и Кыргызстан подписали в Стамбуле Соглашение о создании Парламентской Ассамблеи тюркских государств. В 2012 г., также по инициативе Казахстана, была создана Тюркская Академия, которая базируется в Астане [4].

Кроме того, сотрудничество осуществляется в рамках таких структур, как Организация экономического сотрудничества, созданная в 1985 г., в которую входят государства Центральной Азии, Иран, Пакистан и Турция [5].

Важным шагом стало создание в 2009 г. Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ). На начальном этапе в эту организацию, помимо Казахстана и Турции, входили также Азербайджан и Кыргызстан.

Прорывным стал VI саммит Тюркского совета в 2018 г., когда было высказано намерение укрепить эту структуру. На VII саммите Тюркского совета был сформирован Координационный комитет для совершенствования работы тюркоязычных организаций [6]. В 2019 г. к организации присоединился Узбекистан. На VIII саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств в Стамбуле в 2021 г. было принято решение о преобразовании Совета в полноценную Организацию тюркского сотрудничества. Тогда же в качестве наблюдателя в Организацию был принят Туркменистан.

На X-м юбилейном саммите Организации тюркских государств в Астане в 2023 г. президент Казахстана К.-Ж. Токаев озвучил концепцию развития организации – TURKTIME. В частности, Токаев подчеркнул: «В целях укрепления тюркского единства наше председательство пройдет под девизом “Тюркская эпоха!” или “TURKTIME!”». Этот девиз определяет восемь приоритетов: Традиции, Объединение, Реформы, Знания, Доверие, Инвестиции, Медиация и Энергия.

Эти приоритеты рассчитаны на краткосрочную и среднесрочную перспективу, охватывая десятилетний период до 20-го саммита Организации» [7]. В ходе данного саммита был принят концептуальный документ «Перспективы тюркского мира – 2040» или «Видение до 2040 года». Среди других предложений и направлений сотрудничества, озвученных Казахстаном, можно выделить:

- Совместное изучение неисследованных источников тюркской истории;
- Взаимное продвижение телесериалов, произведенных в наших странах;
- Популяризация анимационных фильмов для детей.

Одной из главных задач, поставленных президентом Токаевым, является духовное сближение народов.

В настоящее время в рамках организации ведется активная работа по институционализации и формированию договорно-правовой базы. Так, между правительствами государств – членов ОТГ было подписано Соглашение о международных комбинированных грузовых перевозках, которое создает предпосылки для дальнейшего увеличения объемов транзитных перевозок грузов через Казахстан.

Кроме того, в рамках Соглашения вводится понятие Упрощенного таможенного коридора, основанного на электронном обмене информацией о перемещении товаров и транспортных средств с применением технологий обмена информацией между таможенными органами государств-членов. Данное соглашение должно упростить процедуру сквозного прохождения грузов и, соответственно, способствовать увеличению грузооборота.

В 2023 г. было подписано Соглашение о создании Тюркского инвестиционного фонда, который стал первым совместным финансовым

институтом экономической интеграции тюркского мира. Его целью является содействие экономическому развитию государств – участников Организации посредством расширения внутрирегиональной торговли и поддержки экономической деятельности. Уставной капитал делится на оплаченные акции с общей номинальной стоимостью 350 млн долл., а также привлекаемые акции с номинальной стоимостью 150 млн долл. На каждое государство приходится по 70 млн долл. оплаченных акций.

В рамках организации предусмотрено сотрудничество в культурной и образовательной сферах. В сфере образования и культуры действует Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави. В его филиалах, расположенных в четырех городах, обучается около 8000 студентов. Кроме того, в сентябре 2024 г. в Баку состоялось третье заседание Комиссии по общему алфавиту тюркского мира ОТГ, в ходе которого был согласован проект Общего тюркского алфавита, состоящего из 34 букв.

Контент-анализ отношения казахстанской блогосферы к этому событию, проведенный автором, показывает в целом положительное отношение к общему алфавиту. Так, один из блогеров пишет: «Алфавит, это фундамент единого образования и общего осознания самоидентификации. Для рынка, думаю, огромные возможности открываются, в первую очередь для печатных издательств, СМИ и рекламных агентств, ведь общий рынок с несколькими сотнями миллионов потребителей».

Другая блогерша отмечает: «Этот шаг знаменует собой не только техническую, но и культурную революцию. Он позволит нам легче обмениваться знаниями, улучшить взаимопонимание и сохранить наше богатое наследие. По мне, новый алфавит поможет упростить обучение и коммуникацию, что особенно важно для нас, молодого поколения. Теперь мы сможем быстрее находить общий язык и укреплять связи между нашими странами еще легче».

В то же время нашлись критики, которые отмечали, что этот вариант алфавита не отражает звучание некоторых букв казахского языка при том, что сердце тюркского мира – Казахстан, а в самой Турции тюрков всего 75%. Общие же настроения касательно процессов в рамках ОТГ можно охарактеризовать как комплиментарные, что связано скорее с проводимой Турцией в регионе политикой «мягкой силы».

По мнению ряда исследователей, с приходом к власти в Турции Р.Т. Эрдогана Центральная Азия стала одним из важнейших направлений публичной дипломатии Турции. Если ранее Анкара активно использовала лозунг «Одна нация, два государства», имея в виду Турцию и Азербайджан, то сейчас продвигается новый лозунг: «Одна нация, пять государств» [8].

В целом в обсуждении роли ОТГ и Турции на пространстве Центральной Азии сложилось несколько точек зрения. Согласно первой, значительная активизация Турции в регионе негативно влияет на развитие сотрудничества с Россией и нацелена на вытеснение ее из региона

Центральной Азии [9]. Другая, менее радикальная точка зрения сводится к тому, что, несмотря на проведенную работу, у Турции в регионе до сих пор отсутствует необходимый институциональный авторитет и экономический вес [10]. Основываясь на показателях торгово-экономического сотрудничества и фактического состояния дел, представляется, что именно вторая точка зрения отражает реальное положение дел.

Евразийская интеграция и ЕАЭС

Если говорить об истоках Евразийского экономического союза, то можно обнаружить, что его основой стало начало центральноазиатской интеграции в 1994 г., когда был подписан договор между Казахстаном и Узбекистаном о создании «Единого экономического пространства», к которому в 1998 г. присоединились Кыргызстан и Таджикистан. Позже эта организация трансформировалась в Центральноазиатский союз (ЦАС), а затем – в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). В 2002 г. ЦАЭС был преобразован в организацию «Центральноазиатское сотрудничество» (ЦАС).

В 2004 г. по предложению президента Узбекистана к ЦАС присоединилась Россия, что изменило характер центральноазиатской интеграции: в 2005 г. по предложению президента России В. Путина ЦАС была объединена с Евразийским экономическим сообществом, которое влилось в Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, а затем – в Евразийский экономический союз. В дальнейшем эта структура переросла в Единое экономическое пространство и наконец в 2015 г. – в ЕАЭС, в который входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия [2]. Таким образом, исторически в основе институционального развития евразийской интеграции были процессы центральноазиатского сближения.

В рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, лиц, услуг и капиталов. В ближайшие годы начнет функционировать общий рынок газа, нефти и нефтепродуктов, а в 2025 г. должен заработать единый биржевой и финансовый рынки. Всего же, согласно данным Правового портала ЕАЭС, договорная база Союза состоит из 9482 документов, включая: Акты Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Евразийской экономической комиссии, Суда Евразийского экономического союза, документы ТС и ЕЭП, информацию о ходе выполнения государствами – членами ЕАЭС внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу международных договоров ЕАЭС, международные договора, меморандумы, заявления, официальные сообщения ЕЭК [11].

В мае 2023 г. к уже имеющимся четырем свободам президент России В. Путин предложил добавить пятую свободу – свободу знаний, которая обеспечила бы формирование и развитие общего культурного пространства и общевразийской идеологии [12]. При этом в отношении евразийской

интеграции Казахстан изначально занял принципиальную позицию, заявив, что это – исключительно экономическое объединение без какой-либо политической составляющей. В 2015 г. премьер-министр Казахстана, а ныне председатель Евразийской экономической комиссии Б. Сагинтаев отмечал: «Мы выступаем за региональную интеграцию, в этой связи рассматриваем Евразийский экономический союз только как объединение по экономическому принципу» [13].

Аналогичной позиции придерживался и первый президент Казахстана Н. Назарбаев. В апреле 2016 г. в ходе Саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне (США) он отмечал, что ЕАЭС – это сугубо экономический проект, который не ставит задачи воссоздать Советский Союз [14]. Президент Токаев также ставит во главу угла в рамках ЕАЭС вопросы развития экономической кооперации. В ходе заседания Высшего евразийского экономического совета в мае 2024 г. он заявил: «В условиях глобального технологического прогресса остро стоит вопрос повышения “сложности” производимой продукции. Поэтому необходимо усилить технологическую интеграцию в реальном секторе экономики. Как известно, с текущего года будет оказываться финансовое содействие промышленным кооперационным проектам за счет средств бюджета Евразийского экономического союза» [15]. При этом Токаев выступает за расширение организации за счет новых торговых партнеров, в частности, он выделяет Монголию, Индию и другие заинтересованные государства.

Что касается основополагающих документов ЕАЭС, как, например, Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, то в данном документе сфере образования, развития культуры не уделяется достаточно внимания [16].

В декларации о развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь», подписанной 25 декабря 2023 г. главами государств ЕАЭС, также рассматриваются сугубо прагматические вопросы: обеспечение общего рынка ЕАЭС ключевыми товарами и ресурсами, технологического развития, развития транспортно-логистического комплекса, финансового рынка и других отраслей, а также развития ЕАЭС в качестве полюса притяжения для третьих стран [17].

При этом образовательное сотрудничество все же развивается. Так, например, с 2 мая 2024 г. в странах – членах ЕАЭС вступило в силу Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях [18]. Помимо этого, 26 мая 2023 г. ректоры вузов стран ЕАЭС подписали Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета (ЕСУ) по аналогии с сетевыми университетами ШОС, СНГ и БРИКС. В настоящий момент в состав сетевого Университета входят 20 ВУЗов стран – членов ЕАЭС.

Интеграции тюркская и евразийская

Тюркская интеграция развивается на основе этнокультурного и исторического единства тюркских народов и направлена на укрепление политического, экономического и культурного сотрудничества между странами-участницами. В отличие от ОТГ, ЕАЭС развивается на основе экономического прагматизма и предусматривает создание общего рынка с четырьмя основными свободами: движение товаров, лиц, услуг и капиталов.

Таким образом, ОТГ опирается на культурно-гуманитарное взаимодействие стран-участниц, тогда как ЕАЭС использует институциональный экономический механизм. ОТГ активно развивает политическое сотрудничество между тюркскими странами, в то время как в ЕАЭС избегают обсуждения вопросов политической интеграции, концентрируясь на экономике.

Тюркская интеграция и ЕАЭС представляют собой два разных формата взаимодействия на евразийском пространстве, каждый из которых ставит свои цели и использует уникальные подходы. При этом процесс тюркской интеграции от вопросов культурного и образовательного сотрудничества переходит к вопросам практического и экономического сотрудничества, в то время как ЕАЭС от вопросов сугубо прагматического характера предпринимает определенные шаги в развитии образования и выстраивания евразийской идентичности. При этом, учитывая перечень обсуждаемых проблем, можно утверждать, что данные форматы не противоречат друг другу.

Внешнеполитическое позиционирование Казахстана

В стремительно меняющейся геополитической реальности от страны требуется умение выстраивать прочные связи и продвигать конструктивное взаимодействие с партнерами и союзниками, оперативно реагировать на возникающие вызовы. С учетом этого, президент Казахстана К-Ж. Токаев 19 апреля 2023 г. на совещании по вопросам социально-экономического развития страны поручил обновить концепцию внешней политики Казахстана, с учетом имеющихся геополитических сдвигов и вызовов [19]. Предыдущая Концепция на период 2020–2030 гг. принималась в качественно иных условиях, в период, когда только начинала распространяться пандемия COVID-19. Поэтому логично, что новые мировые условия диктуют необходимость пересмотра концептуальных подходов.

В настоящее время, по выступлениям президента Токаева и данным международных аналитических центров, можно отметить, что Казахстан продвигает свои национальные интересы в качестве проактивной средней державы. Эти национальные интересы отражены в прагматической внешнеэкономической политике, в первую очередь – в привлечении новых

инвестиций в развитие экономики, а также открытии новых рынков сбыта произведенной продукции [20].

В Казахстанском институте стратегических исследований разрабатывали методологию определения критериев средних держав [21] и использование этих критериев применительно к Казахстану [22]. Одним из результатов проделанной работы стал выпуск в сентябре 2023 г. книги ведущего эксперта КИСИ М. Жиенбаева “Widening the Scope: How Middle Powers are Changing Liberal Institutionalism” [23]. Основной вывод авторов заключается в том, что, с учетом своих ресурсов, геополитического положения и внешнеполитического поведения, Казахстан располагает потенциалом стать средней державой.

Развитию этой идеи способствовало включение научно-аналитическим центром «Фонд науки и политики» (SWP) Казахстана в число 51 средней державы в рамках проекта «Средние державы – важные акторы в международной политике» [24]. Президент Токаев в своих выступлениях неоднократно обращался к термину «средние державы». Впервые о средних державах и их роли Токаев заявил в своей речи в рамках 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он отметил, что голоса «средних держав» и всех развивающихся стран в Совете Безопасности должны стать более весомыми и четко услышаны [25].

В рамках государственного визита 24 мая 2024 г. президент К.-Ж. Токаев выступил с сингапурской лекцией, в которой высказал свое видение роли средних стран и устойчивого развития. В частности, он отметил, что задачей средних держав является активное участие в укреплении глобальной стабильности и многостороннего сотрудничества и посредством этого – в предотвращении конфликтов и преодолении поляризации в международных отношениях. Средние державы должны продвигать диалог и компромисс в условиях ослабления позиций традиционных супердержав и кризиса глобальной безопасности [26].

28 мая 2024 г. Токаев опубликовал статью в Евроньюс, в которой предложил, чтобы средние державы, обладающие достаточными экономическими и дипломатическими ресурсами, взяли на себя роль ответственных менеджеров на мировой арене. Эти страны могут использовать свою гибкость и дипломатические возможности для разрешения конфликтов и развития международного сотрудничества в таких сферах, как продовольственная безопасность, изменение климата и устойчивость глобальных цепочек поставок [27].

Что касается ЕАЭС и ОТГ, Казахстан играет ключевую роль в обоих проектах, и это позволяет стране балансировать между тюркской идентичностью и евразийской экономической кооперацией, продвигая свои национальные интересы и поддерживая стабильность в регионе. В сотрудничестве с Россией и Турцией Казахстан играет активную роль и в ОТГ, и в ЕАЭС. При этом говорить о том, что Турция каким-либо образом вытесняет

Россию, основываясь на таких показателях, как торговля, инвестиции, совместные предприятия, не приходится.

Так, в сфере торговли Россия выступает одним из главных торговых партнеров Казахстана. Согласно данным казахстанской статистики за первое полугодие 2024 г., Россия была вторым торговым партнером Казахстана после Китая с объемом товарооборота в 12,1 млрд долл., тогда как Турция заняла 6-е место с показателем в 2,4 млрд долл., что в пять раз ниже российских показателей, причем подобный разрыв сохраняется на протяжении более десяти лет.

По валовому притоку инвестиций в экономику Казахстана по итогам 2023 г., согласно данным Национального банка РК, Россия была на втором месте после Нидерландов с показателем в 3 млрд долл. Турция же оказалась на 14-м месте с показателем в 434 млн долл.

При этом, согласно Национальному плану развития до 2029 г., Казахстан планирует нарастить экспорт обработанной продукции с 26,4 млрд в 2024 г. до 37,9 млрд долл. в 2029 г. [28]. Соответственно, будет проводиться более активная работа со всеми имеющимися и потенциальными торговыми партнерами.

В сфере инвестиций Казахстан также намерен значительно нарастить приток капитала в экономику страны. Согласно данным Национального банка Казахстана, в 2023 г. валовой приток иностранных инвестиций сократился с 28,1 млрд до 23,4 млрд долл. Однако более показателен приток чистых инвестиций, т.е. приток инвестиций за вычетом реинвестированного дохода и погашения долговых обязательств. Данный показатель за последние десять лет сократился в четыре раза – с 13,3 млрд до 3,2 млрд долл.

Большая часть всех инвестиций сконцентрирована в сырьевых малопродуктивных секторах. Казахстан же ставит одной из главных экономических задач переход от сырьевой модели экономики к обрабатывающей и двукратное удвоение ВВП к 2029 г. Для этого потребуется значительный приток нового капитала в обрабатывающие сектора экономики, поэтому страна заинтересована в активном привлечении нового капитала в обрабатывающий сектор, и, соответственно, проводит многовекторную политику для обеспечения устойчивого роста.

В сфере образования, где, казалось бы, позиции Турции сильны, сотрудничество с Россией также превалирует. Турция сделала ставку на совместные казахско-турецкие школы и открыла в Казахстане несколько филиалов турецких ВУЗов, а в Турции учится 8219 казахстанских студентов [29]. Для сравнения – в России учится порядка 60 тысяч студентов из Казахстана.

Активно развивается сотрудничество в сфере высшего образования, планируется открытие филиала МГИМО в дополнение к уже работающим филиалам таких российских ВУЗов, как филиал МГУ в Астане, Усть-Каменогорский филиал МЭСИ, филиал МИФИ в КазНУ им. Аль-Фараби,

филиал РГУ им. Губкина в Атырауском университете нефти и газа, Костанайский филиал ЧелГУ, Алматинский филиал Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Планируется также открытие филиала РХТУ имени Менделеева на базе Таразского регионального университета имени Дулати [30].

При этом в сфере образования Казахстан также продвигает и свою «мягкую силу» – ранее были достигнуты договоренности о строительстве в России трех казахских школ и трех русских школ в Казахстане.

Таким образом, можно заключить, что «мягкий» капитал Турции в Казахстане пока не преобразовывается в какие-либо более практические реалии в сфере торговли и экономики.

Заключение

На фоне усиливающейся геополитической конкуренции и меняющейся региональной динамики евразийская и тюркская интеграции представляют собой два разных, но не противоречащих друг другу формата сотрудничества на пространстве Большой Евразии. Тюркская интеграция, основанная на культурно-этническом единстве и общем историческом наследии народов, способствует укреплению политического, экономического и культурного взаимодействия между тюркскими странами, тогда как Евразийский экономический союз сосредоточен на развитии экономических связей и создании единого рынка с акцентом на прагматизм и институциональное сотрудничество.

Несмотря на существующие различия в целях и задачах этих интеграционных объединений, Казахстан демонстрирует способность эффективно балансировать между двумя форматами, занимая активную позицию в обоих проектах. Это позволяет стране продвигать свои национальные интересы и усиливать влияние на региональную политику. Участвуя в ОТГ и ЕАЭС, а также в других форматах многостороннего сотрудничества, Казахстан избегает возникновения конфликтов интересов и одновременно расширяет свое присутствие на международной арене, выстраивая систему стратегического балансирования.

Анализ внешнеполитического позиционирования Казахстана показывает, что страна успешно проводит многовекторную политику, направленную на поддержание устойчивого экономического роста и углубление международного сотрудничества. Стремление к развитию экономической кооперации, а также к укреплению культурных и образовательных связей на уровне как ЕАЭС, так и ОТГ, создает дополнительные возможности для расширения стратегического партнерства со странами Центральной Азии, Европы и Турции.

Таким образом, продолжая развивать свое участие в евразийских и тюркских интеграционных структурах, Казахстан демонстрирует способность

гибко адаптироваться к изменениям геополитической обстановки и эффективно использовать преимущества обеих интеграций для реализации своих внешнеполитических и экономических целей.

При этом ЕАЭС как структура может заимствовать опыт ОТГ в части продвижения своей «мягкой силы», формирования более узнаваемого и притягательного образа как для стран-участниц, так и для третьих стран, потенциальных партнеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саидов Б. 2024. Сравнительный анализ интеграционных инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии // Известия Восточного института, № 3. С. 137-149. doi:10.24866/2542-1611/2024-3/137-149
2. Акаев А.А., Кефели И.Ф. 2024. Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Т. 18 № 2. С. 10-25. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-10-25>. EDN: JRDWKI.
3. Вернигора А. 2023. Турецкие инвестиции в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. № IV (LXI). С. 139-153. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-139-153>
4. Свистунова И. 2023. Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // Россия и новые государства Евразии. № III (LX). С. 45-54. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-45-54>
5. Kukeeva F., Chukubayev E., Sultanmuratov N., Alypkyzy R. 2019. Public diplomacy and soft power of Turkey in Kazakhstan // Bulletin of KazNU. Series International Relations and International Law. Volume 86. Issue 2.
6. Мухамеджанова С.Б., Шалдарбекова А.Б. 2023. Приоритеты развития тюркской культурной интеграции // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. Т. 142. № 1. С. 257-268.
7. Состоялся X саммит Организации тюркских государств // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 03.11.2023. URL: <https://www.akorda.kz/ru/sostoyalsya-x-sammit-organizacii-tyurkskih-gosudarstv-3105444> (дата обращения 15.09.2024).
8. Kenzhebayev S.B., Kussainova A.M. 2023. The main directions of Turkey's policy in Central Asia // Bulletin of Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. Political science. Regional studies. Oriental. Turkology Series Vol. 142. No. 1. Pp. 67-74.
9. Правовой портал Евразийского Экономического Союза. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения 18.09.2024).

10. Малышева Д. 2024. Центральноеазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. № II (LXIII), С. 60-72. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-2-60-72>
11. Притчин С.А. 2024. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. №2 (69). С. 52-62.
12. Путин предложил обеспечить «свободу знаний» в ЕАЭС на общих принципах образования стран // ТАСС. 25.05.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17842629> (дата обращения 23.09.2024).
13. Сагинтаев Б.: Казахстан рассматривает ЕАЭС только как объединение по экономическому принципу // Казинформ. 21.05.2015. URL: https://www.inform.kz/ru/b-sagintaev-kazahstan-rassmatrivaet-eaes-tol-ko-kak-ob-edinenie-po-ekonomicheskomu-principu_a2778403 (дата обращения 23.09.2024).
14. Назарбаев: ЕАЭС является экономическим проектом // РИА Новости. 11.04.2016. URL: <https://ria.ru/20160401/1400798394.html> (дата обращения 24.09.2024).
15. Что Токаев назвал приоритетом в ЕАЭС // Ulysmedia.kz. 08.05.2024. URL: <https://ulymedia.kz/news/30915-chto-tokaev-nazval-prioritetom-v-eaes/> (дата обращения 24.09.2024).
16. Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 года № 4. «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H21EV00004R> (дата обращения 24.09.2024).
17. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» (г. Санкт-Петербург, 25 декабря 2023 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35766947 (дата обращения 24.09.2024).
18. В странах ЕАЭС начали взаимно признаваться ученые степени // ЕЭК. 02.05.2024. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-stranakh-eaes-nachali-vzaimno-priznavatsya-uchenye-stepeni/> (дата обращения 25.09.2024).
19. Токаев заявил о необходимости обновления концепции внешней политики Казахстана // ТАСС. 19.04.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raporama/17556937> (дата обращения 25.09.2024).
20. Тукумов Е. 2024. Реформы и дипломатия Президента Токаева // Мировая экономика и международные отношения. Т. 68. № 5. С. 91-105. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-91-105>
21. Kurmashev A., & Houman, S. 2022. Understanding criteria for defining small and middle powers // Journal of Central Asian Studies. Vol. 88. No. 4. Pp. 7-22. <https://doi.org/10.52536/2788-5909.2022-4.01>

22. Утегенова, А. 2023. Теоретические подходы к анализу статуса Казахстана как «Средней Державы» // Казахстан-Спектр. Т. 105. № 1. С. 24-37. <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.02>

23. Widening the Scope. Расширение горизонтов теории международных отношений // КИСИ. 27.09.2023. URL: <https://kisi.kz/ru/widening-the-scope-rasshirenie-gorizontov-teorii-mezhdunarodnyh-otnoshenij/> (дата обращения 27.09.2024).

24. Lippert B., Mair S. (eds.). Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik // SWP-Studie 2024/S 01, 23.01.2024, 94 Pages. doi:10.18449/2024S01. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/mittlere-maechte-einflussreiche-akteure-in-der-internationalen-politik#hd-d63603e1112> (дата обращения 27.09.2024).

25. Президент Касым-Жомарт Токаев выступил на общих дебатах в рамках 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 20.09.2023. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-obshchih-debatah-v-ramkah-78-y-sessii-generalnoy-assamblei-onn-2081958> (дата обращения 27.09.2023).

26. Глава государства выступил с лекцией «Казахстан и роль средних держав: продвигая безопасность, стабильность и устойчивое развитие» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 24.05.2024. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-s-lekciey-kazahstan-i-rol-srednih-derzhav-prodvigaya-bezopasnost-stabilnost-i-ustoychivoe-razvitie-244173> (дата обращения 29.09.2024).

27. Kassym-Jomart Tokayev. Middle powers have the power to save multilateralism. URL: <https://www.euronews.com/2024/05/28/middle-powers-have-the-power-to-save-multilateralism> (дата обращения 01.10.2024).

28. Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611 «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (дата обращения 01.10.2024).

29. В Турции продолжают находиться свыше 75 тысяч казахстанцев после крупнейшего землетрясения // Курсив. 07.02.2023. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-02-07/zhn-r-kz/> (дата обращения 02.10.2024).

30. Глава государства выступил на конференции «Устойчивое развитие и безопасность на евразийском пространстве» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 30.09.2024. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-na-konferencii-ustoychivoe-razvitie-i-bezopasnost-na-evraziyskom-prostranstve-308726> (дата обращения 02.10.2024).

А. Сихарулидзе

**«НЕПРАВИЛЬНАЯ» ДЕМОКРАТИЯ:
ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ГРУЗИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-166-181

Сихарулидзе Арчил Теймуразович, магистр международных отношений, основатель научно-исследовательского института SIKHA Foundation (Грузия, Тбилиси),

ORCID 0000-0002-3989-2451, archil.sikharulidze@tsu.ge

Статья поступила в редакцию 06.12.2024. Одобрена
после рецензирования 23.12.2024. Принята к публикации 24.12.2024.

Аннотация: Парламентские выборы в Грузии прошли на фоне поляризации и противостояния не только внутреннего, но и внешнего. Грузинская оппозиция полностью опиралась на западную поддержку, которая сместилась в ее пользу после начала СВО на Украине. «Грузинская мечта» сделала ставку на внутреннего избирателя, активно работая с гражданами своей страны в регионах. Правящая сила смогла вновь одержать победу, что повергло оппозицию и представителей западной номенклатуры в шок. Идут протесты с требованиями новых парламентских выборах на основе «честности» и «справедливости». Фактологических аргументов у оппонентов власти нет, но поддержка извне делает их пожелания возможными, «легитимными» для части грузинского общества. Безусловно, нарушения на выборах были, и это не секрет, но они не могли значительным образом повлиять на общую картину. Следовательно, если отложить в сторону заезженные обвинения в фальсификации, подкупе, давлении, «каруселях», вбросах и, конечно же, вмешательстве со стороны России, то можно выделить три основополагающих фактора поражения оппозиции. В первую очередь, это идейно-ресурсный кризис критиков власти, которые за последние несколько лет не смогли никого и ничего нового предложить населению. Во-вторых, это основная ставка на поддержку Запада и пропаганда т. н. «радикальной европеизации» – лозунга, который был неактуален для большей части избирателя. Последнее – активное и зачастую грубое вмешательство со стороны Запада, которое скорее раздражало нейтрального избирателя, нежели способствовало продвижению интересов оппозиции.

Ключевые слова: Грузия, выборы, политика, санкции, вмешательство, Европа, «Грузинская мечта».

“IRREGULAR” DEMOCRACY: THE PARLIAMENTARY ELECTIONS IN GEORGIA

Archil T. Sikharulidze, Master of International Relations, founder of the SIKHA Foundation Research Institute (Tbilisi, Georgia),
ORCID 0000-0002-3989-2451, archil.sikharulidze@tsu.ge

Received 06.12.2024. Revised 23.12.2024. Accepted 24.12.2024.

Summary: The parliamentary elections in Georgia took place amidst polarization and confrontation, not only internal but also external. The Georgian opposition fully relied on Western support, which shifted in their favor after the start of the conflict in Ukraine. Meanwhile, the Georgian Dream party focused on domestic voters, actively engaging with citizens in various regions of the country. The ruling elite managed to secure another victory, which shocked the opposition and representatives of the Western establishment. Protests are ongoing with demands for new parliamentary elections based on “fairness” and “justice”. The opposition lacks factual arguments but enjoys external support, which makes their demands appear possible and “legitimate” to a portion of Georgian society. Undoubtedly, violations occurred, and this is no secret, but they could not significantly affect the overall outcome. Therefore, if we set aside the clichéd accusations of fraud, bribery, pressure, “carousel voting”, ballot-stuffing, and, of course, interference by Russia, three fundamental factors behind the opposition's defeat emerge. First and foremost is the ideological and resource crisis of the opposition, which over the past few years has failed to offer anything new or appealing to the population. Secondly, their primary reliance on Western support and the promotion of so-called “radical Europeanness” as a slogan proved irrelevant to the majority of voters. Lastly, the active and often heavy-handed external interference by the West likely irritated neutral voters more than it advanced the interests of the opposition.

Keywords: Georgia, elections, politics, sanctions, interference, Europe, Georgia Dream.

Введение

Парламентские выборы, состоявшиеся в Грузии 26 октября 2024 года, вызвали споры и критику как внутри страны, так и за ее пределами. Пятый президент Грузии Саломе Зурабишвили и оппозиционные партии были в шоке от результатов голосования, поскольку не ожидали своего поражения. Однако, собравшись с мыслями, они заявили о несостоятельности выборов, призвали и внешних игроков не признавать победу «Грузинской мечты» и поддержать их как легитимных представителей грузинского народа.

Свою лепту в это движение внесли и некоторые неправительственные организации, например Transparency International Грузия, Международное общество за честные выборы и демократию (ISFED), которые также заявили, что предвыборная кампания носила насильственный характер, а поэтому выборы априори нельзя признать «честными» и «справедливыми».

По данным Центральной Избирательной Комиссии (ЦИК) Грузии, общее число избирателей составило 3 508 294 человек, а приняли участие в голосовании 2 111 834 человек. В результате технических и других факторов недействительными были признаны 34 974 бюллетеней.

Голоса избирателей распределились следующим образом: (1) «Грузинская мечта» получила 1 120 053 голоса, что составило 53,9% от общего числа голосов и обеспечило партии 89 депутатских мандатов в парламенте; (2) «Коалиция перемен» – Гварамия, Мелия, «Гирчи», «Дроа» – получила 229 161 голос, т. е. 11,03% (19 мандатов); (3) «Единое национальное движение» – 211 216 голосов, т. е. 10,17% (16 мандатов); (4) «Сильная Грузия – Лело для народа и за свободу» – 182 922 голоса, т. е. 8,81% (14 мандата); (5) «Гахария за Грузию» – 161 521 голос, т. е. 7,78% (12 мандатов) [1]. Остальные партии не смогли преодолеть 5-процентный барьер.

В итоге «Грузинская мечта» не смогла обеспечить себе конституционное большинство, но получила 89 депутатских мандатов, тогда как оппозиция из 150 мест в парламенте в сумме получила 56. Сложившаяся расстановка сил, с одной стороны, еще раз указывает на доминирование правящей партии над своими конкурентами, с другой – на востребованность среди определенной части грузинского населения политического многообразия, а возможно – создания в будущем коалиционного правительства, и свидетельствует об усталости общества от доминирования правящей политической силы.

Если исключить сложившуюся среди оппозиционно настроенных политиков практику непризнания результатов любых выборов, на которых оппозиция не побеждает, то оппоненты власти высказали ряд критических замечаний в отношении процедуры голосования. В частности, многочисленные наблюдатели и организации сообщали о покупке голосов, давлении и запугивании избирателей, множественном голосовании и нарушении секретности самого процесса голосования. Отдельно следует отметить заявления С. Зурабишвили о том, что выборы были проведены «российскими спецслужбами».

Многие обвинения касаются того, что происходило в регионах страны. Были сообщения о целенаправленных попытках подкупа избирателей в обмен на поддержку определенной партии, в частности, имеется в виду «Грузинская мечта». По словам наблюдателей, гражданам предлагали денежные средства или другие материальные блага. Избиратели, особенно в сельских районах, также подвергались давлению со стороны местных властей и представителей правящей партии с целью повлиять на их выбор.

Встречаются утверждения, что были зафиксированы случаи, когда одни и те же лица голосовали несколько раз на разных участках, что ставит под сомнение достоверность избирательных списков. Например, организация «Мой голос» заявила о серьезных нарушениях, включая множественное голосование и давление на избирателей [2]. Особый резонанс вызвало утверждение местных НКО, представителей оппозиции и Зурабишвили о нарушении секретности процесса голосования. По их заявлениям, чернила и бланки избирательных бюллетеней позволяли посторонним лицам разобрать, за кого тот или иной человек отдавал свой голос. Это в совокупности с установленными внутри участков камерами усугубляло атмосферу давления и устрашения.

Был подан иск в Конституционный суд Грузии, который, однако, не был принят, а все апелляционные суды присоединились к мнению «Грузинской мечты», что этот аргумент несостоятелен и представляет собой попытку найти повод для непризнания результатов выборов [3]. На данный момент можно констатировать, что большинство подобных утверждений не подтверждены фактами и не имеют твердой аргументации, в том числе о якобы имевшем место вмешательстве российской стороны [4]. Окончательное заключение наблюдателей ОБСЕ повторило уже известный вывод, что нарушения были, но они не могли оказать существенного влияния на окончательную расстановку политических сил [5].

Победа «Грузинской мечты» не может быть объяснена исключительно утверждениями о фальсификациях, подкупах, использовании административного ресурса и «тайной» руке Кремля. Партия пользуется значительной поддержкой, особенно в сельских районах, где избиратели воспринимают ее как гаранта стабильности и мира. При этом можно выделить несколько факторов, которые сделали победу «Грузинской мечты» достаточно предсказуемой.

В первую очередь – идейно-ресурсный кризис самой оппозиции, которая за последние несколько лет не смогла предложить населению ничего нового. Во-вторых, это ставка на поддержку со стороны Запада и пропаганда так называемой «радикальной европеизации» как лозунга, который был неактуален для большей части избирателей. Последний фактор – активное и зачастую грубое вмешательство со стороны Запада, которое скорее раздражало нейтрального избирателя, нежели способствовало продвижению интересов оппозиции.

Идейно-ресурсный кризис

Политическая оппозиция в Грузии долгое время находится в состоянии глубокой стагнации, которая вызвана двумя фундаментальными причинами. Первое – это целенаправленная работа «Грузинской мечты» и главной оппозиционной партии «Единое национальное движение» по устранению новых очагов оппонирования, новых точек протестного движения. Никто не

заинтересован в формировании новой общественной прослойки критически настроенных граждан, которые могли бы сформировать партию, не связанную ни с властью, ни с существующей оппозицией. Это движение привнесло бы диссонанс в уже сложившуюся расстановку сил и могло бы предложить населению альтернативу противостояния нынешней власти с предыдущей.

Однако «Грузинская мечта» не желает этого, поскольку ее устраивает сегодняшняя оппозиция, а оппозиция не хочет терять свои позиции. Постоянное манипулирование властью идеями, что грузинский избиратель должен выбирать из двух зол, всегда заканчивается победой «Грузинской мечты». В свою очередь, представители оппозиции признают, что в подобной конфронтации у них мало шансов, но они все еще надеются, что рано или поздно избиратель забудет о преступлениях прошлого. Если появится новая оппозиционная партия, то «Грузинская мечта» не сможет использовать эту формулу, а оппозиция и вовсе потеряет надежду на возврат к власти. Следовательно, стороны активно подавляют альтернативные центры протеста и протестных настроений [6].

Во-вторых, среди существующих оппонентов правящей партии нет единства, ощущается нехватка новых идей и свежих лиц, что предопределяет низкий рейтинг как их лидеров, так и самих партий. Этот кризис является одной из ключевых причин, по которым правящая партия «Грузинская мечта» сохраняет доминирующие позиции на протяжении последних двенадцати лет, несмотря на критику внутри страны и за ее пределами.

Одной из наиболее заметных черт оппозиционного лагеря в Грузии является его фрагментарность. На политической арене представлено множество «переплетенных» между собой партий и движений, которые зачастую конкурируют друг с другом вместо того, чтобы объединить усилия против правящей политической силы. Попытки создать единый фронт, как правило, заканчиваются неудачей из-за идеологических разногласий, личных амбиций лидеров и отсутствия доверия между различными группами.

Примером может служить провал мер по координации действий оппозиции на парламентских выборах 2020 и 2024 г. Несмотря на общий консенсус по вопросу о необходимости реформ в избирательной системе и ослабления влияния «Грузинской мечты», оппозиционные партии не смогли договориться о единых кандидатах в ключевых избирательных округах [7].

Отдельно следует отметить попытки оппозиционно настроенного президента С. Зурабишвили объединить протестное движение под своим руководством. В сентябре 2024 г. Зурабишвили инициировала переговоры между двумя основными оппозиционными силами – партией «Сильная Грузия» Мамуки Хазарадзе и партией бывшего премьер-министра Георгия Гахария «Гахария – За Грузию». Президент предложила объединить усилия этих партий для создания мощной оппозиционной коалиции, способной составить конкуренцию «Грузинской мечте».

Она пригласила лидеров партий на встречу в Орбелианский дворец, надеясь на успешное проведение переговоров. Однако переговоры провалились, не успев начаться. Основными препятствиями стали разногласия по ключевым вопросам, таким как политические события прошлых лет, включая протесты 20 июня 2019 г., а также проект строительства морского порта в Анаклии. Кроме того, возникли разногласия по поводу равного представительства партий в объединенном списке кандидатов. В результате 19 сентября 2024 г. партия «Гахария – За Грузию» объявила о прекращении переговоров, ссылаясь на внутренние разногласия в партии «Сильная Грузия». Все попытки Зурабишвили преодолеть распри провалились [8].

Еще одной проблемой оппозиции является дефицит свежих идей и политических инициатив. Большинство оппозиционных партий сосредоточены на критике «Грузинской мечты» и ее лидеров, но редко предлагают сколько-нибудь четкие и убедительные альтернативы. Политические платформы оппозиции зачастую сводятся к общим заявлениям о необходимости демократизации, борьбы с коррупцией и о евроинтеграции, но при этом – без конкретных предложений по реализации этих целей. Кроме того, многие из лидеров оппозиции продолжают использовать старую риторику, которая уже не находит отклика у значительной части общества. Это особенно заметно в отношении молодого поколения избирателей, для которых важны такие вопросы, как экологическая устойчивость, цифровизация, экономические реформы. Оппозиция же, как правило, сосредоточена на традиционных темах, что создает впечатление ее оторванности от реальных нужд общества. Среди широко используемых тем, конечно же, фигурирует якобы пророссийская природа правящей политической силы [9].

Лидеры оппозиционных партий в Грузии уже давно ассоциируются с политическим прошлым страны. Михаил Саакашвили, бывший президент и основатель партии «Единое национальное движение» (ЕНД), остается одной из самых заметных фигур оппозиции, несмотря на его противоречивую репутацию [10]. Однако влияние Саакашвили, как и других известных политиков, постепенно ослабевает из-за усталости общества от старых лиц, которые ассоциируются с предыдущими кризисами и конфликтами.

Многие партии пытаются привлекать в свои ряды новых людей, но эти усилия редко оказываются успешными. Отсутствие институциональной базы для подготовки молодых политиков и недостаток внутренней демократии в партиях мешают появлению новых лидеров. В результате оппозиция остается замкнутой в круге старых элит, что снижает ее привлекательность для избирателей [11].

Низкий политический рейтинг лидеров оппозиции зачастую выражается в недоверии к ним со стороны даже оппозиционно настроенных протестующих. В последние годы в Грузии протестующие нередко выражали недовольство действиями оппозиционных партий и их лидеров, что приводило к сценам на митингах, когда представители оппозиции были вынуждены

покидать протестные акции. Это явление было особенно заметным на фоне политической поляризации и обострения отношений между различными фракциями оппозиции и правительством.

Один из таких инцидентов произошел в 2024 г., когда оппозиционные политики пытались присоединиться к протестам против правящей партии «Грузинская мечта» [12]. Митингующие, среди которых были как обычные граждане, так и активисты, требовали изменений и демонстрировали протест против политики власти. Однако многие из протестующих не желали, чтобы представители некоторых оппозиционных партий использовали их акции для собственной политической выгоды. Это связано с тем, что оппозиционные силы, по мнению части протестующих, в прошлом занимались политическими играми, что подрывает доверие к ним со стороны населения [13].

В итоге к моменту парламентских выборов на руках у партий были как минимум два социологических опроса – от компании GORBI по заказу телеканала «Имеди» и опрос, проведенный Edison Research по заказу оппозиционного телеканала «Формула» [14]. Несмотря на значительные расхождения в результатах опросов, все данные указывали на доминирование правящей партии над оппозиционными политическими силами. «Грузинская мечта», даже согласно общественному опросу оппозиции, должна была выиграть выборы, следовательно, надежды возлагались лишь на совокупное большинство всех оппонентов власти. Учитывая пятипроцентный барьер, ставку на раздробленность и другие критические ошибки оппозиции, «Грузинская мечта» смогла собрать свое большинство.

Прагматизм против «радикальной европеизации»

Главной ошибкой оппозиции была тотальная ставка на Запад и работу в большей степени с внешними игроками, нежели с собственным избирателем. Исторически сложилось так, что правительству всегда трудно побеждать в таких политических центрах, как Тбилиси и Батуми, но оно получает значительную поддержку в регионах. Политические оппоненты «Грузинской мечты», в том числе и президент С. Зурабишвили, не только махнули рукой на активную предвыборную кампанию даже в Тбилиси, но и полностью проигнорировали регионального избирателя. Работа велась в основном в посольствах зарубежных стран и непосредственно за рубежом. Визитов в американские и европейские города было значительно больше, нежели в разные, хотя бы региональные центры Грузии. Следовательно, «Грузинская мечта» смогла легко и безоговорочно одолеть оппонентов вне больших городов, а также показала неплохие результаты в Тбилиси [15].

Грузинская оппозиция почему-то надеялась, что в случае получения поддержки со стороны стратегических партнеров извне она смогла бы автоматически получить голоса большинства избирателей в республике. Возможно, такая формула была рабочей в ранние годы независимости, но

сейчас грузинский избиратель подрос и ожидает прагматичных и внятных ответов от политических игроков, а не их визитов в Брюссель и Вашингтон. Уже недостаточно заручиться политическим благословением извне, чтобы получить одобрение собственного избирателя. Оппозиция потратила слишком много времени на очернение «Грузинской мечты» как пророссийской силы среди западных СМИ и политиков, забыв сформулировать те идеи, которые можно было бы предложить грузинскому обществу.

«Грузинская мечта» не стала тратить время на доказательство своей невиновности за рубежом и полностью сконцентрировалась на более сбалансированном, умеренном и консервативном национальном большинстве. Партия строила свою предвыборную кампанию вокруг нескольких ключевых посылов – война или мир, борьба с несправедливостью, сохранение традиционных ценностей [16].

Во время предвыборной кампании «Грузинская мечта» активно использовала российско-украинский конфликт как ключевой аргумент в своей политической риторике. Руководство партии заявляло, что выборы являются критически важными для будущего Грузии: сохранения мира и стабильности или движения к конфликту, подобному украинскому. Один из центральных лозунгов кампании «Грузинской мечты» был построен вокруг идеи предотвращения втягивания Грузии в войну. Партия подчеркивала, что ее взвешенная внешняя политика, направленная на нейтралитет и баланс между Западом и Россией, спасла страну от конфликта.

В этом контексте оппозиционные партии изображались как силы готовые пойти на провокационные шаги, способные спровоцировать российскую агрессию. Кроме того, «Грузинская мечта» использовала конфликт на Украине, чтобы усилить страхи граждан перед возможной дестабилизацией, утверждая, что подобный сценарий может повториться, если власть окажется в руках оппозиции. Таким образом, военные действия на Украине стали символом угрозы, стремление избежать которую партия представила как главный результат своей политики, заслуживающий поддержки избирателей [17].

Еще одним ключевым лозунгом стало требование «Грузинской мечты» о «справедливости» по отношению к Грузии и ее реформам со стороны Запада. «Грузинская мечта» активно реагировала на критику стратегических партнеров и не раз заявляла, что эта критика зачастую несправедлива и основана на искажении фактов или неправильной интерпретации политической ситуации в стране [18]. Одним из главных аргументов «Грузинской мечты» являлось сравнение Грузии с Украиной и Молдовой. Руководство партии утверждало, что, в отличие от этих стран, Грузия сохраняла стабильность и мир, несмотря на высокие риски, связанные с соседством с Россией.

Более того, Молдова и Украина активно следовали западным рекомендациям, но все равно столкнулись с серьезными вызовами – вооруженным конфликтом, экономическими проблемами и поляризацией

общества. На этом фоне Грузия, по словам представителей партии, выступила как успешный проводник осторожной и сбалансированной политики. Чувство несправедливости или двойных стандартов, безусловно, существует в обществе, особенно после того, как Запад затормозил предоставление Тбилиси статуса кандидата на членство в ЕС, хотя по всем показателям страна опережала и до сих пор опережает и Кишинев, и Киев [19].

Ну и, конечно же, «Грузинская мечта» точно целилась на консервативное и традиционное большинство в стране. Еще в марте 2024 г. был принят закон против пропаганды ЛГБТ-сообщества, что получило широкую поддержку Грузинской Православной Церкви и ее паствы. Не секрет, что вопрос о традициях и сохранении традиционных семейных ценностей является очень важным, поэтому обещания не только сохранить, но и приумножить их безусловно заслужили поддержку большей части населения страны. Кстати, Бидзина Иванишвили даже предлагал представителям церкви признать православие государственной религией, что не получило поддержки, но было хорошей предвыборной пиар-акцией [20].

В противовес этим важнейшим предвыборным лозунгам оппозиция не предложила практически ничего. Среди основополагающих обещаний было смещение пророссийской власти, европейская интеграция и защита демократических ценностей. Политическая оппозиция использует идею пророссийскости «Грузинской мечты» с самого основания партии в 2011 г. С того момента любое действие и решение властей автоматически расцениваются как «обговоренные» с Москвой с целью вернуть страну под влияние этой же Москвы.

Трудно перечислить общее количество грузинских политиков, которые за все эти годы становились «агентами Кремля», но среди них по крайней мере половина представляет нынешнюю оппозицию. Например, лидер оппозиционной партии «Гахария за Грузию» и бывший премьер-министр от «Грузинской мечты» Георгий Гахария тоже обвинялся в связях с Кремлем и числился в списках шпионов у тогдашней оппозиции, однако сейчас он активный участник протестов, защитник демократии и западных ценностей. В свое время и С. Зурабишвили называли агентом российского влияния и инструментом гибридной войны против Грузии. Однако те же люди теперь считают ее своим президентом, а следовательно, этот аргумент уже мало на кого может подействовать – он оказался полностью просроченным [21].

Вероятно, главным обещанием оппозиции была скорейшая интеграция Грузии в Европейский союз. По сути, идея европеизации государства полностью доминировала в оппозиционной риторике и представлялась как исторический детерминизм и обязанность каждого гражданина следовать по этому пути. Такой радикализм не получил особой поддержки даже у тех, кто выступает за тесное сотрудничество и партнерство с ЕС. Существуют и определенные «красные линии», которые оппозиция забыла упомянуть, например, противоречие между традициями и требованиями европейских

коллег продвигать интересы сексуальных меньшинств. Оппозиция просто решила промолчать, тогда как «Грузинская мечта» открыто выступила с позиции большинства населения [22].

Конечно же, избирателю было тяжело слушать обещания построения подлинной демократии от людей, которые, будучи у власти, пренебрегали ею и массово нарушили права человека. Большинство просто не поверило словам Ники Гварамии и Никанора Мелии, что они не будут повторять антидемократические действия, которыми в свое время прославились, поскольку теперь они исправились и стали прозападно, продемократически настроенными [23].

В итоге «Грузинская мечта» смогла спокойно поработать с грузинским избирателем, пока оппозиция яростно доказывала свои демократические настроения и верность идее европейской интеграции. Большинству избирателей были понятны основные постулаты правящей партии, а оппозиционные устремления воспринимались в основном критически настроенными по отношению к правящей элите людьми.

Внешнее вмешательство

Говоря о вмешательстве во внутренние дела Грузии, следует помнить, что «Грузинская мечта» перестала быть прозападной и, соответственно, приемлемой для внешних сил лишь после начала российской СВО на Украине. До этого важного геополитического события практически все стратегические партнеры страны не критиковали правительство. Наоборот, умеренную позицию правящей партии расценивали как взвешенную и дружественную по отношению к Западу. Однако в феврале 2022 г. ситуация кардинально изменилась, и отказ «Грузинской мечты» от участия в нанесении России «стратегического поражения» превратил правящую партию в нежелательный элемент во главе значимого государства на Южном Кавказе [24]. Было очевидно, что западная политическая элита желает смены власти в республике.

Это стремление усилилось после принятия законов о прозрачности иностранного влияния и запрете ЛГБТ-пропаганды. Стало очевидно, что «Грузинская мечта» хотела получить официальные доказательства финансирования Западом политических оппонентов и связанных с ними неправительственных организаций, а также сделать шаг в сторону консервативного большинства. За этими решениями последовали мартовские протесты, в которых, уже не скрываясь, открыто участвовали европарламентарии [25]. Стали очевидными прямые параллели между Евромайданом 2013 – 2014 гг., когда западные политики подстрекали протестующих украинцев к смене власти, и протестным движением в Тбилиси.

Вмешательство во внутренние процессы и попытки давления через санкции начались еще в 2023 г., когда Госдеп США в одностороннем порядке ввел санкции против трех действующих судей и одного бывшего. В апреле

2023 г. США обвинили ряд судей в злоупотреблении властью, в нарушении принципов верховенства права и обслуживании интересов правящей партии «Грузинская мечта». Среди ключевых причин введения санкций – подрыв судебной независимости, коррупция и препятствование реформам. Санкции включали запрет на въезд в США и заморозку активов, принадлежащих санкционированным лицам [26].

Санкции вызвали смешанную реакцию. Гражданское общество и оппозиция в основном поддержали этот шаг, считая его важным сигналом для властей и стимулом для реформ. В то же время сторонники правящей партии и часть общества восприняли их как внешнее давление. Следует отметить, что одним из примеров подрыва судебной независимости и коррупции послужило решение по делу бывшего президента Грузии М. Саакашвили, которого эти же неправительственные организации и оппозиция считают политическим заключенным. Впечатление наличия двойных стандартов и целенаправленного давления у части грузинского общества лишь усилилось после решения Европейского суда по правам человека в Страсбурге, который в мае 2024 г. заявил, что нет оснований сомневаться в справедливости уголовного процесса против Саакашвили [27]. Госдепартамент никак не отреагировал на это решение, оставив санкции в силе.

Следующим важным шагом по вмешательству в предвыборную кампанию со стороны американских политиков, которые надеялись оказать давление на избирателя, приняло форму так называемого законопроекта MEGOBARI Act (Мобилизация и укрепление возможностей Грузии для обеспечения ответственности, устойчивости и независимости). Он был представлен в Конгрессе США в мае 2024 г. открытым оппонентом «Грузинской мечты» конгрессменом Джо Уилсоном, главой Хельсинской Комиссии [28].

Название акта образовано из первых букв английского наименования и созвучно с грузинским словом «мегобари», что означает «друг». Цель законопроекта – поддержать демократическое развитие Грузии, укрепить ее суверенитет и устойчивость, а также ввести санкции против лиц, подрывающих эти принципы. Согласно положениям MEGOBARI Act, США планируют предоставить Грузии значительную финансово-экономическую помощь при условии, что ее власти вернуться к демократическому пути развития.

Законопроект предусматривает введение санкций против тех, кто угрожает суверенитету Грузии и препятствует ее евро-атлантической интеграции. Особое внимание уделяется недопущению принятия законов, подобных российскому закону об «иностранных агентах», которые могут ограничить свободу слова и деятельность гражданского общества.

Реакция правящей партии Грузии «Грузинская мечта» была негативной [29]. Представители партии расценили законопроект как очередное вмешательство во внутренние дела страны и попытку давления со стороны США. Премьер-министр Иракий Кобахидзе заявил, что законопроект носит

враждебный характер и может нанести ущерб грузино-американским отношениям. Он также сравнил действия оппозиции, поддерживающей MEGOBARI Act, с предательством национальных интересов, проводя параллели с историческими событиями.

Политсовет «Грузинской мечты» выразил обеспокоенность по поводу законопроекта, заявив, что он знаменует собой шантаж и попытку навязать Грузии решения извне. В партии считают, что MEGOBARI Act направлен на подрыв суверенитета страны и вмешательство в ее внутреннюю политику. Представители «Грузинской мечты» также обвинили оппозицию в сотрудничестве с иностранными силами в ущерб интересам Грузии [30].

С другой стороны, грузинская оппозиция и часть гражданского общества приветствовали инициативу MEGOBARI Act, рассматривая ее как фактор поддержки демократических процессов в стране и средство давления на правительство с целью предотвращения авторитарных тенденций. Они выразили благодарность конгрессмену Уилсону за его усилия в поддержке демократических устремлений Грузии. В целом MEGOBARI Act стал предметом острой дискуссии в грузинском обществе, отражая противоречивые взгляды на внешнее влияние и внутренние политические процессы.

В преддверии парламентских выборов в Грузии Институт Маккейна опубликовал скандальный доклад, в котором выражена обеспокоенность состоянием демократических процессов в стране и предлагаются варианты развития событий [31]. Символично, что доклад подготовила Лора Торнтон, старший директор программ глобальной демократии Института Маккейна и бывший руководитель Национального демократического института (NDI) в Грузии.

Институт полностью разделил критику оппозиции в адрес правящего режима, заявив о деградации демократии в стране и о вредоносном влиянии «Грузинской мечты». Значимость доклада, по сути, заключается в призыве к местной оппозиции и НКО оспаривать результаты парламентских выборов в случае победы правящей силы. По утверждению автора доклада, это привело бы к протестным движениям и вынудило бы власть использовать силовые ведомства против митингующих, насилие привело бы к кризису, а это открыло бы новые возможности для смещения правящей элиты.

Представители «Грузинской мечты» отреагировали на доклад критически. Спикер парламента Шалва Папуашвили назвал документ «пособием для спецслужб» и выразил обеспокоенность возможными протестами после выборов. Премьер-министр И. Кобахидзе также прокомментировал доклад Л. Торнтон, заявив, что «мечтам Института Маккейна не суждено сбыться», и обвинил внешних акторов в попытках дестабилизировать ситуацию в стране [32]. По традиции представители гражданского общества и оппозиции похвалили доклад за поддержку грузинского народа и демократических устремлений.

Вышеупомянутый случай – лишь малая часть целой серии открытого вмешательства извне во внутренние процессы Грузии в преддверии парламентских выборов [33]. К 26 октября практически все западные послы, финансируемые ими институты и агентства были напрямую вовлечены в очернение «Грузинской мечты», призывая избирателей задуматься над последствиями неправильного выбора [34]. Охарактеризовать отношение западной номенклатуры и ее позицию по выборам можно одной фразой представителя немецкого Фонда им. Конрада Аденауэра Штефана Малериуса: «Грузинская мечта – на самом деле мечта российская» [35].

Оппозиция была введена в заблуждение этим вмешательством, посчитав, что нейтральный избиратель будет благодарен за такую активность. Однако по факту это заявление, сделанное за три дня до выборов, могло быть популярным среди избирателей, критически настроенных по отношению к правящей силе, но вызвало очередную бурю негодования среди умеренного и консервативного большинства, которое уже устало от внешнего давления.

Протесты в Грузии продолжаются, и оппоненты власти требуют новых «честных» и «справедливых» выборов, которые, скорее всего, не состоятся. Сейчас Грузия, которая даже в период авторитарного правления Саакашвили прославлялась западными элитами как «светоч демократии», перестала быть примером демократического развития. Это обусловлено не реальным провалом деятельности правительства и государственных институтов, а изменением геополитической конъюнктуры. Запад ожидал от Грузии радикальных антироссийских шагов, а взамен получил грузинский прагматизм.

Окончательно «неправильной» грузинская демократия стала после парламентских выборов 2024 г., когда избиратель, несмотря на все угрозы, вмешательство и советы Запада, решил сделать свой выбор в пользу «Грузинской мечты». Это выбор в сторону стабильности, мира, традиционных ценностей, что не является пророссийским шагом, а скорее обусловлено стремлением к защите национальных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Elections // Election Administration of Georgia. 20.12.2024. URL: <https://cesko.ge/en/archevnebi/2024> (дата обращения 20.12.2024).
2. На основании «серьезных нарушений» наблюдательная миссия «Мой голос» требует аннулировать результаты на 246 избирательных участках // Civil Georgia. 30.10.2024. URL: <https://civil.ge/ru?p=632679> (дата обращения 15.11.2024).
3. Конституционный суд отказал в принятии к производству исков Саломе Зурабишвили и 30 представителей оппозиции, касающихся признания выборов неконституционными // Первый Канал. 03.12.2024. URL: <https://1tv.ge/lang/ru/news/konstitucionnyj-sud-otkazal-v-prinjatii-k-proizvodstvu>

iskov-salome-zurabishvili-i-30-predstavitelej-oppozicii-svjazannye-s-priznaniem-vyborov-nekonstitucionnymi/ (дата обращения 06.12.2024).

4. Президент Зурабишвили рассказала иностранным СМИ о предполагаемой фальсификации выборов в Грузии // Civil Georgia. 28.10.2024. URL: <https://civil.ge/ru?p=632240> (дата обращения 15.11.2024).

5. Georgia, Parliamentary elections, 26 October 2024: Final Report // OSCE. 20.12.2024. URL: <https://www.osce.org/odihr/elections/georgia/584029> (дата обращения 20.12.2024).

6. Lomsadze G. Georgia's dis-United National Movement // Eurasia Net. 01.12.2023. URL: <https://eurasianet.org/georgias-dis-united-national-movement-0> (дата обращения 25.11.2024).

7. Chedia B. Fractious Opposition Puts Georgia's Future in the Balance // Center for European Policy Analysis (CEPA). 16.09.2024. URL: <https://cepa.org/article/fractious-opposition-puts-georgias-future-in-the-balance/> (дата обращения 28.11.2024).

8. Kincha S. 2024. Two major opposition groups fail to unite ahead of Georgian elections // OC-Media. 19.09.2024. URL: <https://oc-media.org/two-major-opposition-groups-fail-to-unite-ahead-of-georgian-elections/> (дата обращения 29.11.2024).

9. Scrivener A. 2024. Why Georgia's pro-democracy protests failed // Atlantic Council. 28.11.2024. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/why-georgias-pro-democracy-protests-failed/> (дата обращения 29.11.2024).

10. Górecki, W. Saakashvili and The Georgian Opposition. The State of Play // Center for Eastern Studies. 01.02.2023 // URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2023-02-01/saakashvili-and-georgian-opposition-state-play> (дата обращения 29.11.2024).

11. Janadze, T. What is wrong with the Georgian opposition? // JamNews. 21.11.2022. URL: <https://jam-news.net/what-is-wrong-with-the-georgian-opposition/> (дата обращения 29.11.2024).

12. Georgia: Thousands protest as 'foreign agent' bill advances // Deutsche Welle¹. 01.05.2014. URL: <https://www.dw.com/en/georgia-thousands-protest-as-foreign-agent-bill-advances/a-68973410> (дата обращения 30.11.2024).

13. Kucera J. Georgia's Opposition Criticized for Sluggish Reaction to Flawed Election // Radio Free Europe². 07.11.2024. URL: <https://www.rferl.org/a/georgia-opposition-protests-elections/33190540.html> (дата обращения 29.11.2024).

¹ Deutsche Welle внесена Минюстом РФ в список СМИ, выполняющих функции иноагента.

² Radio Free Europe внесено Минюстом РФ в список СМИ, выполняющих функции иноагента.

14. Gabritchidze N. October Elections: Odds, Context, Past Trends // Civil Georgia. 10.09.2024 // URL: <https://civil.ge/archives/627440> (дата обращения 29.11.2024).
15. Kucera J. Amid Uncertainty Over Election Results, Georgians Look to the West // Radio Free Europe. 29.10.2024. URL: <https://www.rferl.org/a/georgian-elections-western-reaction-support/33178067.html> (дата обращения 04.12.2024).
16. Bidzina Ivanishvili: Vote for Georgian Dream to ensure peace and accountability for war criminals // Georgian Public Broadcaster. 19.09.2024. URL: <https://1tv.ge/lang/en/news/bidzina-ivanishvili-vote-for-georgian-dream-to-ensure-peace-and-accountability-for-war-criminals/> (дата обращения 04.12.2024).
17. GD declares 2024 elections referendum on war vs. peace, traditional values vs. moral degradation // Georgian Public Broadcaster. 20.08.2024. URL: <https://1tv.ge/lang/en/news/gd-declares-2024-elections-referendum-on-war-vs-peace-traditional-values-vs-moral-degradation/> (дата обращения 30.11.2024).
18. Georgian PM calls EU bodies to “distance themselves from unfair decisions” in European Parliament // Agenda. 01.03.2024. URL: <https://agenda.ge/en/news/2024/776#gsc.tab=0> (дата обращения 30.11.2024).
19. Georgian Politicians React to Receiving EU Candidacy Recommendation // Civil Georgia. 11.08.2023. URL: <https://civil.ge/archives/568424> (дата обращения 30.11.2024).
20. В Грузии не намерены отменять закон против пропаганды ЛГБТ вопреки призывам ЕС // ТАСС. 01.11.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22289913> (дата обращения 30.11.2024).
21. Pro-Russian party wins Georgian election, opposition parties call result a “constitutional coup” // Deutsche Welle. 27.10.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yiiibPQiz5E> (дата обращения 02.12.2024).
22. Nika Gvaramia: Our path is in only one direction and that is towards the EU, there is no chance that people brought against their will will avoid the thousands of people who arrived on their own // InterPressNews. 24.10.2024. URL: <https://www.interpressnews.ge/en/article/134173-nika-gvaramia-our-path-is-in-only-one-direction-and-that-is-towards-the-eu-there-is-no-chance-that-people-brought-against-their-will-will-avoid-the-thousands-of-people-who-arrived-on-their-own/> (дата обращения 02.12.2024).
23. Nika Gvaramia: I am very sorry, but the Strasbourg Court of Human Rights did not accept my claim // InterPressNews. 26.03.2024. URL: <https://www.interpressnews.ge/en/article/130456-nika-gvaramia-i-am-very-sorry-but-the-strasbourg-court-of-human-rights-did-not-accept-my-claim/> (дата обращения 02.12.2024).
24. Сихарулидзе А. Грузия на малой шахматной доске: геополитика и самосознание // Валдай. 20.12.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gruziya-na-maloy-shakhmatnoy-doske-geopolitika/> (дата обращения 20.12.2024).

25. Грузинский «закон об иноагентах»: в Тбилиси прошли массовые протесты // BBC. 15.05.2024. URL: <https://www.bbc.com/russian/live/news-69008543> (дата обращения 02.12.2024).

26. JamNews. “Есть точные данные о причастности судей к коррупции” - Госдеп США о санкциях против судей в Грузии // JamNews. 07.04.2023. URL: <https://jam-news.net/ru/есть-точные-данные-о-причастности-суд/> (дата обращения 02.12.2024).

27. European Court on Human Rights. 23.05.2024. Case of Saakashvili v. Georgia. Judgement. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-233761%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233761%22]}) (дата обращения 02.12.2024).

28. Razmadze M. Representative Wilson urges sanctions on Ivanishvili // Georgia Today. 10.12.2024 URL: <https://georgiatoday.ge/representative-wilson-urges-sanctions-on-ivanishvili/> (дата обращения 15.12.2024).

29. 2024. “MEGOBARI Act” Envisages Sanctions for Undermining, Injuring Georgian Democracy // Civil Georgia. 27.05.2024. URL: <https://civil.ge/archives/609543> (дата обращения 02.12.2024).

30. Шантаж в прямой форме – премьер Грузии о рассматриваемом Конгрессом США законопроекте // Sputnik-Georgia. 31.07.2024. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20240731/shantazh-v-pryamoy-forme--premer-gruzii-o-rassmatrivaemom-kongressom-ssha-zakonoproekte-289266159.html> (дата обращения 02.12.2024).

31. McCain Institute Leads Post-Election Mission to Tbilisi, Georgia // McCain Institute. 16.12.2024. URL: <https://www.mccaininstitute.org/resources/press-releases/mccain-institute-leads-post-election-mission-to-tbilisi-georgia/> (дата обращения 17.12.2024).

32. Georgian PM: McCain Institute's “dreams of seeing casualties” in ongoing Georgian protests “will not come true” // Agenda. 18.12.2024. URL: <https://agenda.ge/en/news/2024/42197> (дата обращения 19.12.2024).

33. Parulava D. 8 things to know about Georgia’s ‘existential’ election // POLITICO. 24.10.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/georgia-parliamentary-election-georgian-dream-bidzina-ivanishvili-opposition-unm-russia-west-us-eu-enlargement/> (дата обращения 02.12.2024).

34. Paternoster T. Georgia stands at a crossroads between EU and Russia in pivotal, tense election // EuroNews. 25.10.2024. URL: <https://www.euronews.com/2024/10/25/georgia-at-crossroads-between-eu-and-russia-in-pivotal-tense-election> (дата обращения 02.12.2024).

35. Штефан Малериус: «Грузинская мечта» – на самом деле мечта российская // DW на русском. 23.10.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CL2nGVZTH44> (дата обращения 02.12.2024).

И. Федоровская

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ГРУЗИИ

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-182-190

Федоровская Ирина Михайловна, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва),
старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований.
ORCID 0009-0003-5858-4758, ikaf584@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.11.2024. Одобрена
после рецензирования 09.12.2024. Принята к публикации 16.12.2024.

Аннотация: Парламентские выборы в Грузии завершились победой правящей партии «Грузинская мечта», которая набрала 53,9% голосов избирателей, что обеспечивает ей парламентское большинство. «Грузинская мечта» в ходе предвыборной кампании сделала ставку на мир и стабильность, обвиняя оппозицию в готовности начать войну против РФ. Оппозиция, в свою очередь, критиковала партию власти за отказ от евроинтеграции и «пророссийскую» позицию по ряду вопросов. Каждая из противоборствующих сторон имела свои слабые и сильные стороны, однако аргументы правящей партии оказались более убедительными для избирателей. Международные наблюдатели отмечали как хорошую организацию выборов, так и нарушения, которые имели место. Оппозиция итоги выборов не признала.

Ключевые слова: Грузия, парламентские выборы, «Грузинская мечта», оппозиция, «Единое национальное движение», Б. Иванишвили, С. Зурабишвили.

RESULTS OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS IN GEORGIA

Irina M. Fedorovskaya, IMEMO (Moscow, Russian Federation), Senior
Researcher of the Center for Post-Soviet Studies.
ORCID 0009-0003-5858-4758, ikaf584@mail.ru

Received 27.11.2024. Revised 09.12.2024. Accepted 16.12.2024.

Summary: The parliamentary elections in Georgia ended with the victory of the ruling Georgian Dream party, which won 53.9% of the vote, which provides it with a parliamentary majority. During the election campaign, the Georgian Dream made a bet on peace and stability, accusing the opposition of being ready to start a

war against the Russian Federation. The opposition, in turn, criticized the ruling party for rejecting European integration and a “pro-Russian” position on a number of issues. Each of the opposing sides had its own weaknesses and strengths, but the arguments of the ruling party turned out to be more convincing to voters. International observers noted both the good organization of the elections and the violations that took place. The opposition did not recognize the election results.

Keywords: Georgia, parliamentary elections, Georgian Dream party, opposition, United National Movement, B. Ivanishvili, S. Zurabishvili.

26 октября 2024 года в Грузии состоялись парламентские выборы. Поскольку Грузия является парламентской республикой, выборы в законодательный орган власти имеют особое значение. Обычно они проходят в условиях ожесточенной предвыборной борьбы и, как правило, своим следствием имеют политический кризис. Прошедшие выборы не стали исключением.

Накануне выборов перед правящей партией «Грузинская мечта» (ГМ) стояла непростая задача – после 12-летнего правления сохранить власть еще на 4 года, хотя граждане республики в значительной мере устали от доминирования сложившейся за эти годы политической элиты, тем более, что сколько-нибудь значимых успехов – таких, как укрепление авторитета страны на международной арене, высокие темпы роста экономики, повышение уровня благосостояния населения – достигнуто не было. Правда, в последнее время в условиях новых политических реалий и изменения маршрутов мировой торговли экономика Грузии развивается достаточно успешно, хотя, не в последнюю очередь, за счет масштабного транзита санкционных товаров в РФ и притока российских туристов.

В этих условиях лидер и создатель правящей партии Б. Иванишвили на время предвыборной кампании, не будучи уверен в благоприятном исходе предстоящих выборов, возобновил политическую деятельность. Он и его партия в своей предвыборной агитации сделали ставку на мир и стабильность в стране, которые в течение 12 лет обеспечивала «Грузинская мечта», обвиняя своих оппонентов в стремлении развязать войну, открыв «по указке Запада» против России «второй фронт».

В свою очередь, оппозиция в ходе предвыборной кампании акцентировала внимание на отказе правящей партии от европейского вектора развития, на следовании руководства страны в фарватере России.

Эти тезисы, как в одном, так и в другом случае, мало соотносились с реальностью – оппозиция действительно настроена более радикально в отношении России, нежели ГМ, однако далека от того, чтобы ввязываться в войну с РФ. Можно было предположить, что в случае победы на парламентских выборах и получив власть, оппозиция в худшем случае могла бы присоединиться к антироссийским санкциям. Однако и это не факт,

поскольку доходы страны от транзита столь велики, что политические аспекты в данном вопросе отходят на второй план.

То же самое относится и к обвинениям в адрес «Грузинской мечты» в ее якобы пророссийской позиции. В политике ГМ проявляется экономический прагматизм, однако никаких шагов по политическому сближению с Россией грузинские власти не предпринимали. Что касается отказа от западного вектора развития, то в последнее время действительно произошло ухудшение отношений Грузии с США и Европой особенно после принятия грузинским парламентом законов об иноагентах и запрете пропаганды ЛГБТ.¹ Однако нельзя отрицать и того факта, что за время правления ГМ страна значительно продвинулась к членству в ЕС, и, как заявил премьер-министр И. Кобахидзе, евроинтеграция остается главным внешнеполитическим приоритетом Грузии [1].

Парламент республики состоит из одной палаты численностью 150 мест. Нынешние выборы впервые проводились по новой схеме. Если ранее из 150 депутатов 120 избирались по пропорциональной избирательной системе, а 30 – по мажоритарной, то в 2024 г. все 150 кресел в парламенте распределились по партийным спискам, то есть впервые выборы в парламент проходили полностью по пропорциональной системе. Также впервые на большинстве избирательных участков (90%) граждане смогли проголосовать электронно. Кроме того, на этих участках были установлены технические средства идентификации личности для предотвращения повторного голосования. Явка избирателей составила 58,94%.

За право заседать в парламенте боролись 18 партий и блоков. Для этого им надо было набрать не менее 5% голосов избирателей. В результате победу одержала правящая партия «Грузинская мечта» (видимо, страх войны пересилил в обществе страх оказаться за бортом евроинтеграции), за которую проголосовали 53,9% граждан республики, принявших участие в голосовании. Помимо ГМ, в парламент вошли еще 4 объединения, оппозиционных правящей партии. Это блок «Коалиция за перемены», куда входят партии «Ахали», «Гирчи – больше свободы» и «Дроа», набравший 11,03% голосов, блок «Единство – Национальное движение» («Единое национальное движение», «Стратегия Агмашенебели», «Европейская Грузия») – 10,1%, блок «Сильная Грузия» («Лело для Грузии», «Для народа», «Площадь свободы», «Граждане») – 8,8%, а также партия «Гахария – За Грузию» – 7,7%. Остальные партии не набрали необходимые 5% голосов.

Таким образом, по официальным данным, оппозиция набрала 37% голосов избирателей. Правящая партия находила поддержку избирателей в основном в малых городах и сельских регионах республики. Так, в районах, где преимущественно проживают этнические меньшинства, за ГМ проголосовало

¹ Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

от 70 до 90% избирателей. Оппозиция победила в крупных городах – Тбилиси, Кутаиси, Батуми и Рустави. Там правящая партия набрала менее 50% голосов избирателей [2].

По результатам голосования места в парламенте распределились следующим образом: ГМ получила 89 мандатов, «Коалиция за перемены» – 18, «Единство – Национальное движение» – 17, «Сильная Грузия» – 14, «Гахария – за Грузию» – 12. Для того чтобы в одиночку сформировать правительство, правящей партии необходимо было иметь более 76 мандатов, то есть необходимое для кворума большинство, с чем она успешно справилась. Однако ГМ не удалось получить конституционное большинство, как это было в парламенте прошлого созыва, поэтому любые конституционные инициативы «Грузинской мечте» теперь придется согласовывать с оппозицией.

Как и следовало ожидать, сразу после выборов и без того непростая внутриполитическая обстановка в Грузии существенно обострилась. Оппозиция не признала итоги выборов, заявив, что правящая партия «украдала» у нее победу. Эти заявления она обосновывала данными экзит-полов, по которым ГМ набирала только 40–42% голосов. Опросы проводились институтами Edison Research и Harris X по заказу оппозиционных телекомпаний «Мтивари» и «Формула». С другой стороны, по результатам экзит-полов, проведенных грузинской социологической службой «Горби» по заказу проправительственного телеканала «Имеди», партия «Грузинская мечта» набирала более 56% голосов.

Тем не менее президент Грузии Саломе Зурабишвили, являющаяся сейчас едва ли не лидером грузинской оппозиции, сразу после выборов заявила о «тотальной фальсификации» результатов выборов [3]. Оппозиция обвинила власти республики в использовании административного ресурса, запугивании избирателей, драках на избирательных участках и нарушении тайны голосования. Депутаты оппозиционных партий не признали результаты выборов и потребовали их пересмотра. Большинство из них готовы саботировать работу парламента и отказаться от полученных депутатских мандатов.

Неправительственная организация «Ассоциация молодых юристов Грузии», представители которой являлись наблюдателями на прошедших выборах, потребовала аннулировать результаты выборов на 2263 участках (2/3 всех участков), на которых голосование проходило с использованием электронных технологий. Они утверждали, что на этих участках нарушался принцип тайного голосования. Во-первых, это было связано с установкой видеокамер, которые, как утверждают наблюдатели, «в некоторых случаях смотрели на слот регистратора и аппараты верификации, а в некоторых случаях – на кабины для голосования» [4]. Во-вторых, качество бюллетеней было таким, что с обратной стороны просвечивался след от закрашенного избирателем кружка перед названием соответствующей партии.

Власти Грузии признают, что в ходе выборов были допущены некоторые незначительные нарушения, в частности в Марнеульском избирательном округе, где на одном из участков имел место вброс бюллетеней (по этому факту прокуратура Грузии возбудила уголовное дело, и двое муниципальных служащих уже арестованы). В целом прокуратура, МВД и Специальная следственная служба республики расследуют 47 дел по фактам предполагаемых правонарушений, совершенных в предвыборный период и в день голосования. Несмотря на это, официальный Тбилиси считает, что выборы прошли спокойно и нарушений права тайного голосования не было.

Тем не менее в суды Грузии было подано 24 иска (данные на 6 ноября) по нарушениям на избирательных участках. Большинство из них было отклонено, однако в двух случаях иски были удовлетворены. Районный суд Гори принял решения пересчитать результаты голосования на 15 избирательных участках ввиду несовпадения предварительных данных и данных итогового протокола по числу недействительных голосов.

Районный суд Тетрицкаро постановил аннулировать результаты голосования на выборах в парламент Грузии на 48 из 79 избирательных участков в округах Тетрицкаро и Цалка (регион Квемо Картли) из-за нарушения принципа тайного голосования. Следует отметить, что именно в этих избирательных округах правящая партия «Грузинская мечта» набрала наибольшее количество голосов – 66,9% в Тетрицкаро и 71,6% – в Цалка [5]. Апелляция Избирательной комиссии на решения районных судов была принята Апелляционным судом республики, и решения были отменены.

Не подлежит сомнению, что нарушения в ходе выборов в Грузии имели место, однако их влияние на результаты голосования по-разному оцениваются «Грузинской мечтой» и оппозицией. Власти считают нарушения незначительными и не повлиявшими на волеизъявление народа, а оппозиция придерживается противоположной точки зрения.

По грузинскому законодательству, результаты выборов в парламент официально признаются не сразу после подсчета всех голосов избирателей, а через 25 дней, которые отводятся на рассмотрение всех исков и жалоб. В 2024 г. датой официального признания результатов выборов стало 21 ноября, и после этого парламент должен собраться в течение 10 дней. Остроту ситуации придает тот факт, что объявлять о дате первого заседания вновь избранного парламента должна президент Грузии С. Зурабишвили, которая не признала выборы легитимными.

Более того, 19 ноября, то есть накануне официального утверждения итогов выборов, Зурабишвили подала иск в Конституционный суд с требованием признать выборы недействительными. Представитель президента Э. Баселия заявил, что в этом иске речь идет о нарушении двух законов. «Во-первых, был нарушен принцип всеобщности – нашим согражданам, проживающим за рубежом, было отказано в участии в предвыборной кампании. Во-вторых – нарушение тайны голосования» [6].

С. Зурабишвили является последним всенародно избранным президентом Грузии. В результате принятых в 2017 г. поправок в Конституцию Грузии, с 2024 года (полномочия Зурабишвили истекают 17 декабря 2024 г.) президент будет избираться Коллегией выборщиков в составе 300 человек, куда войдут все члены парламента, законодательных органов Абхазской автономной республики и Аджарии, а также представители органов местного самоуправления от парламентских партий. Такую поправку «Грузинская мечта» смогла провести только потому, что в тот момент она располагала конституционным большинством в парламенте и смогла преодолеть вето, наложенное на эти поправки тогдашним президентом страны Г. Маргвелашвили.

Хотя должность президента в Грузии носит церемониальный характер, персоны, занимавшие ее в период правления «Грузинской мечты», пытались играть самостоятельную политическую роль и в итоге всегда оказывались в стане оппозиции. Это касается и Г. Маргвелашвили, и особенно С. Зурабишвили, которая смогла консолидировать вокруг себя большую часть оппозиционных сил. В мае 2024 г. она призвала всех недовольных правящим режимом присоединиться к Грузинской хартии, по мнению президента, представляющей собой «дорожную карту», следуя которой страна может выйти из политического кризиса и вернуться на путь евроинтеграции [7]. Положения этого документа почти дословно повторяют рекомендации Евросоюза (так называемые девять шагов на пути в ЕС), которым необходимо следовать, чтобы Грузия получила статус кандидата.

Хотя Грузинская хартия, казалось бы, полностью отвечает идеологии оппозиции, отнюдь не все противники правящей «Грузинской мечты» присоединились к ней. Так, из четырех прошедших в парламент оппозиционных партий к Хартии присоединились три – блоки «Коалиция за перемены», «Единство – Национальное движение» и «Сильная Грузия». Партия бывшего премьер-министра Грузии Г. Гахари «За Грузию» отказалась признать документ, не участвовала в митингах оппозиции, последовавших после оглашения результатов выборов, и не готова отказываться от депутатских мандатов.

Отсутствие единства в ее рядах является слабым местом грузинской оппозиции. Постоянные внутрипартийные склоки, борьба за лидерство, нежелание идти на компромиссы даже с единомышленниками ослабляют оппозицию. Вместе с тем едва ли можно считать это определяющей причиной, мешающей ей победить политических оппонентов. Главным является ограниченность тех политических, социальных и экономических лозунгов, которые могли бы быть привлекательными для широких кругов избирателей.

Оппозиция уже на протяжении десятилетий зациклена на теме евроинтеграции. Европейский выбор по-прежнему актуален для жителей Тбилиси и ряда крупных городов, однако значительные слои избирателей, прежде всего в провинции, не находят в программе оппозиции решения своих

злободневных проблем. Экономические элиты также с известной долей осторожности относятся к оппозиционным лозунгам, взвешенно оценивают экономические реалии. Многие из них в целом позитивно оценивают возможности, создаваемые администрацией Иванишвили в сфере экономики.

В определенной степени эти факторы учитываются и партнерами Грузии на Западе. Оценка состоявшихся в Грузии выборов в Европе и США была неоднозначной. С одной стороны, по мнению наблюдателей ОБСЕ, ход выборов «был организован на хорошем процедурном уровне и проведен упорядоченно», что признал даже один из самых жестких критиков грузинского режима верховный представитель ЕС по международным делам Ж. Боррель [8]. С другой стороны, наблюдатели отметили многочисленные нарушения, касающиеся прежде всего соблюдения тайны голосования, запугивания и давления на избирателей, и в целом напряженную обстановку на избирательных участках.

В таком духе высказался и глава Евросовета Ш. Мишель, который отметил, что Брюссель принимает к сведению оценки наблюдателей и призывает грузинский ЦИК оперативно расследовать нарушения, а грузинское руководство – подтвердить приверженность европейскому курсу и наладить конструктивный диалог со всеми политическими силами. [7]. В ЕС не скрывают, что у них остаются претензии к процедуре выборов, и это могло в определенной степени сказаться на результатах голосования, однако о непризнании итогов выборов речь не идет.

Отношения Грузии под руководством «Грузинской мечты» и ЕС ухудшились до такой степени, что Брюссель грозит Тбилиси санкциями и отменой безвизового режима, несмотря на то, что лидеры ГМ постоянно твердят о приверженности европейскому вектору развития. Однако реальные действия грузинских властей порой расходятся с заявленными целями. Речь идет об упоминавшихся выше законах об иноагентах и запрете пропаганды ЛГБТ, принятие которых было встречено в Евросоюзе как противоречащее всем рекомендациям ЕС по подготовке Грузии к получению статуса кандидата.

Кроме того, в нынешних политических реалиях Евросоюз (как и США) настороженно относится к активизации экономических связей Грузии с РФ. И хотя премьер-министр И. Кобахидзе неоднократно подчеркивал, что Грузия критикует политику РФ и единственная на Южном Кавказе не имеет политических связей с Россией, на деле Тбилиси проводит весьма прагматичный курс в отношении северного соседа: к антироссийским санкциям не присоединяется и, более того, наращивает российско-грузинские экономические связи. Именно поэтому победа ГМ на выборах была встречена в России позитивно. Все это не может не вызывать раздражения у западных партнеров Грузии.

Что касается США, то администрация уходящего президента Байдена, хотя и признала итоги выборов в Грузии, но оценила их гораздо критичнее, нежели европейские союзники. По словам главы Госдепа США Э. Блинкена,

международные наблюдатели не заявляли, что результаты были свободными и справедливыми, хотя и согласились с тем, что день выборов в целом был хорошо организован [8].

Правящие круги в Грузии с большим энтузиазмом восприняли победу Д. Трампа на президентских выборах в США, полагая, что с его приходом к власти кризис в отношениях Тбилиси и Запада завершится. Как заявил исполнительный секретарь «Грузинской мечты» М. Мдинарадзе, «мы очень рады, что в США побеждают мир и традиционные ценности» [9]. Однако многие эксперты предостерегают грузинское руководство от излишней эйфории по этому поводу.

ГМ часто обвиняет своих оппонентов в том, что в их сознании представления доминируют над реальностью, однако в случае с избранием Трампа складывается впечатление, что грузинское руководство само находится в плену собственных представлений и переоценивает возможности перезагрузки отношений с западными партнерами при новой американской администрации. По мнению грузинской стороны, трудности, накопившиеся у Грузии в отношениях с Западной Европой и США при Д. Байдене, вполне разрешимы при Д. Трампе. Насколько реалистичен данный тезис, пока сказать трудно, однако грузинское руководство настроено весьма оптимистично.

В целом грузинские выборы показали, что оппозиция, в силу слабости своей идеологии и разобщенности, вновь не смогла одержать победу над правящей партией, прагматичная политика которой вызывает более позитивный отклик у грузинских избирателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Премьер Грузии Кобахидзе: евроинтеграция остается главным приоритетом. // Ведомости. 28.10.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/10/28/1071298-evrointegratsiya-ostaetsya-glavnim-prioritetom> (дата обращения 14.11.2024).
2. Двали Г. О чем говорят грузины. // Коммерсантъ. 27.10.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7264947> (дата обращения 05.11.2024).
3. Двали Г. Президенту Грузии прокуратура не указ // Коммерсантъ. 01.11.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7267925> (дата обращения 05.11.2024).
4. АМЮГ требует аннулирования результатов выборов в Грузии на 2/3 участков // Sputnik Грузия. 30.10.2024. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20241030/amyug-trebuat-annulirovaniya-rezultatov-vyborov-v-gruzii-s-23-uchastkov-290672621.html?ysclid=m68e8aq3mg956277623> (дата обращения 20.11.2024).
5. ЦИК Грузии обжалует решения судов первой инстанции по результатам выборов // Sputnik Грузия. 05.11.2024. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20241105/cik-gruzii-obzhaluet-reseniya-sudov-pervoy-instantsii-po-rezultatam-vyborov>

georgia.ru/20241105/tsik-gruzii-obzhaluet-resheniya-sudov-pervoy-instantsii-po-rezultatam-vyborov-290754843.html?ysclid=m68eavbcsn497734924 (дата обращения 05.11.2024).

6. Президент Грузии подала иск в КС с требованием признать выборы недействительными // Ведомости. 19.11.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/11/19/1075984-prezident-gruzii> (дата обращения 20.11.2024).

7. Постникова Е. Биполярная победа // РБК. 28.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/10/28/671e71029a79474a0391dd06?ysclid=m68eehess593900289> (дата обращения 05.11.2024).

8. Селезнев И. Власти Грузии рассказали о планах на ближайшие шесть лет // Независимая газета. 28.10.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-10-28/1_9124_georgia.html (дата обращения 01.11.2024).

9. Селезнев И. Трамп исполнил «грузинскую мечту» // Независимая газета. 07.11.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-11-07/5_9130_georgia.html (дата обращения 20.11.2024).

Д. Офицеров-Бельский

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНИЦИАТИВЫ ТРЕХ МОРЕЙ
В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТА ВОКРУГ УКРАИНЫ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-191-199

Офицеров-Бельский Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), руководитель Группы комплексного изучения Балтийского региона Центра изучения стратегического планирования,

ORCID 0000-0002-5892-9117, DmitriyBelskiy@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.09.2024. Одобрена
после рецензирования 16.10.2024. Принята к публикации 21.10.2024.

Аннотация: Инициатива трех морей приобрела высокую актуальность в связи с геополитическими трансформациями региона Центральной и Восточной Европы. Происходит не только расширение участников, но и вовлечение в консультации внерегиональных акторов, близких с точки зрения ценностей. Помимо сопряженности Инициативы с инфраструктурными проектами, в том числе новыми транспортными коридорами «Север – Юг», все более отчетливым становится военное измерение сотрудничества. Многие проекты имеют двойное назначение и, помимо экономических целей, служат повышению мобильности армий НАТО. Одной из задач становится объединение транспортно-логистической инфраструктуры стран восточного фланга НАТО и западной Украины. Препятствием для реализации данной логики развития является отсутствие необходимого финансирования и другое видение предназначения организации рядом ее участников.

Ключевые слова: Инициатива трех морей, «троеморье», Междуморье, Центральная и Восточная Европа, НАТО, транспортные коридоры, ЕС.

**TRANSFORMATION OF THE THREE SEAS INITIATIVE IN THE
CONTEXT OF THE CONFLICT OVER UKRAINE**

Dmitriy V. Ofitserov-Belskiy, Cand. Sci. (History), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Head of Baltic Sea Region Integrated Research Group of the Center for Strategic Planning Studies,

ORCID 0000-0002-5892-9117, DmitriyBelskiy@gmail.com

Received 30.09.2024. Revised 16.10.2024. Accepted 21.10.2024.

Summary: The Three Seas Initiative has become highly important in connection with the geopolitical transformations of the Central and Eastern Europe. Not only is the number of participants expanding, but also extra-regional actors with similar values are being involved in consultations. In addition to the Initiative's association with infrastructure projects, including new north-south transport corridors, the military dimension of cooperation is becoming increasingly clear. Many projects have dual purpose and, in addition to economic goals, serve to increase the mobility of NATO armies. One of the tasks is to unite the transport and logistics infrastructure of the countries of NATO's eastern flank and western Ukraine. The lack of necessary funding and a different vision of the organization's purpose by a number of its participants are an obstacle to the implementation of this development logic.

Keywords: Three Seas Initiative, Three Seas, Intermarium, Central and Eastern Europe, NATO, transport corridors, EU.

Инициатива трех морей (ИТМ) берет свое начало в 2015 году. Первоначально она объединила двенадцать стран в балто-черноморско-адриатическом треугольнике. В первые годы Инициатива позиционировалась как сугубо консультационный проект, направленный на развитие региональной инфраструктуры с приоритетом развития транспортных коридоров «Север–Юг». О политической составляющей проекта первоначально предпочитали не говорить, чтобы не породить слишком больших опасений как вовне, так и среди участников проекта. Однако то обстоятельство, что старт Инициативе был дан вскоре после существенного сдвига в отношениях России и ее западных соседей, заставляло предполагать, что в подобных проектах в обязательном порядке будет присутствовать антироссийский компонент.

Также прилагались усилия для того, чтобы проект не воспринимался как продолжающий внешнеполитическую традицию Польши с ее характерной нацеленностью на региональное доминирование. Первый саммит участников намеренно был проведен в 2016 г. в хорватском Дубровнике с целью продемонстрировать, что проект не является польским и Варшава не претендует в нем на исключительную роль.

Идеологическая основа Инициативы трех морей и определение коллективного интереса являются преимущественно прерогативой польских экспертно-политических кругов, проводящих основную стратегическую работу. Ими утверждается неизбежность повышения субъектности региона (в том числе с учетом перспективы польского председательства в ЕС), что определяет необходимость активного формирования со стороны Польши международной повестки в регионе для достижения своих внешнеполитических целей.

Коллективный региональный интерес, по мнению польских экспертов, проявляется не только в укреплении региональной идентичности, но и в

конкретных лоббистских усилиях, исходя из финансовых интересов региона в распределении ресурсов внутри ЕС. Польша рассматривается как неформальный лидер Инициативы, в том числе и через создание финансовых инструментов реализации сотрудничества при помощи польского Банка народного хозяйства (BGK).

Участники проекта всегда рассматривали содержательное наполнение Инициативы под разными углами и с различной степенью заинтересованности. Австрия учитывала прежде всего возможности подключения к транспортным коридорам — Балто-Адриатическому и к Трансъевропейской транспортной сети (TEN-T), при этом идеологически расходясь с остальными странами и рассматривая «троеморье» как инструмент «европеизации» региона, что другими участниками воспринимается негативно. Чехия всегда фокусировала внимание на частных вопросах сотрудничества, используя встречи в качестве деловых форумов, например, для продвижения проектов развития высокоскоростного железнодорожного сообщения с Польшей. Словакия и Венгрия проявляют минимальный интерес к участию в Инициативе.

Важно отметить, что заинтересованность сторон всегда была напрямую связана со способностью конкретного государства влиять на общую повестку и, что еще важнее, с шансами на получение финансирования из европейских фондов и распределение средств среди элит. При этом публично всегда говорилось о лоббировании общерегиональных интересов и взаимовыгодном сотрудничестве.

Впоследствии президент Польши А. Дуда признал наличие в Инициативе трех морей аспекта безопасности. В июне 2024 г. он заявил на Конгрессе местного самоуправления трех морей, что для решения военных вопросов есть НАТО, а он говорит о проблеме безопасности в экономическом и социальном контексте, включая качественные транспортную, энергетическую и цифровую инфраструктуры [1]. Однако важно учитывать, что этот взгляд следует трактовать как польский, который не разделяется однозначно остальными участниками Инициативы. Именно польские эксперты склонны считать, что, независимо от того, какими были изначальные принципы и цели проекта, с самого начала своей деятельности Инициатива имела большое значение и для военного аспекта сотрудничества в регионе [2].

Почти сразу к Инициативе трех морей проявили внимание США (есть основания полагать, что именно интересы Вашингтона дали ей реальный импульс). В июле 2017 г. президент Д. Трамп посетил второй саммит объединения в Варшаве, а на саммите 2020 г. в Таллине госсекретарь США М. Помпео заявил, что Вашингтон выделит 1 млрд долл. в фонд Инициативы трех морей через инструмент Международного сотрудничества по финансированию развития (DFC) США.

Интересы США в проекте «троеморья» были многообразными. Здесь явно присутствовала попытка задать общую логику в региональной энергетической политике и создать барьер для продвижения российских

энергоресурсов. Немаловажным было стремление через должностных лиц стран региона получить более эффективные инструменты влияния на европейскую политику. И наконец, что признается многими экспертами, в значительной мере «троеморье» было призвано стать альтернативой китайскому проекту «17+1», призванному создать своего рода институциональную оболочку для многочисленных региональных проектов с участием китайского капитала [3].

Вопреки заявлениям, Инициатива является структурой, не развивающей общение, а, напротив, ограничивающей спектр внешних коммуникаций и инвестиций в регионе. В литовском министерстве иностранных дел прямо заявили, что «Инициатива трех морей» оказалась весьма актуальной с геополитической точки зрения в контексте выхода Литвы из постоянно сокращающегося формата сотрудничества между Китаем и странами Центрально-Восточной Европы, а также ввиду решимости Литвы «проводить внешнюю политику, основанную на демократических ценностях».

Важно отметить, что многие страны региона, сохраняющего свою периферийную сущность, всегда стремились привлечь к участию в региональных процессах неевропейских игроков. В особой степени это характерно для Польши, прибалтийских государств и Венгрии. Если первые делали ставку на рост присутствия США, то последняя отличалась тем, что проявляла особую заинтересованность в развитии отношений с Китаем и Россией. Такое сотрудничество было для региона не только источником ресурсов и развития конкурентных преимуществ, но и позволяло создавать некий иммунитет к давлению со стороны Брюсселя и крупных европейских держав.

Иными словами, после череды расширений ЕС в 2004, 2007 и 2013 гг. регион стал представлять собой ворота в Европу для внешних игроков. Однако еще до 2014 г. из этой логики во все большей степени стала исключаться Россия. Инициатива трех морей вскоре стала развиваться в направлении блокирования коммуникаций с Россией и Китаем, а также инвестиций из этих стран.

До последнего времени Инициатива трех морей терялась среди других образований, которыми перенасыщен регион европейских региональных инициатив и повестки НАТО. Рост значимости этой Инициативы связывается с саммитом в Риге, состоявшимся в июне 2022 г. С тех пор состав участников Инициативы трех морей существенно расширился: Греция стала полноправным членом, Молдавия и Украина стали ассоциированными партнерами, Япония присоединилась в качестве стратегического партнера, Черногория выразила намерение присоединиться к проекту. Очевидно, что расширение является не столько количественным, сколько качественным, демонстрирующим изменение содержания и направленности Инициативы.

Прежде всего, произошло изменение в понимании ее целей. Экономические вопросы и проекты теперь неизменно трактуются с позиции

безопасности, положен конец планам развития российского и белорусского направления в региональной политике. Сама инициатива стала прямо трактоваться как геополитический проект. Посол по особым поручениям, связям с общественностью и Инициативе трех морей в департаменте Европы Министерства иностранных дел Литвы Г. Варвуолис называет Инициативу политически мотивированной платформой [4, с. 36].

По его словам, геополитика является основным стимулом, определяющим позицию Литвы по отношению к Инициативе. Позиции других стран относительно политического содержания проекта могут различаться, но в целом тенденции к политизации проекта и секьюритизации его содержания все более очевидны. Ведущий эксперт польского Исследовательского центра ИТМ К. Поплавский связывает рост заинтересованности внешних партнеров – США, ФРГ и присоединение Японии к Инициативе в качестве стратегического партнера – с расширением украинского кризиса и развитием понимания общности интересов безопасности [5].

Важно отметить, что процессы, которые стали набирать силу в 2022 г., развивались в регионе и ранее. Прежде всего, это постепенный отказ от российских энергетических ресурсов, временно ставший важнейшим направлением как политической работы, так и развития инфраструктуры, а также замещение логики развития транспортной инфраструктуры «Восток–Запад» связями «Север–Юг», предполагающими увеличение коллективной связанности Прибалтийских стран с Польшей и более широким регионом Центрально-Восточной Европы.

С 2022 г. в повестке Инициативы обозначаются новые приоритеты. Первым и самым важным становится укрепление обороноспособности региона посредством развития физической и цифровой инфраструктуры между странами – участниками Инициативы и западной частью Европы. Проекты ИТМ могут стать более актуальными с точки зрения архитектуры региональной безопасности, поскольку включают инфраструктурные элементы, которые будут способствовать укреплению военно-логистического потенциала сил НАТО.

В данном контексте очень важно вступление в Инициативу Греции, что в купе с развитием проекта *Via Carpathia* создаст новые возможности переброски войск НАТО из Салоников в любую точку региона вплоть до Прибалтики. Греция готова участвовать в создании любых новых маршрутов – железнодорожных, автомобильных, энергетических [6]. Однако, как это всегда происходит с реализацией возможностей в данном регионе, вопрос финансирования остается открытым [7].

10 июля 2024 г. Греция, Болгария и Румыния в рамках саммита НАТО в Вашингтоне подписали соглашение о намерениях создания Гармонизированного военного коридора мобильности. План включает в себя интеграцию четырех портов и их инфраструктур и сетей. Создаваемый коридор соединит Салоники и Александруполис с Варной в Болгарии и Констанцей в

Румынии, что позволит военнослужащим свободно перемещаться по Европе и за ее пределами, беспрепятственно пересекая пограничные пункты во время выполнения миссий.

Кроме того, Румыния создает крупнейшую базу НАТО в Европе, охватывающую площадь в 30 квадратных километров с более чем 10-тысячным контингентом военнослужащих и гражданских лиц. Часть персонала базы Рамштайн в перспективе будет переведена на базу Михаил Когэлничану на побережье Черного моря, поскольку интересы коалиции все больше смещаются на восток.

Последний саммит «троєморя» состоялся в Вильнюсе в апреле 2024 г. Ключевыми темами были безопасность и цифровизация. В нем принимали участие более двадцати делегаций, включая Украину и Молдову в качестве наблюдателей, а также делегации стратегических партнеров, в частности США, Германии и Японии. Вместе с политико-дипломатическими делегациями в Вильнюс прибыли представители бизнеса и академического сообщества для участия в бизнес-форуме и одновременно проводимой научной конференции.

Бизнес-форум фокусировался в основном на трансформации энергетики, углеродной нейтральности, цифровизации и кибербезопасности. Несмотря на активное обсуждение инноваций в ходе научной конференции, расширение повестки общения не привело к конкретным результатам, поскольку ни одна из стран региона не является значимым игроком в инновационных областях. Оба мероприятия были направлены в большей мере на расширение сотрудничества, нежели на достижение конкретных результатов. Принцип заключался в том, чтобы облегчить взаимодействие между компаниями в транспортной инфраструктуре, энергетике и цифровых технологиях.

Совместная декларация Восьмого саммита Инициативы подтвердила, что она «открыта для сотрудничества со странами, не входящими в ЕС, которые привержены основополагающим ценностям и принципам Европейского союза» [8]. В силу этого, аналитик Польского института международных отношений К. Дудзиньска даже заявила о преодолении регионального характера объединения как о важнейшем факте в истории Инициативы [9].

В настоящее время пропагандируется более тесная связь между Инициативой и Великобританией, Японией, Республикой Корея, Канадой, другими «близкими с точки зрения ценностей» странами. Нарастающий интерес к Инициативе трех морей, особенно после присоединения к проекту Греции, проявляет Турция. Международный транспортный коридор *Via Carpatia*, предусматривающий прокладку автомагистрали через территорию семи стран (от литовского порта Клайпеда через Польшу, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Грецию), позволит соединить торговые пути Ближнего Востока с Европой через Турцию.

Проект *Via Carpatia* пересекается с проектами Среднего коридора (Транскаспийский международный транспортный маршрут) и «Дороги

развития» (соединит Персидский залив с Европой). Анкара заявляет о готовности к участию в проекте Via Carpatia и сотрудничеству для его реализации [10]. Примечательно, что тендер стоимостью почти 1,5 млрд злотых на ведущееся в настоящий момент строительство участка магистрали на территории Польши протяженностью 6,4 км выиграла турецкая компания Kolin İnşaat Turizm Sanayi ve Ticaret [11].

Примечательно, что политика Инициативы трех морей плохо сочетается с общеевропейским курсом и, в частности, не предполагает активного сотрудничества с западнобалканскими странами, которые претендуют на членство в ЕС, что активно поддерживается Брюсселем. На Бухарестском саммите в 2023 г. тогдашний президент Венгрии Катали Новак призвала шесть стран Западных Балкан (Черногорию, Северную Македонию, Албанию, Сербию, Косово, Боснию и Герцеговину) присоединиться к Инициативе. Такая позиция является исключительной для стран Инициативы и особенно резко контрастирует со стратегией Польши и Прибалтийских стран, для которых сдвиг активности в сторону Балкан является крайне нежелательным.

Страны, входящие в Инициативу трех морей, в основном негативно воспринимают вмешательство Брюсселя в дела региона, предпочитая минимизировать участие европейской бюрократии в разработке проектов. Однако они вынуждены смириться с тем, что основным средством устранения пробелов в региональных связях и реализации крупномасштабных стратегических проектов межсетевых соединений будут инструменты ЕС и предлагаемые ими каналы финансирования – Трансъевропейские транспортные и энергетические сети, Фонд «Соединяющаяся Европа», Фонд восстановления и устойчивости и др. (Trans-European Transport and Energy Networks, Connecting Europe Facility, Recovery and Resilience Fund, etc.).

Политики и эксперты стран-участниц заявляют о значительном прогрессе в сфере энергетической безопасности, в транспортной связности и в цифровой безопасности на начало 2024 г. [12]. Однако в действительности процессы идут не столь успешно. Например, решение вопроса транспортной связности реализуется с значительным опозданием. К середине 2024 г. было завершено строительство только 260 км 712-километровой магистрали Via Carpathia, 280 км находятся в стадии прокладки, а на прокладку оставшихся участков транспортного маршрута либо объявлены тендеры, либо они готовятся. Изначально завершить прокладку магистрали планировалось к 2025 г., однако теперь окончание строительства одного лишь польского участка трассы намечено на 2027 г. [13].

При том, что эти и другие планы обсуждаются в рамках Инициативы трех морей, важно учитывать, что они не имеют прямого отношения к самой Инициативе. По сути, в повестку «троеморья» включаются любые актуальные проблемы, решения по которым принимались в ходе консультаций в рамках НАТО, ЕС и в других форматах. Отсутствие самостоятельных установок усугубляется несоответствием декларируемых задач и возможностей их

финансирования. В 2020 г. МВФ оценивал общие затраты на инфраструктуру региона трех морей в 1,15 трлн. евро [14, р. 15], что существенно превышает совокупные возможности инвестиционного фонда Инициативы, финансирования из европейских фондов в течение долгосрочного бюджетного периода 2021–2027 гг. и самих стран-участниц.

Однако задачей Инициативы является не инвестирование, а формирование региональной инвестиционной логики, что позволит сформировать новую систему приоритетов и изменить систему направления финансовых потоков в целом. Для этого в Польше отстаивают идею формирования международных экспертных групп по ключевым направлениям работы Инициативы, в которых предполагается активное участие польских специалистов.

Работа таких интернациональных групп может ускорить изменение понимания будущего региона среди элит входящих в Инициативу стран. При этом, исходя из приведенного выше анализа, неизбежным становится вывод о том, что основное внимание страны объединения предполагают переключить на вопросы военной подготовки инфраструктуры и, если это будет возможным, объединение транспортно-логистической инфраструктуры стран восточного фланга НАТО и Западной Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Prezydent: inicjatywa Trójmorza to przede wszystkim przestrzeń bezpieczeństwa // PAP. 13.06.2024. URL: <https://www.pap.pl/aktualnosci/prezydent-inicjatywa-trojmorza-przede-wszystkim-przestrzen-bezpieczenstwa> (дата обращения 28.09.2024).
2. Bornio J. Znaczenie Inicjatywy Trójmorza dla wojskowej współpracy w regionie // Instytut Europy Środkowej. Komentarze IEŚ 966. 30.09.2023. URL: <https://ies.lublin.pl/komentarze/znaczenie-inicjatywy-trojmorza-dla-wojskowej-wspolpracy-w-regionie/> (дата обращения 28.09.2024).
3. Carafano J.J. The untapped potential of the Three Seas Initiative // GIS. 10.08.2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/three-seas-initiative-2/> (дата обращения 28.09.2024).
4. Varvuolis G. The Three Seas Initiative: New Breathing for North–South Connectivity in the Context of Current Geopolitical Shifts in Europe. URL: <https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/Lithuanian%20foreign%20policy%20review%20GV.pdf> (дата обращения 28.09.2024).
5. Popławski K. Inicjatywa Trójmorza coraz atrakcyjniejsza dla partnerów zagranicznych? // 3SI research center. URL: <https://trojmorze.isppan.waw.pl/najnowsze-informacje/inicjatywa-trojmorza-coraz-atrakcyjniejsza-dla-partnerow-zagranicznych/> (дата обращения 28.09.2024).

6. PM Mitsotakis at 3 Seas Initiative Summit in Vilnius // To Vima. 11.04.2024. URL: <https://www.tovima.com/politics/pm-mitsotakis-at-3-seas-initiative-summit-in-vilnius/> (дата обращения 28.09.2024).
7. Bulgaria, Greece seeks funds from EU, NATO to build key roads // Euroactive. 22.01.2024. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/bulgaria-greece-seeks-funds-from-eunato-to-build-key-roads/> (дата обращения 28.09.2024).
8. Wspólna deklaracja VIII Szczytu Inicjatywy Trójomorza (Bukareszt, 6-7 września 2023 r.) // 3SI Research Center. URL: <https://trojmorze.isppan.waw.pl/deklaracje/wspolna-deklaracja-viii-szczytuinicjatywy-trojmorza-bukareszt-6-7-wrzesnia-2023-r/> (дата обращения 28.09.2024) Dudzińska K. Wileński szczyt Trójomorza pod hasłem bezpieczeństwa NR 27/2024. 16.04.2024. URL: <https://www.pism.pl/webroot/upload/files/Komentarz/Komentarz%20PISM%20nr%2027-2024.pdf> (дата обращения 28.09.2024).
9. Dudzińska K. Wileński szczyt Trójomorza pod hasłem bezpieczeństwa NR 27/2024. 16.04.2024. URL: <https://www.pism.pl/webroot/upload/files/Komentarz/Komentarz%20PISM%20nr%2027-2024.pdf> (дата обращения 28.09.2024).
10. Ruszyła realizacja przedostatniego odcinka S19 w woj. podkarpackim // Kieruneksurowce. 31.05.2024. <https://www.kieruneksurowce.pl/artukul,104712,ruszy-la-realizacja-przedostatniego-odcinka-s19-w-woj-podkarpackim.html> (дата обращения 28.09.2024).
11. Prezydent: Współpraca w ramach Inicjatywy Trójomorza dobrze funkcjonuje // President.pl. 11.04.2024. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/wilno-konferencja-prasowa-po-9-szczycie-inicjatywy-trojmorza,83868> (дата обращения 28.09.2024).
12. Via Carpatia - stan realizacji. Generalna Dyrekcja Dróg Krajowych i Autostrad // Portal Gov.pl. 14.04.2022. URL: <https://www.gov.pl/web/gddkia/via-carpatia---stan-realizacji> (дата обращения 28.09.2024).
13. Infrastructure in Central, Eastern, and Southeastern Europe: Benchmarking, Macroeconomic Impact, and Policy Issues / International Monetary Fund. Departmental Paper No. 2020/011. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2020/09/25/Infrastructure-in-Central-Eastern-and-Southeastern-Europe-Benchmarking-Macroeconomic-Impact-49580> (дата обращения 28.09.2024).

Н. Пыжиков, Т. Алиев, В. Живалов

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕАЭС*

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-200-222

Пыжиков Никита Сергеевич, Институт развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (РФ, г. Москва), руководитель Центра экономической интеграции,
ORCID 0000-0001-6505-127X, ns.pyzhikov@vavt.ru

Алиев Тимур Мамедович, кандидат экономических наук, Институт международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (РФ, г. Москва), старший научный сотрудник,
ORCID 0000-0003-3545-542X, t.aliev@vavt.ru

Живалов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, Институт развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (РФ, г. Москва), главный научный сотрудник Центра социально-политических исследований,
ORCID 0000-0001-6827-5754, zhivalovvn@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2024. Одобрена
после рецензирования 25.09.2024. Принята к публикации 30.09.2024.

Аннотация: В статье рассматривается Большое Евразийское партнерство (БЭП) на уровне глобальной структуры мирового порядка как альтернативный полюс развития, способный конкурировать с западным доминированием и системой ценностей. В ходе исследования использовались методы оценки экономических эффектов с применением гравитационной модели, методика построения и анализа графа, проводился анализ правовых документов, количественный и качественный анализ сообщений средств

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных Институтом развития интеграционных процессов ВАВТ Минэкономразвития РФ.

массовой информации. Результаты показывают, что несмотря на то что БЕП довольно давно вошло в публичный дискурс, оно так и не получило институционального содержания. В связи с этим у БЕП отсутствует институциональная форма, поэтому для его развития крайне необходимо взаимодействие с институализированными интеграционными объединениями. Вместе с тем фактически БЕП может стать основой для координации действий между другими значимыми интеграционными объединениями региона. Показано, что, несмотря на то что страны ЕАЭС в целом сформировали общую повестку тем и направлений сотрудничества, их стратегические документы потенциально содержат гораздо больше тем и направлений развития, чем реализуются в настоящее время. Раскрываются ключевые направления и перспективы России в отношении развития проекта БЕП. Проведенный анализ показывает, что в условиях геополитической турбулентности и лавинообразного введения недружественными странами санкций в отношении двух из пяти государств – членов ЕАЭС представляется целесообразным расширить список приоритетов деятельности ЕАЭС такими, которые направлены не столько на признание факта образования Союза и его позиционирования на мировой арене, но и на продвижение интересов ЕАЭС в рамках переговоров по текущей международной повестке. Предлагается в целях совершенствования организации международных экономических и социальных процессов странам ЕАЭС разработать дополнительные мероприятия к конкретному содержанию данной инициативы.

Ключевые слова: Большое Евразийское партнерство (БЕП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), приоритеты развития, институциональное интеграционное объединение, инициатива, сотрудничество, партнерство, региональный проект, региональная интеграция, глобальный мир, мегаблок, международные организации.

GREAT EURASIAN PARTNERSHIP AND THE PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE EAEU

Nikita S. Pyzhikov, Institute for Development of Integration Processes of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Head of the Center for Economic Integration,

ORCID 0000-0001-6505-127X, ns.pyzhikov@vavt.ru

Timur M. Aliyev, Cand. Sci. (Economics), Institute of International Economics and Finance of All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher,

ORCID 0000-0003-3545-542X, t.aliev@vavt.ru

Vladimir N. Zhivalov, Dr. Sci. (Economics), Institute for Development of Integration Processes of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Principal Researcher of the Center for Socio-Political Research,
ORCID 0000-0001-6827-5754, zhivalovvn@mail.ru

Received 28.06.2024. Revised 25.09.2024. Accepted 30.09.2024

Summary: The article considers the Great Eurasian Partnership (BEP) at the level of the global structure of the world order, as an alternative pole of development capable of competing with Western dominance and a system of values. The research used methods for assessing economic effects using a gravitational model, a graph construction and analysis technique, an analysis of legal documents, a quantitative and qualitative analysis of media reports. The results show that despite the fact that BEP has been in public circulation for quite a long time, it has not received an institutional content. In this regard, the BEP does not have an institutional form, therefore, interaction with institutionalized integration associations is extremely necessary for its development. At the same time, in fact, the BEP can become the basis for coordinating actions between other significant integration associations in the region. It is shown that the EAEU countries, despite the fact that, in general, they have formed a common agenda of topics and areas of cooperation, their strategic documents potentially contain much more topics and areas of development than are currently being implemented. The key directions and prospects of Russia in relation to the development of the BEP project are revealed. The analysis shows that in the context of geopolitical turbulence and the avalanche-like imposition of sanctions by unfriendly countries against two of the five EAEU member states, it seems advisable to expand the list of priorities of the EAEU activities to those aimed not so much at recognizing the fact of the formation of the Union and its positioning on the world stage, but also at promoting the interests of the EAEU within the framework of negotiations on the current the international agenda. It is proposed that, in order to improve the organization of international economic and social processes, the EAEU countries develop additional measures to the specific content of this initiative.

Keywords: The Great Eurasian Partnership (BEP), the Eurasian Economic Union (EAEU), development priorities, institutional integration association, initiative, cooperation, partnership, regional project, regional integration, global world, megablock, international organizations.

Введение

Большое Евразийское партнерство (БЕП) представляет собой новый формат евразийской интеграции в развитии отношений с внешними партнерами и интеграционными объединениями. В условиях глобальной международной турбулентности, когда старые центры силы утрачивают значимость, особую актуальность приобретают новые проекты региональной и глобальной интеграции.

В последние несколько лет наблюдается формирование таких региональных проектов, как, например, Организация тюркских государств (ОТГ, англ. OTS), призванная объединить страны тюркского мира по целому ряду направлений сотрудничества. Особое место в международной повестке занимает БРИКС (англ. BRICS) и перспективы его расширения за счет новых членов.

В 2018 г. была предпринята попытка ввести в международный дискурс понятие BEAMS – мегаблок, призванный объединить такие региональные интеграционные механизмы, как БИМСТЕК (англ. BIMSTEC), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Африканский Союз, МЕРКОСУР и ШОС. Однако данный концепт пока не получил должного развития, в отличие от проекта Большого Евразийского партнерства.

Целью данной статьи является разработка предложений по развитию ЕАЭС как ядра Большого Евразийского партнерства, определение форматов и направлений взаимовыгодного сотрудничества Союза с внешними партнерами. В соответствии с этой задачей важным, по нашему мнению, становится определение приоритетов ЕАЭС в развитии отношений с внешними партнерами, интеграционными объединениями с учетом того, что в новых условиях необходима идентификация партнеров, интеграционных объединений и международных организаций, представляющих наибольший интерес и возможности с точки зрения реализации приоритетов ЕАЭС и России.

Началом Большого Евразийского партнерства следует считать инициативу президента РФ В. Путина, изложенную в его послании Федеральному собранию в 2015 г.[1]. Она предусматривает создание на Евразийском континенте широкого интеграционного контура с целью построения справедливого полицентрического миропорядка, основанного на разностороннем и взаимовыгодном экономическом сотрудничестве по всем направлениям.

Основные принципы работы БЕП содержатся в ключевых документах стратегического планирования, таких как Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г. [2] и Концепция внешней политики РФ 2023 г. [3]. В соответствии с этими документами БЕП является флагманским внешнеполитическим проектом, призванным стать «широким интеграционным контуром». БЕП включает в себя такие организации, как ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, а также китайскую инфраструктурную инициативу «Один пояс – один путь».

Данный проект может создать условия для объединения Евразии в «единое общее континентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания».

Хотя Большое Евразийское партнерство достаточно давно стало предметом публичного дискурса, однако пока оно не получило институционального оформления, поэтому возникает необходимость разработать принципы конкретного наполнения данной инициативы.

На уровне глобальной структуры мирового порядка БЕП рассматривается как альтернативный полюс развития, который может составить конкуренцию западному доминированию и западной системе ценностей. Перед БЕП стоит задача не только выявить новые зоны экономического роста и интенсивного развития, но построить это развитие на отличных от Запада ценностях и принципах – конкуренция VS сотрудничество, доминирование VS согласование интересов. Региональная интеграция рассматривается развивающимися странами как способ преодолеть экономическую отсталость и повысить свою глобальную конкурентоспособность [4]. В соответствии с этой установкой задачей проекта является экономическое развитие не для «глобального лидерства», к которому стремятся западные компании и страны, а с целью использования внутреннего потенциала каждой страны для повышения благосостояния каждого ее жителя.

Эффективное развитие БЕП может быть обеспечено посредством использования модели «глобальных ворот», которая подразумевает, что глобализация привела к неравномерному распределению богатства, ресурсов, технологий и экономического развития. Неравномерное развитие наблюдается и в рамках отдельных национальных государств. В этой связи ученые считают, что объектом анализа должны выступать не только национальные государства, но и отдельные регионы. «Ворота в глобальный мир» – это территории, которые стремительно аккумулируют финансовые ресурсы, знания, человеческий капитал, транспортные и коммуникационные возможности [5].

Задача БЕП – стать такими «глобальными воротами» или создать на своей территории несколько таких «ворот». В контексте БЕП такие «глобальные ворота», при необходимости и согласии участвующих сторон, могут быть расположены на территории нескольких государств, а само развитие БЕП может подразумевать установление взаимосвязи между такими «глобальными воротами» для обеспечения обмена духовными и материальными ресурсами.

Основа формирования «ворот в глобальный мир» на определенной территории – развитие торговых сетей доверия [6]. Вторым важным условием становится развитие переговорных практик и устойчивых институтов, которые способны регулировать процесс заключения и выполнения сделок.

Отказ России от позиции периферии Европы и позиционирование себя как центра Северной Евразии может трактоваться как попытка сформировать сеть «ворот в глобальный мир». Для этого Россия должна выступать

инициатором масштабных и выгодных для партнеров по региону проектов. Таким проектом призвано стать БЕП, в первую очередь как сеть развитых глобальных центров притяжения ресурсов, связанных между собой по сетевому принципу и построенных на основе схожих институциональных принципов.

Как отмечает социолог и исследователь Дальнего Востока Л. Бляхер, на азиатских рынках человек выступает не только как представитель корпорации, но и как частное лицо. В результате «возникают устойчивые деловые сети людей, лично знающих друг друга, доверяющих друг другу, делающих общий бизнес в разных странах» [7].

Приоритеты развития ЕАЭС

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [8] (далее – Договор), ключевой задачей функционирования Союза является повышение благосостояния граждан государств – членов ЕАЭС. С учетом этого, лидерами государств – членов ЕАЭС в 2018 г. была принята «Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС» [9], согласно которой государствам-членам было поручено превратить Союз в один из значимых центров современного мирового развития, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и для выстраивания новых форматов взаимодействия.

Решением Высшего Евразийского экономического совета № 2 от 11 декабря 2020 г. были утверждены «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [10] (далее – Стратегия). Стратегия включает 38 мер (из общего количества 332 мер), направленных на формирование Союза как одного из наиболее значимых центров развития современного мира. В Стратегии сформулировано четыре приоритета в развитии отношений с внешними партнерами, интеграционными объединениями и международными организациями.

В качестве первого приоритета указывается использование потенциала института государства-наблюдателя при Союзе. Статус наблюдателя при ЕАЭС предусмотрен статьей 109 Договора о ЕАЭС от 20 мая 2014 г. Государства, которым предоставлен статус наблюдателя, могут присутствовать на заседаниях органов Союза, получать документы, не имеющие конфиденциального характера. Статус наблюдателя не дает права участвовать в принятии решений в органах Союза.

По состоянию на июль 2023 г. статус наблюдателя при ЕАЭС имеют два государства – Узбекистан и Куба. Такой статус они получили на заседании Высшего Евразийского экономического совета 11 декабря 2020 г. В апреле 2021 г. был принят Меморандум «О взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Узбекистан» [11] и

план совместных мероприятий на 2021–2023 гг. Узбекистан может участвовать в работе по отдельным проектам. Меморандум содержит широкий спектр направлений сотрудничества, в том числе регулирование рынков товаров и услуг, вопросы цифровизации и социальной повестки. Учреждена также совместная рабочая группа по взаимодействию между Правительством Республики Узбекистан и ЕЭК. Из 108 мероприятий, предусмотренных планом, по состоянию на август 2022 г. было выполнено 70%.

С 2018 г. Республика Куба работает с Евразийской экономической комиссией на основе Меморандума о взаимопонимании, имея при этом давние торгово-экономические отношения с каждым государством – членом ЕАЭС [12]. В соответствии с Меморандумом стороны координируют усилия по увеличению товарооборота и инвестиций, по устранению барьеров, препятствующих развитию торговли. Для решения поставленных задач функционирует совместная рабочая группа. В 2021 г. между ЕАЭС и Кубой был подписан план совместных действий до 2025 г., рассматриваются возможности разработки совместных кооперационных проектов, вплоть до создания отдельного промышленного парка ЕАЭС на территории Особой зоны развития Мариэль Республики Куба.

Статус наблюдателя при ЕАЭС впервые был предоставлен Республике Молдова в мае 2018 г. [13]. Однако по инициативе министра иностранных дел и европейской интеграции Молдовы в октябре 2021 г. было принято решение отозвать представителя республики в ЕЭК. Новая правящая команда провозгласила приоритетом интеграцию Молдовы в Европейский союз, и по данному вопросу была принята совместная декларация с президентами Украины и Грузии.

Ведется работа с Азербайджаном, Таджикистаном и Туркменией, направленная на вовлечение этих республик в деятельность ЕАЭС и получение ими статуса стран-наблюдателей. В Туркмении создана правительственная комиссия, которая занимается изучением возможностей ЕАЭС, Таджикистан и Азербайджан также проводят работу по определению целесообразности и формата взаимодействия с Союзом.

В качестве второго приоритета в Стратегии указана имплементация международных договоров Союза и его государств-членов. Статьей 35 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. установлено, что режим свободной торговли товарами в критериях ГАТТ 1994 в торговле с третьей стороной вводится на основании международного договора Союза с такой третьей стороной.

В настоящее время у ЕАЭС совместно с государствами – членами Союза заключены соглашения о свободной торговле с Вьетнамом [14], Ираном [15], Сербией [16]. Кроме того, в 2019 г. вступило в силу непреференциальное соглашение о развитии торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС, государствами – членами Союза и Китаем [17], которое закладывает институциональные основы для взаимодействия и развития кооперационных

проектов.

В 2019 г. заключено соглашение о зоне свободной торговли с Сингапуром [18], однако его вступление в силу предполагается после вступления в силу пяти двухсторонних соглашений о торговле услугами и инвестициями между Сингапуром и странами ЕАЭС. По состоянию на июль 2023 г. такое соглашение имеется у Сингапура только с Арменией.

С 2015 г. ведутся переговоры о заключении соглашений о свободной торговле государств – членов Союза с Израилем, а с 2016 г. – с Египтом и Индией. В 2022 г. Совет ЕЭК инициировал переговоры о зоне свободной торговли с Индонезией и ОАЭ. Кроме того, проводится работа Совместной исследовательской группы по определению целесообразности формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Монголией.

Третьим приоритетом установлено взаимодействие ЕАЭС с международными региональными объединениями. К настоящему времени у ЕЭК накоплен значительный опыт в части формирования институциональных основ взаимодействия с региональными блоками по всему миру. Так, меморандумы о взаимодействии подписаны с СНГ [19], Союзным государством России и Беларуси [20], Андским сообществом [21], Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества [22], Латиноамериканской экономической системой [23], Южноамериканским общим рынком [24], Африканским союзом [25], Тихоокеанским альянсом [26], Секретариатом по экономической интеграции в Центральной Америке [27], Шанхайской организацией сотрудничества [28].

В меморандумах заявлены направления сотрудничества, преимущественно – экономика и финансы, транспорт, меры торговой политики, технические барьеры в торговле, таможенная политика и отраслевое сотрудничество. Сформулированы механизмы для реализации такого сотрудничества посредством проведения совместных мероприятий и подготовки совместных публикаций.

Наиболее глубокое взаимоотношение сложилось с СНГ, сотрудничество с которым осуществляется по широкому кругу вопросов, начиная от режима торговли, инвестиций и конкуренции и заканчивая цифровой экономикой, налоговой политикой и защитой прав потребителей. В настоящее время работа по реализации Меморандума об углублении взаимодействия между ЕЭК и Исполкомом СНГ [29] ведется в соответствии с Планом мероприятий на 2023–2025 гг. Особое внимание в документе уделено развитию сотрудничества по реализации масштабных совместных проектов и цифровизации, выработке подходов по сопряжению прав ЕАЭС и нормативной базы СНГ, в том числе в целях устранения возможных противоречий.

Четвертым приоритетом является активизация взаимодействия ЕАЭС с международными организациями, среди которых – Организация Объединенных Наций (ООН) и организации системы ООН, в том числе региональные экономические комиссии ООН (Экономическая и Социальная

комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК), Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК)), Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

Кроме того, учитывая наднациональную компетенцию ЕЭК, в соответствии с Договором о ЕАЭС, ЕЭК сотрудничает с Всемирной торговой организацией (ВТО), Всемирной таможенной организацией (ВТамО), Организацией сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) и другими.

В условиях геополитической турбулентности и лавинообразного введения недружественными странами санкций в отношении двух из пяти государств – членов ЕАЭС важным шагом стало принятие 25 декабря 2023 г. Высшим Евразийским экономическим советом Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» [30]. Документ включает шесть основных направлений деятельности: обеспечение общего рынка ЕАЭС ключевыми товарами и ресурсами и его эффективное функционирование; формирование общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития; формирование общего транспортно-логистического пространства; формирование общего финансового рынка; развитие экономического сотрудничества в сферах, имеющих интеграционный потенциал; функционирование ЕАЭС как полюса экономического притяжения на международной арене.

Принятый документ, по нашему мнению, дополняет указанный выше список приоритетов внешнеэкономической деятельности ЕАЭС такими видами деятельности, которые направлены не столько на признание факта образования Союза и его позиционирования на мировой арене, но и на продвижение интересов ЕАЭС в рамках переговоров по текущей международной повестке.

Реализация зафиксированных в документе целей и приоритетов способствует превращению ЕАЭС в привлекательный, «самодостаточный», «гармонично развивающийся» регион мира. Распоряжением Высшего Евразийского экономического совета ЕЭК совместно с государствами – членами Евразийского экономического союза поручено разработать и представить для утверждения Советом ЕЭК в 2025 г. проект плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Декларации.

Рамочная основа сотрудничества

Среди стран, международных организаций и интеграционных объединений, представляющих интерес с точки зрения формирования БЕП, меморандумы о сотрудничестве (взаимодействии, взаимопонимании) с ЕЭК имеются у 10 государств, а также у АСЕАН, ШОС, СНГ, МЕРКОСУР и Африканского союза. Кроме того, принята декларация о партнерстве ЕЭК и Тихоокеанского альянса (см. табл. 1).

Сотрудничество с АСЕАН, ШОС, СНГ, МЕРКОСУР и Тихоокеанским альянсом представлено в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (утверждены решением ВЕЭС от 11.12.2020 № 12) в качестве предпосылки для формирования Союза как одного из наиболее значимых центров развития современного мира. Наличие меморандума с этими международными организациями и интеграционными объединениями создает благоприятную основу для последующего их «подключения» к БЕП.

Таблица 1. Потенциальные партнеры по БЕП
при наличии/отсутствии меморандумов о сотрудничестве с ЕЭК

	Есть меморандум	Нет меморандума
Государства	Китай ОАЭ Южная Корея Сингапур Индонезия Монголия Таиланд Молдавия Мьянма Узбекистан	Турция Бразилия Индия Япония Вьетнам Египет Иран Малайзия Саудовская Аравия Азербайджан Пакистан Сербия Таджикистан Туркменистан Шри-Ланка
Международные организации и интеграционные объединения	АСЕАН ШОС СНГ МЕРКОСУР Африканский союз Тихоокеанский альянс	БРИКС

Источник: составлено авторами на основе данных Правового портала ЕАЭС.

Ряд государств входит также в состав международных организаций и интеграционных объединений, которые указаны в меморандумах:

- АСЕАН включает Вьетнам, Индонезию, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд;
- ШОС включает Индию, Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан (имеют статус государств-членов); Монголию (имеет статус государства-наблюдателя); Азербайджан, Египет, Мьянму, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Турцию, Шри-Ланку (имеют статус партнеров по диалогу);
- СНГ включает Азербайджан, Молдавию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан;
- МЕРКОСУР включает Бразилию.

Таким образом, даже при отсутствии собственного меморандума о сотрудничестве, взаимодействие той или иной страны с ЕАЭС возможно на основе «коллективного» меморандума, принятого международной организацией или интеграционным объединением. При этом необходимо учитывать, что меморандум о сотрудничестве «не является международным договором, не создает прав и обязательств, регулируемых международным правом, и не налагает на стороны финансовых и юридических обязательств». Соответствующее указание содержится в тексте каждого меморандума.

Многие из рассматриваемых стран (как имеющие, так и не имеющие меморандумов о сотрудничестве) уже находятся на пути сближения с ЕАЭС и государствами – членами ЕАЭС. Основой этому служат:

- соглашения о свободной торговле с участием государств – членов ЕАЭС, заключенные до образования ЕАЭС (среди участников – Азербайджан, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан);
- соглашения о свободной торговле с участием ЕАЭС и государств – членов ЕАЭС (среди участников – Вьетнам, Иран, Сингапур, Сербия);
- соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с участием ЕАЭС и государств – членов ЕАЭС (среди участников – Китай).

Международный договор, безусловно, является более важным инструментом регулирования правоотношений между ЕАЭС и потенциальными партнерами по БЕП. Однако соглашения о свободной торговле, как правило, «замыкаются» на регламентации преференциального режима – прочие нормы, закрепленные в них, имеют рамочный характер и не предусматривают конкретных обязательств, поэтому международный договор сохраняет значительное сходство с меморандумом о сотрудничестве.

Несмотря на необязательный характер, меморандумы о сотрудничестве предлагают конкретные форматы взаимодействия между сторонами, включая создание рабочих групп, где будет представлена каждая из сторон.

Среди других форматов взаимодействия, которые предлагают меморандумы о сотрудничестве, следует отметить:

- обмен опытом и информацией, подготовку аналитических материалов и докладов, проведение консультаций по вопросам, представляющим взаимный интерес;

- конференции, форумы, ярмарки, выставки, «круглые столы», деловые встречи с участием представителей государств – членов ЕАЭС и потенциального партнера по БЕП.

Меморандумы о сотрудничестве могут иметь отраслевую специфику или носить общий характер. Меморандумы с отраслевой спецификой конкретизируют взаимодействие сторон в конкретной сфере. Например, меморандумы ЕЭК–Китай [31] посвящены вопросам конкурентной политики и антимонопольного регулирования, а также мерам защиты внутреннего рынка; меморандумы ЕЭК–Монголия [32] посвящены СФС и ТБТ; меморандум ЕЭК–Южная Корея [33] посвящен организации государственных закупок. Однако большинство меморандумов о сотрудничестве имеет общий характер и не ограничивается одной конкретной областью взаимодействия сторон.

Направления сотрудничества варьируются для каждого потенциального партнера по БЕП. Следует отметить, что, хотя меморандумы ЕЭК–Китай имеют отраслевой характер, круг сфер сотрудничества, к которым стороны проявляют интерес, шире. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, предусматривает такие сферы отраслевого сотрудничества, как сельское хозяйство, энергетика, транспорт, промышленная кооперация, информационно-телекоммуникационная инфраструктура, технологии и инновации, финансы, окружающая среда [34; 35].

По итогам анализа направлений сотрудничества, закрепленных в меморандумах ЕЭК с потенциальными партнерами по БЕП, можно сделать следующие выводы:

1. Как правило, внимание уделяется аспектам внешней торговли (региональная экономическая интеграция, торговая политика, таможенное регулирование, ТБТ, СФС и пр.) и отдельным отраслям экономики (транспорт, энергетика, сельское хозяйство, промышленность, конкуренция и пр.). Перечень остаётся открытым, и по согласованию сторон может быть дополнен любой сферой, представляющей взаимный интерес.

2. Наиболее распространенными сферами сотрудничества выступают направления, соответствующие содержанию Договора о ЕАЭС, хотя иногда перечень сфер взаимодействия становится шире и включает, к примеру, элементы цифровой повестки. В этой связи возникает риск «отставания» нормативно-правовой базы ЕАЭС от амбициозности планов по углублению сотрудничества.

3. Некоторые направления сотрудничества встречаются в единичных случаях. В частности, в меморандуме ЕЭК–Молдавия [36] и ЕЭК–Узбекистан

[37] в качестве сферы сотрудничества указаны (соответственно) трудовая миграция и защита социальных и трудовых прав трудящихся. В меморандуме ЕЭК–Молдавия допускается сотрудничество в области налогового регулирования. В меморандуме ЕЭК–Узбекистан предлагается уделить внимание технопаркам и свободным экономическим зонам, а также обращению лекарственных средств и медицинских изделий.

Сотрудничество в области электронной торговли закреплено лишь в меморандуме ЕЭК–АСЕАН, а взаимодействие в сфере прослеживаемости и маркировки товаров – только в меморандумах ЕЭК–СНГ.

Таблица 2. Участие государств – членов ЕАЭС в деятельности международных организаций

Наименование организации	Армения	Беларусь	Кыргызстан	Казахстан	Россия	Статус региональных объединений
ВТО	Член (2003)	Наблюдатель (1993)	Член (1998)	Член (2015)	Член (2012)	ЕС (член, 1995)
ОЭСР	Отдельные проекты	Отдельные проекты	Отдельные проекты	Членство в отдельных рабочих органах	Приостановлено сотрудничество	Европейская комиссия (допуск к работе в ОЭСР)
МТФ ОЭСР	Член (2003)	Член (1996)	Отдельные проекты	Член (2017)	Член (1997)	-
МЭА ОЭСР	-	-	-	-	-	-
ВТамО	Член (1992)	Член (1993)	Член (2000)	Член (1992)	Член (1991)	ЕС (временный член, 2007)
МОТ	Член	Член	Член	Член	Член	Европейская комиссия, долгосрочное партнерство
ВОИС	Член	Член	Член	Член	Член	Наблюдатели: региональные объединения, включая ЕЭК
ВБ	Член (1992)	Член (1992)	Член (1992)	Член (1992)	Член (1992)	Партнерство Европейской комиссии и ВБ, 2020 (финансирование проектов)
МВФ	Член (1992)	Член (1992)	Член (1992)	Член (1992)	Член (1992)	Партнерство Европейской комиссии с МВФ, 2016

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА

ООН	Член (1945)	Член (1992)	Член (1992)	Член (1992)	Член (1945)	Постоянный наблюдатель для плюрилатеральных организаций (ЕС)
ЮНИДО	Член (1992)	Член (1985)	Член (1993)	Член (1997)	Член (1985)	(см. ООН)
ЮНКТАД	Член	Член	Член	Член	Член	(см. ООН)
ВОЗ	Член	Член	Член	Член	Член	Европейская комиссия, стратегическое партнерство
ФАО	Член (1993)	Член (2005)	Член (1993)	Член (1997)	Член (2006)	ЕС (член, 1991)

Источник: составлено авторами.

«Непопулярность» данных направлений сотрудничества можно объяснить как их неактуальностью для сторон (например, вопросы, связанные с трудовой миграцией), так и сложностью технического сопровождения проектов, представляющих взаимный интерес (например, при расширении системы прослеживаемости и маркировки товаров на большее число стран).

Анализ данных, содержащихся в таблице 2, позволяет сделать следующие выводы:

- ЕЭК обладает правами члена в ВОИС и может продвигать торгово-экономические интересы в данной организации;
- приоритетной для взаимодействия ЕЭК является ВТО, так как большинство переданных на уровень ЕЭК компетенций относится к вопросам регулирования данной организации. Однако анализ участия региональных торговых организаций в ВТО показывает, что только ЕС является членом данной организации с даты ее основания;
- приоритетной для сотрудничества является ООН, причем получение статуса наблюдателя в этой организации осуществляется на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, и в Уставе ООН нет соответствующих положений;
- в рамках ОЭСР единственным региональным торговым объединением, в соответствии с дополнительным протоколом к Конвенции об ОЭСР 1960 года, получившим постоянный доступ к участию в рабочих органах организации, является Европейская комиссия. Вместе с тем в ОЭСР допускается работа по отдельным направлениям с приглашением других региональных торговых объединений при условии согласия всех членов конкретного рабочего органа ОЭСР. В связи с этим представляется

целесообразным, воздерживаясь от формализации отношений с данной организацией, при поддержке государств – членов ЕАЭС, чье сотрудничество с ОЭСР продолжается, участвовать в работе этой организации по вопросам, актуальным для ЕАЭС (например, конкуренции, экологии, химическому регулированию и другим), либо в глобальных форумах под эгидой этой организации по актуальным вопросам устойчивого развития. Однако в данном случае необходимо отметить высокие риски блокирования участия ЕЭК по политическим мотивам;

- сотрудничество с такими организациями, как ВОЗ, ВБ, МВФ и МОТ осуществляется на основе партнерства в рамках конкретных проектов между региональным торговым объединением и такой организацией.

Россия и проект БЕП

«В текущих международных условиях, когда разрушаются, к сожалению, традиционные торгово-экономические связи и логистические цепочки, российская инициатива формирования Большого евразийского партнерства приобретает особое звучание», – заявил В. Путин, выступая на первом Евразийском экономическом форуме. «Большая Евразия – это, без преувеличения, большой цивилизационный проект». «Главная идея заключается в создании общего пространства равноправного сотрудничества для региональных организаций. Большое евразийское партнерство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания на всем континенте при учете многообразия моделей развития, культур и традиций всех народов», – указал Путин. «Я уверен, да это и так ясно, что это будет такой центр, который очень многих заинтересует», – подчеркнул он [38].

В научной среде концепция БЕП была разработана в рамках ситуационных анализов Дискуссионного клуба «Валдай» [39]. Помимо обоснования поворота России на Восток, эксперты возлагают большие надежды на регион Сибири и Дальнего Востока как потенциальной сферы экономического роста. В одном из последних докладов Клуба предлагается следующее понимание концепции БЕП: «Партнерство или сообщество Большой Евразии – это, во-первых, нацеленная на десятилетия вперед концептуальная рамка геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающая вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» [39].

БЕП призвано преодолеть оставшиеся после «холодной войны» расколы и разногласия. Клуб «Валдай» предлагает создание «дорожной карты» создания БЕП и предполагает, что она должна содержать следующие элементы: создание транспортной стратегии БЕП; создание системы рейтинговых агентств; создание системы, альтернативной SWIFT; расширение практики торговли в национальных валютах, создание независимых платежных систем; экономический информационный центр, параллельный ОЭСР и работающий во взаимодействии с ним; создание евразийской сети, а возможно, даже организации взаимопомощи на случай чрезвычайных ситуаций, климатических и техногенных катастроф, послекризисного восстановления; создание комплексного независимого информационно-аналитического мегаагентства; воссоздание и создание единой исторической и культурной идентичности Евразии и мира, дополнение преимущественно ориентированного на Европу нарратива всемирной истории, до сих пор доминирующего в мире.

БЕП предполагает укрепление существующих и создание новых институтов, однако следует учитывать, что характер институтов будет отличаться от западных. Постепенно должна происходить интеграция на уровне практик и ценностей, формирование специфических евразийских структур, систем переговоров, согласования интересов и принятия политических решений в рамках традиции Евразии.

Вопросы БЕП сложно удержать в одной лишь экономической плоскости, поскольку неизбежно возникают вопросы безопасности. В связи с развитием идей БЕП, ученые стали поднимать вопрос о формировании особого типа регионализма незападного образца, а Россия и Китай рассматриваются как основные игроки в процессе построения БЕП. При этом, хотя обе страны согласны с необходимостью развития интеграции, их подходы к реализации идей экономической интеграции и вопросам безопасности могут различаться [40].

Взаимосвязь между экономическим развитием и безопасностью выстраивается следующим образом. Для обеспечения внутреннего экономического развития система должна обеспечить безопасность по внешнему контуру. С другой стороны, вопросы внешней безопасности тесно связаны с достижением внутренней стабильности, которая обеспечивается экономическими мерами. По мнению зарубежных исследователей, Россия не смогла выработать собственную программу экономического развития, чтобы активно включиться в глобальную экономику. В связи с этим и была предложена концепция БЕП.

Зарубежные эксперты отмечают, что Россия осознала, что не достигнет должного уровня полноценного экономического развития без помощи со стороны партнеров из Азии. В этой связи основной акцент в партнерстве со странами Азии сделан на развитии Сибири и Дальнего Востока.

Заключение

На данном этапе у БЕП отсутствует институциональное оформление. В связи с этим для развития партнерства взаимодействие с институализированными интеграционными объединениями имеет важное значение. Фактически БЕП может стать основой для координации действий между другими значимыми интеграционными объединениями региона.

Общими задачами БЕП для выстраивания взаимодействия с интеграционными объединениями являются:

- Продвижение концепции БЕП посредством упоминания ее в стратегических документах. На данном этапе наблюдается недостаточная степень осведомленности интеграционных объединений не только о БЕП, но и о ЕАЭС. Для преодоления сложившейся ситуации необходимо организовывать и проводить информационные кампании на площадках интеграционных объединений, а также делиться с ними опытом, накопленным в ЕАЭС для решения тех или иных вопросов. Результатом такого информационного обмена должно стать упоминание БЕП в стратегических документах интеграционных объединений и формирование перечня актуальных направлений сотрудничества с той или иной интеграционной площадкой.

- Координация отраслевой политики и стандартов, действующих в государствах-участниках БЕП. Выработка условий присоединения потенциальных участников БЕП, не являющихся членами ЕАЭС, к отдельным документам, стандартам и программам сотрудничества, действующим в Союзе. На данном этапе участниками инициатив ЕАЭС являются только государства – члены ЕАЭС. Однако для обеспечения интеграции ЕАЭС в глобальные системы необходимо открыть доступ заинтересованных третьих стран к участию в инициативах ЕАЭС.

На сегодняшний день уже имеются примеры включения практики ЕАЭС в стратегические инициативы других интеграционных объединений. Так, задачи по развитию Трансграничного пространства доверия (ТПД) стали одним из направлений взаимодействия, зафиксированных в «Рамочном соглашении об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [41], которое Россия готовится ратифицировать и к которому в ближайшем будущем планируют присоединиться Армения, Казахстан и Киргизия [42].

- Формирование инфраструктурных и отраслевых проектов, актуальных для участников БЕП. Особое внимание необходимо уделить вопросам взаимосвязанности инфраструктурных проектов государств – членов ЕАЭС с региональными инфраструктурными и отраслевыми проектами конкретных интеграционных объединений. В этой связи целесообразно рассматривать не только создание самой инфраструктуры, но и выработку

правил ее использования, а также комплекса услуг по ее обслуживанию.

- Продвижение институциональных форматов присоединения к БЕП, например, зонтичного неpreferенциального соглашения или заключения соглашения о ЗСТ с ЕАЭС.

- Увеличение удельного веса национальных валют во взаиморасчетах, формирование альтернативных SWIFT систем передачи финансовых сообщений и распространение национальных платежных систем. Перспективным представляется обсуждение возможностей использования национальных цифровых валют, а также других инструментов, например системы применения QR-кодов для проведения трансграничных платежей, как это было сделано в АСЕАН [43].

- Продвижение предложений по созданию институтов поддержки и развития БЕП, что может быть выполнено, например, в формате Нового Банка развития БРИКС и координации его действий с ЕАБР и ЕФСР.

Для укрепления формирующейся взаимосвязанности региона целесообразным представляется проведение «Форума БЕП», в ходе которого представители правительств государств-членов, предпринимателей, науки и общественных организаций могли бы встретиться для установления контактов и обсуждения перспектив дальнейшего сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента Российской Федерации от 03.12.2015. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // Официальный сайт Президента России. 03.12.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542> (дата обращения 30.05.2024).
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». (Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, № 1, ст. 212). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения 12.03.2024).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года №229). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения 10.03.2024).
4. Литвинова Т.Н. 2020. Россия в большом евразийском партнерстве: от цивилизационной теории к политической практике // Право и управление. XXI век. Т. 16. № 2. С. 33-42. URL: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-2-55-33-42>

5. Сергеев В.М. 2001. Ворота в глобальный мир // Мегатренды мирового развития (Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева). Центр исследований постиндустриального об-ва. М.: Экономика. С. 202-204.
6. Сергеев В.М., Казанцев А.А. 2007. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. Политические исследования. №. 2, С. 18-30.
7. Бляхер, Л.Е. 2014. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа. 199 с.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201501160013?ysclid=m6r0oxy5ep859758661> (дата обращения 20.02.2024).
9. Декларация Евразийского экономического союза «О дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза» (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г). URL: <https://base.garant.ru/72124128/> (дата обращения 16.03.2024).
10. Решение Высшего совета ЕАЭС от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/?ysclid=lutmvxjafl628931545 (дата обращения 01.02.2024).
11. Меморандум от 30.04.2021 «О взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Узбекистан». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21bn0056/?ysclid=lxludcl251913398939> (дата обращения 23.03.2024).
12. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Куба // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01518028/ms_06062018 (дата обращения: 21.07.2024).
13. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 г. № 9 «О предоставлении Республике Молдова статуса государства - наблюдателя при Евразийском экономическом союзе». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71844016/?Ysclid=lxh6rvkezi145164177> (дата обращения 11.03.2024).
14. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от 29 мая 2015 года (ратифицировано Федеральным законом от 01.05.2016 № 120-ФЗ, вступило в силу 5 октября 2016 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201610110001?ysclid=lxpxr51qqm226159614> (дата обращения: 11.02.2024).
15. Соглашение от 25.12.2023 «О свободной торговле между

Евразийским экономическим союзом и его государствами - членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23bn0208/> (дата обращения 19.03.2024).

16. Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны, от 25 октября 2019 года (ратифицировано Федеральным законом от 9 ноября 2020 года № 357-ФЗ, вступило в силу для Российской Федерации 10 июля 2021 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107140029?ysclid=lxpy1gbkc4960769598> (дата обращения 20.01.2024).

17. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, от 17 мая 2018 года (вступило в силу 25 октября 2019 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023?ysclid=lx4s53bv864323362> (дата обращения 11.05.2024).

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.09.2019 № 2180-р «О подписании Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны, и Рамочного соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910010026?ysclid=lxpy92ni1u101102983> (дата обращения 11.03.2024).

19. Меморандум о взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств (Москва, 17 декабря 2012 года). URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/12bn0010/> (дата обращения 11.02.2024).

20. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Постоянным Комитетом Союзного государства России и Беларуси. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/13-12-2012-4/?ysclid=lx55mxs96532959308> (дата обращения 26.03.2024).

21. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Генеральным секретариатом Андского сообщества (Лима, 23 марта 2017 г.). URL: <https://base.garant.ru/71642386/?ysclid=lxq076m7rs830912131> (дата обращения 19.04.2024).

22. Меморандум от 14.11.2018 «О взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0099/> (дата обращения 26.04.2024).

23. Меморандум от 24 мая 2018 г. «О взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Латиноамериканской экономической системой». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0037/> (дата обращения 19.03.2024).

24. Меморандум о сотрудничестве по торгово-экономическим вопросам между Евразийской экономической комиссией и Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР). (Подписан в г. Монтевидео 17.12.2018.) URL: https://ecolog.ru/docs/dKR8RKzc6wmQP9bApJul4?ysclid=lxq17gmcyb905933482&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения 26.02.2024).

25. Меморандум от 24 октября 2019 года о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0117/> (дата обращения 19.03.2024).

26. Декларация от 05.07.2019 «О партнерстве между Евразийской экономической комиссией и государствами - участниками Рамочного соглашения Тихоокеанского альянса». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0066/> (дата обращения 26.05.2024).

27. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом по экономической интеграции в Центральной Америке от 25 февраля 2021 года. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/21bn0049/> (дата обращения 26.05.2024).

28. Меморандум от 17 сентября 2021 года о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и секретариатом Шанхайской организации сотрудничества. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/21bn0110/> (дата обращения 26.05.2024).

29. Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств (Минск, 27 ноября 2018 г.). URL: <https://base.garant.ru/72134082/?ysclid=lxpyf1isy234475187> (дата обращения 19.03.2024).

30. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». URL: <https://base.garant.ru/408293527/?ysclid=m0v2sb7cs689295896> (дата обращения 08.08.2024).

31. Меморандум о сотрудничестве по вопросам торговли между Евразийской экономической комиссией и Министерством коммерции Китайской Народной Республики. URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/MEM/Documents/Mem4.pdf> (дата обращения 11.04.2024).

32. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Агентством по стандарту и метрологии Монголии в области

технического регулирования и аккредитации (Улан-Батор, 4 октября 2017 г.). URL: <https://base.garant.ru/71784138/?ysclid=lxq6hiz1l213911303> (дата обращения 26.05.2024).

33. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Министерством промышленности, торговли и энергетики Республики Корея. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420317217?ysclid=lxq6rzpo8a953542456> (дата обращения 26.02.2024).

34. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, от 17 мая 2018 года (вступило в силу 25 октября 2019 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023?ysclid=lxh4s53bvv864323362> (дата обращения 11.05.2024).

35. Меморандум о сотрудничестве по вопросам торговли между Евразийской экономической комиссией и Министерством коммерции Китайской Народной Республики. URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/MEM/Documents/Mem4.pdf>. (дата обращения 11.04.2024).

36. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Республикой Молдова (Кишинев, 3 апреля 2017 г.). URL: <https://base.garant.ru/71651400/?ysclid=lxh6ex2b6s765592894/> (дата обращения 11.04.2024).

37. Меморандум от 30.04.2021 «О взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Узбекистан». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/21bn0056/?ysclid=lxludcl251913398939> (дата обращения 23.03.2024).

38. Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // ТАСС. 28.05.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14737439> (дата обращения: 08.06.2024).

39. К Великому океану – 5: От поворота на Восток к Большой Евразии // МДК Валдай. 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17048/> (дата обращения 08.07.2024).

40. Tuter M. 2023. Greater Eurasia Partnership: Domestic and Regional Elements of Foreign Policy Convergence // Eurasian Research Journal ERJ, Vol. 5. No. 1. Pp. 7-25.

41. Рамочное соглашение об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311280011?ysclid=m6r1apz23c416827902> (дата обращения 17.02.2024).

42. Россия упростит трансграничную торговлю со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL:

https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_uprostit_transgranichnuyu_torg_ovlyu_so_stranami_aziatsko_tihookeanskogo_regiona.html (дата обращения 20.02.2024).

43. Guild J. ASEAN's Cross-Border Digital Payment System Explained // The Diplomat. 13.06.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/06/aseans-cross-border-digital-payment-system-explained/> (дата обращения 09.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи, публикуемые на страницах журнала «Россия и новые государства Евразии», регистрируются и размещаются в системе РИНЦ.

Каждой статье, публикуемой в журнале, присваивается DOI.

Журнал входит в Перечень ВАК.

К статьям, предлагаемым для публикации, необходимо прикладывать краткую аннотацию (на русском и английском языках) и ключевые слова (также на русском и английском языках).

К статье должен прилагаться список литературы, который оформляется в соответствии со следующими требованиями:

- Описание книги: фамилия и инициалы автора, год выпуска книги, название книги, город, издательство, общее число страниц.
- Если книга написана коллективом авторов, год ставится после ее названия.
- Описание статьи в журнале или главы в книге: фамилия автора, год выхода журнала (книги), название статьи, двойной слэш, название журнала (книги, сборника), номер журнала и страницы, на которых расположена статья (глава).
- Аналогичным образом описываются интернет-ресурсы.
- Ссылки на источники в списке литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте. Ссылки в тексте статьи, подписях к таблицам и диаграммам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается страница (страницы). Допускаются только такие подстрочные сноски, которые содержат пояснения, комментарии, дополнения и т. д.

ПРИМЕРЫ

Чуфрин Г.И. 2013. Очерки евразийской интеграции. М.: Издательство «Весь Мир», 128 с.

Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014 – 2020 гг. (отв. ред. В.И.Пантин, В.В.Лапкин). 2014. М.: ИМЭМО РАН, 120 с.

Работяжев Н.В. 2008. Украина между Россией и Западом: опыт геополитического анализа // Мировая экономика и международные отношения. №9. С. 75–83.

Соловьев Э.Г. 2014. Фактор Украины в российско-американских отношениях // Год планеты. Вып. 2014 г. М.: Идея-Пресс. С. 196–210.

Крылов А., Арешев А. Некоторые соображения о проекте нового договора между Российской Федерацией и Республикой Абхазия // Научное общество кавказоведов. Официальный сайт. 17.10.2014. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/10/17/nekotorye-soobrazhenia-o-proekte-novogo-dogovora-mezhdu-rossijskoy-federaciy-i-respublikoy-abhazia.html> (дата обращения 22.03.2015).